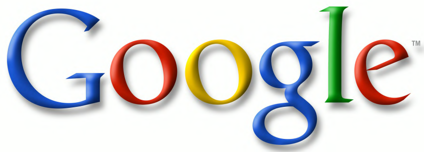

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

DR
27
.S6
G88

B 1,258,261

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

[illegible]

III C 81

Grot, Konstantin [illegible] 2 ноября 1880 г.

ИЗВѢСТІЯ

КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО

О СЕРБАХЪ И ХОРВАТАХЪ

и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

КОНСТАНТИНА ГРОТА.

Удостоено историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета награжденія золотою медалью въ 1876 году.

SHS

С. Петербургъ.

№ 12. Типографія В. Киршбаума, въ д. Министер. Финансовъ, на Дворц. площ.

1880.

DR
27
.S6
G82

Отдѣльные оттиски изъ IX тома Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

105а-272746

Дорогимъ родителямъ

посвящаетъ свой первый трудъ
глубокопризнательный авторъ.

Настоящій трудъ былъ написанъ въ 1876 году на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Тема состояла въ *разборѣ свидѣтельствъ Константина Багрянороднаго о Южныхъ Славянахъ съ критическою провѣркой главнѣйшихъ комментаріевъ къ нимъ*. Уже въ то время у автора была мысль обработать это сочиненіе для печати, но различныя обстоятельства до сихъ поръ препятствовали осуществленію этой мысли. Нынѣ авторъ сознаетъ живѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ слабыя стороны своего труда, но не имѣя возможности снова переработать его съ начала до конца, все-таки рѣшается, сдѣлавъ необходимыя поправки и дополненія, представить его на судъ лицъ, интересующихся славянскою этнографіей и исторіей, въ томъ предположеніи, что и въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ можетъ оказаться небезполезнымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области.

Декабрь 1879 г.

ИЗВѢСТІЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО О СЕРБАХЪ И ХОРВАТАХЪ И ИХЪ РАЗСЕЛЕНІИ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

(Историко-этнографическое изслѣдованіе).

ВВЕДЕНІЕ.

Константинъ Багрянородный: нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни; его ученая дѣятельность. — Его сочиненіе De administrando imperio; цѣль и средства автора.— Сказанія о Славянахъ.

Константинъ Багрянородный (Порфирогеннетъ) [1]), сынъ Льва Мудраго (Философа) и его четвертой жены Зои, родился въ сентябрѣ 905 года. На его долю выпалъ довольно странный жребій: ему было всего 6 лѣтъ, когда отецъ, по обычаю того времени, вѣнчалъ его на царство. Съ этой минуты въ продолженіе 33 лѣтъ онъ былъ императоромъ только по имени, находясь подъ опекой сначала своего дяди Александра, потомъ матери Зои и различныхъ приближенныхъ, наконецъ имъ же назначеннаго себѣ въ

---

[1]) Объ этомъ имени см. *Зернинъ*: Жизнь и литерат. труды имп. Конст. Багр. (Харьковъ, 1858), стр. 110—112. Одни полагали, что оно давалось императорамъ по той части императорскаго дворца, которая называлась „порфирою“ (πορφύρα), и гдѣ императрицы разрѣшались отъ бремени; по мнѣнію другихъ, *Порфирогеннетъ*—значитъ рожденный въ порфирѣ, т. е. тогда, когда отецъ новорожденнаго былъ уже императоромъ. Зернинъ полагаетъ, что Константинъ былъ названъ Багрянороднымъ для того, чтобъ узаконить за нимъ права на престолъ, которыхъ онъ, какъ рожденный до брака Льва съ Зоею, собственно не имѣлъ.

соправители Романа Лакапина. Только въ 944 г. онъ сдѣлался самодержавнымъ и его личное правленіе продолжалось 15 лѣтъ, то-есть, до 959 года, въ которомъ онъ умеръ [1]).

По смерти отца (912 г.) Константинъ попалъ подъ опеку своего дяди Александра, которому самъ Левъ въ послѣдній часъ свой передалъ правленіе, и котораго заклиналъ имѣть попеченіе о малолѣтнемъ сынѣ. Семилѣтній Константинъ имѣлъ передъ глазами въ своемъ порочномъ опекунѣ самый дурной примѣръ; но къ его счастью, Александръ умеръ черезъ годъ съ небольшимъ, вѣроятно—отъ неумѣренной и разгульной жизни. Тотчасъ по его смерти начались смуты, и власть стала переходить изъ рукъ въ руки, пока не была возвращена ко двору удаленная Александромъ императрица Зоя, которая и стала управлять со своими любимцами [2]). Такъ продолжалось приблизительно до 919 г., когда началось возвышеніе Романа Лакапина. Константинъ, еще совершенно неопытный юноша, легко подпалъ вліянію этого хитраго и вкрадчиваго честолюбца. Между тѣмъ съ самой смерти Льва Византія находилась въ постоянной тревогѣ: Болгаре не переставали безпокоить ее своими неожиданными нападеніями, и эта внѣшняя опасность усложняла внутреннюю неурядицу при дворѣ. Обычныя, свойственныя этому двору интриги велись теперь ловкою рукой и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Еще въ 919 г. молодой императоръ вступилъ въ родство съ Романомъ, женившись на его дочери Еленѣ, и при этомъ возвысилъ своего тестя, давъ ему титулъ „василеопатора“ [3]). Освободившись отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, Романъ сдѣлался полновластнымъ лицомъ и ему недоставало только императорскаго титула. Но и этого онъ скоро добился: уже въ концѣ слѣдующаго (920) года самъ Константинъ сдѣлалъ его „кесаремъ“, а затѣмъ короновалъ его въ декабрѣ того же года императоромъ. Но Романъ не довольствовался этимъ: въ слѣдующемъ (921) году онъ короновалъ сперва свою жену Өеодору, а затѣмъ своего старшаго сына Христофора. Такъ онъ устраивалъ свои семейныя дѣла, конечно—въ ущербъ значенію и власти законнаго

---

1) *Rambaud,* L'Emp. grec, p. 4.

2) *Зернинъ,* стр. 25.

3) Тамъ же, стр. 35, прим.

императора въ теченіе всего своего царствованія, продолжавшагося до 944 г. [1]). Между тѣмъ Болгарскій царь Симеонъ не оставлялъ своихъ завоевательныхъ стремленій относительно Византіи. Время отъ времени повторялись его нападенія, а въ 924 г. онъ побывалъ въ послѣдній разъ подъ стѣнами Византіи, гдѣ произошло знаменитое, унизительное для имперіи свиданіе его съ Романомъ, окончившееся однако столь счастливо для Грековъ [2]). Въ 927 г. Симеонъ умеръ. Его сынъ Петръ держался уже совершенно иной политики: онъ женился на внукѣ Романа (дочери Христофора), Маріи [3]), и сталъ въ дружественныя отношенія къ имперіи.

Романъ жестоко поплатился за ту власть, которая досталась ему столь дорогою цѣною. Собственные сыновья его вооружились противъ него, и онъ былъ сосланъ ими на островъ Проту въ декабрѣ 944 г., процарствовавъ однако почти 26 лѣтъ.

Не долго впрочемъ пришлось торжествовать преступнымъ сыновьямъ Романа. Константину удалось наконецъ совершенно овладѣть правленіемъ съ помощью Василія Петина, послѣ того, какъ онъ велѣлъ схватить и отослать въ ссылку двухъ оставшихся сыновей Романа (Стефана и Константина) [4]). Съ этихъ поръ начинается единовластіе Константина Багрянороднаго.

Такимъ образомъ, вся первая половина его жизни до 39-тилѣтняго возраста протекла среди весьма неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя не могли не отразиться на характерѣ Константина.

Но вѣроятно, благодаря его хорошимъ природнымъ наклонностямъ, эти обстоятельства имѣли на него въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе благотворное, чѣмъ пагубное вліяніе. Опека, тяготѣвшая надъ нимъ, имѣла главною цѣлью устранить его отъ всякаго участія и значенія въ правленіи и мало касалась его внутренней жизни. Предоставленный съ дѣтства самому себѣ, онъ пристрастился къ занятіямъ наукой и искусствами и въ нихъ про-

---

[1]) *Rambaud*, 19—22.

[2]) Тамъ же, стр. 333 и слѣд.

[3]) Объ этомъ фактѣ, какъ унизительномъ для гордости Византійцевъ и умаляющемъ ихъ политическое обаяніе передъ варварами, не безъ негодованія отзывается Константинъ. De adm. imp., c. 13, p. 87—88.

[4]) *Зернинъ*, стр. 68, 69.

водилъ почти все свое время. Постоянныя придворныя интриги побуждали его искать уединенія и утѣшенія въ трудѣ. Впослѣдствіи, принявъ правленіе, онъ не оставилъ своихъ ученыхъ занятій и продолжалъ ревностно предаваться имъ почти до самой своей смерти. Императоръ-писатель былъ въ то время явленіемъ не необыкновеннымъ, и не далѣе какъ въ отцѣ своемъ Константинъ видѣлъ примѣръ въ этомъ отношеніи. Какъ императоръ, Константинъ не представляетъ ничего выдающагося и даже, по мнѣнію многихъ, является ничтожнымъ въ государственномъ отношеніи [1]). Можетъ быть такой взглядъ нѣсколько и преувеличенъ, но нельзя не согласиться, что изъ Константина и не могъ образоваться дѣятельный и искусный правитель; удаленный до самаго зрѣлаго возраста отъ государственныхъ дѣлъ, онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти необходимыя для нихъ опытность и навыкъ, а характеръ его, отчасти по природѣ, отчасти вслѣдствіе продолжительной опеки слабый и податливый, еще менѣе соотвѣтствовалъ его царскому призванію.

Мы не будемъ говорить о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Константина, какъ императора; это было бы неумѣстно, да они и не въ состояніи дать намъ ясное понятіе о его личныхъ качествахъ.

Гораздо болѣе выясняется образъ Багрянороднаго изъ плодовъ его учено-литературной дѣятельности, съ которою мы скоро и познакомимся. Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о семейныхъ дѣлахъ Константина. Съ его уживчивымъ и миролюбивымъ характеромъ соединялись и семейныя добродѣтели. Онъ былъ вѣрный и снисходительный мужъ, нѣжный и заботливый отецъ. Всѣ члены его семьи равнымъ образомъ пользовались его любовью и вниманіемъ. Но нельзя сказать, чтобъ онъ былъ вполнѣ счастливъ въ семейной жизни. Сынъ его Романъ, о воспитаніи котораго онъ такъ заботился, и для котораго онъ написалъ столько сочиненій, не оправдалъ его надеждъ. Онъ былъ лѣнивъ и порочень, и кажется, не смотря на молчаніе о томъ Константинова панегириста, Ѳеофана Продолжателя, запятналъ себя даже участіемъ въ отравленіи отца [2]). Незадолго до смерти Константинъ, чувствуя свое

---

[1]) Кедринъ (Hist. Comp., t. II, p. 325, 326), см. у *Зернина*, стр. 80 и слѣд.
[2]) *Rambaud*, стр. 45—46.

здоровье разстроеннымъ, предпринялъ благочестивое путешествіе на гору Олимпъ въ Виѳиніи; тутъ онъ посѣтилъ монастырь (гдѣ прочелъ предсказаніе о своей близкой кончинѣ) и святаго отшельника на вершинѣ Олимпа [1]). Послѣ того онъ долженъ былъ поспѣшить возвратиться въ столицу, ибо почувствовалъ усиленіе болѣзни, безъ сомнѣнія—происшедшей отъ медленнаго отравленія, которое Кедринымъ прямо приписывается Роману. Въ ноябрѣ 959 г. несчастный императоръ умеръ 55-ти лѣтъ отъ роду, по свидѣтельству Ѳеофана Продолжателя, благословивъ на царство своего сына, а по Кедрину, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій [2]).

Мы видѣли, какими обстоятельствами была вызвана литературная дѣятельность Константина. Чтобы понять его значеніе, какъ писателя, нужно прежде всего знать, въ какое время онъ жилъ и писалъ, и каковъ былъ общій уровень образованности окружавшаго его общества.

Преимущественно со времени Юстиніана почти исключительнымъ средоточіемъ умственной жизни всей Греческой имперіи стала Византія [3]). Такое положеніе дѣла было невыгодно въ томъ отношеніи, что состояніе наукъ и просвѣщенія въ имперіи въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ направленія своего центра, то-есть, Византіи, а это направленіе давалось въ то время высшею властью имперіи. Поэтому невѣжество и грубость царствующаго императора неизбѣжно вели за собою интелектуальное паденіе общества, и наоборотъ просвѣщенная дѣятельность и образованность государя подымали умственный уровень этого общества и способствовали процвѣтанію наукъ и искусствъ [4]). Такъ было до Константина, такъ было и послѣ него. Если же мы припомнимъ, какъ не прочна была власть Византійскаго императора, и какъ часто смѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 47—48.

[2]) *Зернинъ*, 109. О жизни Константина есть еще монографія Гирша: *Hirsch*, Kaiser Constantin VII Porphyrogennetos, Berlin, 1873 *(Jahresbericht über die Königstädt. Realschule)*, но къ сожалѣнію, мы не могли имѣть ее подъ руками.

[3]) Въ этомъ отношеніи еще сохранялъ свое значеніе Аѳонъ, и позднѣе XII в.)—Аѳины.

[4]) *Rambaud*, стр. 52.

нялись династіи, при чемъ престолъ нерѣдко доставался грубымъ варварамъ, то увидимъ какимъ превратностямъ судьбы было подвержено просвѣщеніе въ Византіи. Свѣтлыя его эпохи продолжались обыкновенно весьма недолго и смѣнялись быстрымъ паденіемъ наукъ и искусствъ. Но эпоха Македонской династіи, какъ справедливо замѣчено, была въ литературномъ отношеніи совершенно исключительною эпохой въ исторіи Востока [1]). Главными ея представителями въ X в. были два императора изъ этой династіи: Левъ Мудрый и Константинъ Багрянородный. Нашъ царственный историкъ началъ, слѣдовательно, свое литературное поприще въ то время, когда литература и наука, благодаря его отцу, стояли уже на значительной высотѣ, и когда общественная образованность была также выше посредственности. Тѣмъ не менѣе Константину принадлежитъ заслуга еще бо̀льшаго поднятія наукъ вообще и исторической литературы въ особенности. Въ этомъ отношеніи важны не столько его личные труды по исторіи, сколько просвѣщенное и дѣятельное покровительство окружавшимъ его литераторамъ и ученымъ. Много славныхъ именъ мы встрѣчаемъ среди нихъ [2]). Ихъ писательская дѣятельность на пользу науки была отчасти вызвана тѣмъ необыкновеннымъ умственнымъ движеніемъ, которое пробудилось въ то время въ обществѣ, и нашему историку, по справедливости, нельзя не воздать чести за ту роль, которую онъ игралъ въ этомъ движеніи. Даже тѣ историки, которые всего более порицаютъ государственную дѣятельность Константина, признаютъ за нимъ важныя услуги просвѣщенію [3]).

Обратимся теперь къ трудамъ самого Константина. Изъ сочиненій его дошли до насъ слѣдующія: 1) *Жизнь императора Василія* (Македонянина); 2) *О церемоніяхъ Византійскаго двора* (De Cerimoniis Aulae Byzantinae); 3) *О провинціяхъ* (De Thematibus, Περὶ θεμάτων); 4) *Объ управленіи имперіей* (De Administrando Imperio); 5) *Слово о перенесеніи мощей св. Іоанна Златоуста;* наконецъ, нѣкоторые приписываютъ ему еще 6) *Повѣствованіе о нерукотвор-*

---

[1]) *Rambaud*, стр. 61.

[2]) Напримѣръ: Іоаннъ Каменіата, Іосифъ Генезій, Левъ Грамматикъ, Θеодоръ Малый, Левъ Діаконъ и др.

[3]) О литературной роли Константина см. подробно у *Rambaud*, стр. 51—78.

номъ образѣ Іисуса Христа [1]). Какъ видно изъ заглавій сочиненій, они касаются самыхъ различныхъ предметовъ, но цѣль почти всѣхъ ихъ была одна и та же. По крайней мѣрѣ про большую ихъ часть мы можемъ положительно сказать, что они были написаны спеціально для назиданія наслѣдника престола Романа, объ образованіи котораго не мало заботился Константинъ. Цѣль этихъ сочиненій отчасти обусловливаетъ ихъ научное значеніе, ибо мы въ правѣ предположить, что авторъ отнесся бы къ своей работѣ строже и тщательнѣе, еслибъ имѣлъ въ виду не одну поучительную цѣль. Упомянутые труды его обличаютъ въ немъ довольно разностороннія знанія; но къ сожалѣнію, совершенное отсутствіе въ авторѣ критическаго отношенія къ собираемымъ имъ свѣдѣніямъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя онъ почерпалъ изъ сомнительныхъ источниковъ—а вѣдь были же у него и такіе,—заставляютъ насъ относиться къ его разказамъ не всегда съ одинаковымъ довѣріемъ, и часто, можетъ быть, несправедливо заподозрѣвать его показанія даже тамъ, гдѣ онъ пользовался источникомъ достовѣрнымъ. Это обстоятельство весьма затрудняетъ его критиковъ и служитъ отчасти объясненіемъ того разногласія во мнѣніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ, которое мы встрѣчаемъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ объ извѣстіяхъ Константина.

Только три изъ названныхъ сочиненій Константина прямо касаются исторіи и географіи и потому представляютъ наибольшую важность; это—„Жизнь императора Василія“, „О провинціяхъ“ и „Объ управленіи имперіей“. Всѣ они написаны съ поучительною цѣлью, и этого не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто на основаніи ихъ будетъ судить о научной дѣятельности Константина. Сочиненіе „О церемоніяхъ Византійскаго двора“ особенно важно для подробнаго ознакомленія съ состояніемъ и жизнью этого двора; оно прекрасно характеризуетъ намъ внѣшнюю жизнь Византійскаго императора съ безусловнымъ преобладаніемъ формы, которая подчиняла себѣ каждый шагъ послѣдняго.

---

[1]) *Рамбо* (стр. 105), кажется, не безъ основанія отвергаетъ принадлежность этого сочиненія перу Константина. *Рачкій* (Ocjena star. izv; Konst. Porph. Kniževnik, 1864, стр. 39) упоминаетъ еще объ одномъ не изданномъ сочиненіи Константина подъ заглавіемъ ἐκλογή νόμων, хранящемся въ Ватиканской библіотекѣ.

Занимающія насъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго о Славянахъ входятъ почти исключительно въ его сочиненіе „De admi-nistr. imperio“ сочиненіе же „О провинціяхъ“ заслуживаетъ нашего вниманія лишь на столько, на сколько оно въ связи съ предыдущимъ. Кое-какія замѣтки о Славянахъ попадаются и въ трудахъ Константина „Жизнь Василія“ и „О церемоніяхъ Византійскаго двора“, но они не на столько существенны, чтобы намъ останавливаться отдѣльно на этихъ трудахъ. О встрѣчающихся въ нихъ свидѣтельствахъ о Славянахъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, когда того потребуетъ наша работа.

Итакъ, мы прежде всего обратимся къ разсмотрѣнію сочиненія Константина „Объ управленіи имперіей“ и постараемся опредѣлить его научную цѣнность, а слѣдовательно, и важность заключающихся въ немъ свидѣтельствъ о Южныхъ Славянахъ, критическій разборъ которыхъ составляетъ главную нашу задачу. Для этого мы посмотримъ, между прочимъ, какими источниками могъ пользоваться и пользовался Константинъ и насколько эти источники могли быть достовѣрны.

Заглавіе занимающаго насъ труда Константина „De administrando imperio“, то-есть, „Объ управленіи имперіей“, не есть подлинное, ибо таковое не сохранилось [1]), а придумано ученымъ издателемъ и комментаторомъ Меурсіемъ (Meursius) на основаніи предисловія, которое Константинъ предпослалъ своему сочиненію, и въ которомъ онъ изложилъ свою цѣль и планъ [2]). Это произведеніе нашего писателя можетъ по справедливости считаться наиболѣе имъ обработаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе драгоцѣннымъ. Да и не удивительно: онъ писалъ его въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда умъ и способности его достигли высшей степени зрѣлости. Никто изъ ученыхъ не сомнѣвается въ его принадлежности перу Константина, и всѣ приблизительно сходятся въ опредѣленіи времени его составленія, опираясь между прочимъ на показанія са-

---

[1]) Въ рукописи стоитъ: φιλοπόνημα, а предисловіе надписывается такъ: „Κωνσταντίνου τοῦ ἐν χριστῷ βασιλεῖ αἰωνίῳ βασιλέως Ρωμαίων πρὸς τὸν ἴδιον ὑίον Ρωμάνον τὸν θεοστεφῆ καὶ πορφυρογέννητον βασιλέα“.

[2]) Впрочемъ, гораздо болѣе шло бы къ нему заглавіе: περὶ ἔθνων.

мого Константина въ гл. 27-й и 29-й того же сочиненія [1]). Согласно съ этимъ, по общему мнѣнію, Константинъ писалъ это сочиненіе отъ 948 по 952 (или 953) годъ.

Цѣль нашего автора выясняется, какъ мы сказали, изъ приступа, который проникнутъ отеческою нѣжностью къ сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ дышетъ гордостью монарха Восточной имперіи. Вотъ что̀ между прочимъ говоритъ Константинъ: „Прежде всего изложу тебѣ, какой народъ въ чемъ можетъ быть полезенъ и въ чемъ вреденъ Грекамъ; далѣе, какъ живутъ разные народы и съ помощью какого народа можно угрожать войною другому или покорить его; затѣмъ о ненасытности и алчности ихъ, также о безстыдныхъ ихъ требованіяхъ. Здѣсь я буду говорить о различіи между народами, ихъ происхожденіи, образѣ жизни, о положеніи и условіяхъ земли, ими населенной, о пространствѣ и разстояніяхъ земли, равно и о томъ, что происходило въ разное время между Греками и различными народами; далѣе о томъ, что̀ въ извѣстныя эпохи сдѣлано новаго у насъ самихъ, Грековъ. Все это я, разсмотрѣвъ по законамъ мышленія, положилъ передать тебѣ, любезный сынъ мой, дабы ты, твердо зная различіе въ каждомъ изъ упомянутыхъ народовъ, умѣлъ обращаться съ ними, примирять ихъ, а въ случаѣ надобности, покорять и отражать ихъ; они же будутъ съ трепетомъ взирать на твое великодушіе и будутъ бояться тебя, какъ огня. Ты обуздаешь ихъ, и слова твои будутъ для нихъ подобны стрѣламъ. И будешь ты для нихъ грозенъ видомъ, и при одномъ взглядѣ на тебя нападетъ на нихъ страхъ. Всемогущій Богъ сохранитъ тебя, наставитъ тебя премудрость Творца твоего; она направитъ стопы твои и утвердитъ тебя на незыблемомъ основаніи. Тронъ твой передъ нимъ будетъ, какъ солнце. Очи Его будутъ созерцать тебя и никакое несчастіе не случится съ тобою, ибо Онъ самъ избралъ тебя и отрѣшилъ отъ утробы матери твоей и далъ тебѣ власть свою, какъ превосходящему всѣхъ смертныхъ, и поставилъ тебя, какъ стражу на холмѣ, какъ золотое изваяніе на возвышенномъ мѣстѣ; какъ городъ на горѣ—возвысилъ тебя, да принесутъ тебѣ дары всѣ народы и да поклонятся тебѣ всѣ живущіе на землѣ“.

[1]) Въ обоихъ мѣстахъ Константинъ отмѣчаетъ VII индиктъ или 6457 г. съ сотворенія міра, то-есть, 949 по Р. Х.

Мы уже замѣтили выше о зависимости научнаго значенія трудовъ Константина вообще и занимающаго насъ въ частности отъ задачи автора; а задача его намъ извѣстна [1]): онъ хотѣлъ облегчить сыну ознакомленіе съ труднымъ дѣломъ управленія имперіей, давъ ему нѣкоторое понятіе о ея странахъ и народахъ, какъ входящихъ въ ея составъ, такъ и тѣхъ иноземныхъ, съ которыми она принуждена была постоянно имѣть дѣло. Для этого онъ представляетъ историко-географическій очеркъ каждаго народа. Тутъ онъ сообщаетъ все, что̀ зналъ и слышалъ, но не имѣя въ виду критической исторіи, которой, конечно, и не могло знать его время, мало заботится о точности и обстоятельности этихъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого степенью достовѣрности его источниковъ не всегда опредѣляется достовѣрность его показаній.

Какими же, спрашивается, источниками онъ могъ пользоваться, какой матеріалъ имѣлъ подъ руками? Въ этомъ отношеніи нельзя ставить въ одинъ разрядъ всѣ свидѣтельства Константина. Нужно отличать то, что̀ онъ писалъ о древнемъ времени, отъ того, что̀ онъ писалъ о болѣе позднихъ, и наконецъ, о современныхъ ему событіяхъ. Понятно, что онъ могъ имѣть довольно основательныя свѣдѣнія о земляхъ и народахъ, каковыми они были въ его время, тогда какъ свѣдѣнія его о самой древней эпохѣ не могли быть столь же обильны и полны. О современномъ ему положеніи вещей онъ черпалъ свои свѣдѣнія тѣми разнообразными способами сношеній, которые существовали между Византійскимъ дворомъ и землями какъ внутренними, такъ и внѣшними; такимъ образомъ, его источниками въ этомъ случаѣ могли быть устные разсказы и всякіе письменные отчеты и донесенія отчасти византійскихъ пословъ, отправлявшихся къ другимъ народамъ, стратиговъ и другихъ чиновниковъ въ провинціяхъ, а отчасти иностранныхъ посольствъ, заложниковъ, купцовъ и чужеземцевъ-путешественниковъ, которые во всякое время во множествѣ находились въ Византіи. Свидѣтельства Константина, основанныя на такихъ показаніяхъ, должны бы быть довольно досто-

[1]) Поучительную цѣль Константина обличаетъ самая форма сочиненія: словами ὅτι, или ἰστέον ὅτι начинается почти каждая глава. Въ такомъ видѣ сочиненіе является цѣлымъ рядомъ поученій съ постояннымъ напоминаніемъ, что „надо знать то-то", „надо вспомнить то-то".

вѣрны, но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ онъ ими пользовался. Бывали, безъ сомнѣнія, случаи, что нашъ писатель получалъ, а слѣдовательно, и сообщалъ недостаточно вѣрныя и точныя свѣдѣнія, но кажется, еще чаще случалось, что онъ самъ неисправно передавалъ и путалъ то, что̀ слышалъ. Объ этомъ можно судить по тѣмъ ошибкамъ и извращеннымъ фактамъ, которые попадаются въ разбираемомъ трудѣ — по вопросамъ, довольно близкимъ Константину, о которыхъ онъ не могъ не имѣть удовлетворительныхъ извѣстій [1]).

Что касается свѣдѣній императора о древнихъ временахъ, то тутъ ему могли служить, вопервыхъ, письменные источники, то-есть, труды его предшественниковъ-историковъ и другіе письменные документы (напримѣръ, оффиціальные акты, договоры и вообще бумаги, хранившіяся въ архивахъ), а вовторыхъ, устное преданіе, доходившее до него тѣмъ же путемъ, какъ и извѣстія о современныхъ событіяхъ. Но если ужь эти послѣднія часто являются у Константина искаженными, то еще съ большею осторожностью слѣдуетъ относиться къ его сообщеніямъ о древнемъ времени. Ихъ нельзя не подвергать строгой критикѣ; но отъ нея еще очень далеко до совершеннаго скептицизма и того отрицательнаго отношенія къ извѣстіямъ Константина, въ какое впалъ въ новѣйшее время одинъ почтенный славянскій ученый.

Изъ сочиненій своихъ предшественниковъ Константинъ во всемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей" упоминаетъ только хронографъ Ѳеофана, да нѣсколько древнихъ географовъ [2]). О другихъ византійскихъ источникахъ онъ умалчиваетъ, а въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Объ этомъ не пишутъ наши историки" [3]). Ужь изъ этихъ словъ можно, кажется, заключить, что Константинъ имѣлъ передъ собою еще какіе-нибудь письменные источники, кромѣ трудовъ византійскихъ историковъ.

---

[1]) Напримѣръ, невѣрна родословная кн. Гуго, дочь котораго была замужемъ за Романомъ, сыномъ Константина. См. Rački, Ocjena etc., Književnik, 45—46.

[2]) Въ 23-й и 24-й гл. De adm. imp. есть ссылки на Аполлодора, Артемидора, Парѳенія, Діониза, Харакса др. и

[3]) Въ разказѣ о завоеваніи Испаніи Арабами; „De adm. imp., cap. 21, p. 97 (Ed. Bonn.): τοῦτο δὲ παρὰ τοῖς ἡμετέροις ἱστορικοῖς οὐ γέγραπται.

Въ особенности надо осторожно пользоваться тѣми свидѣтельствами, которыя касаются земель и народовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ Византіи на сѣверъ и западъ. Вообще Константинъ, какъ и всѣ Византійцы, гораздо хуже знаетъ исторію и географію запада, чѣмъ востока, ибо на востокѣ сосредоточивались главныя интересы Византійской имперіи, съ востокомъ велись самыя оживленныя сношенія, съ востока являлись дикія полчища народовъ грозившихъ безопасности государства.

Въ характеристикѣ Константина, какъ ученаго, мы вообще приходимъ къ слѣдующему выводу:

Константинъ, безъ всякаго сомнѣнія, добросовѣстенъ, не извращаетъ фактовъ преднамѣренно и знаетъ много,—этого у него нельзя отнять; но по всему видно, что онъ не мастеръ справляться съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ располагаетъ, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, весьма безтолковъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ тѣ его свидѣтельства, въ которыхъ онъ, по видимому, не могъ ошибаться, и которыя могутъ быть провѣрены современными достовѣрными источниками. Такая провѣрка и приводитъ насъ къ довольно невыгодному заключенію о качествахъ Константина, какъ ученаго. Дѣйствительно, оказывается, что историкъ онъ былъ въ сущности весьма посредственный, не смотря на свои ученыя замашки археолога, этнографа, этимолога и т. д. [1]).

Это заключеніе, конечно отнюдь не умаляетъ его литературныхъ заслугъ и не отнимаетъ у его трудовъ значенія драгоцѣнныхъ источниковъ для исторіи и этнографіи; оно свидѣтельствуетъ только о низкомъ общемъ уровнѣ людей науки того времени, надъ которымъ возвышались лишь немногія личности, надѣленныя природой особенно обширнымъ умомъ и дарованіями. Константинъ не отличался ни тѣмъ, ни другимъ,—не ставить же этого ему въ вину. Если мы ближе всмотримся въ его трудъ, то замѣтимъ, что то преобладаніе формы надъ содержаніемъ, которое отражалось во всѣхъ проявленіяхъ жизни Византійскаго двора вообще и Византійскаго императора въ особенности, и которое вполнѣ характеризуется сочиненіемъ нашего писателя „О церемоніяхъ Византійскаго двора", составляетъ существенную особенность и того произведе-

---

Rambaud, стр. 75—77.

нія, которымъ мы занимаемся. Съ одной стороны мы видимъ въ немъ большую систематичность и порядокъ во внѣшнемъ его расположеніи, а съ другой—совершенный безпорядокъ, запутанность и непослѣдовательность во внутреннемъ содержаніи, то-есть, въ изложеніи событій и историческихъ фактовъ. Какое-то неумѣнье прагматически излагать исторію, частыя противорѣчія самому себѣ, совершенно механическое связываніе фактовъ безъ всякой внутренней системы поражаютъ читателя на каждомъ шагу [1]). Напротивъ того, внѣшняя форма сочиненія можетъ быть признана весьма удовлетворительною. Планъ, изложенный въ приступѣ, выдерживается довольно исправно до самаго конца [2]). Соотвѣтственно цѣли и обѣщанію автора, сочиненіе можетъ быть раздѣлено на слѣдующія главныя части: въ первой (гл. 1-я—13-я), которая по преимуществу можетъ быть названа политическою, Константинъ говоритъ объ отношеніяхъ Византіи къ варварскимъ народамъ [3]) и раскрываетъ намъ политику Византійскаго двора; вторая (гл. 16-я—46-я) часть, историко-географическая, заключаетъ въ себѣ изложеніе происхожденія, нравовъ, образа жизни, пространства земли и т. д.

---

[1]) Справедливую характеристику этого именно сочиненія Константина даетъ *Кассель* (*Cassel*, Magyar. Alterthümer, Berlin, 1848, S. 121) въ слѣдующихъ словахъ: „Сочиненіе Константина Багрянороднаго „Объ управленіи имперіей“ по своему содержанію столько же замѣчательно, сколько запутано. Нѣтъ труда, который требовалъ бы болѣе критики текста и содержанія. Его любовь къ истинѣ несомнѣнна, и познанія его не малы; все, что онъ сообщаетъ, имѣетъ безцѣнное значеніе. Дѣло заключается только въ пониманіи, въ томъ, чтобы вѣрно оцѣнить то, что неправильно освѣщено или стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Неупоминаніе какого либо-факта Константиномъ еще не есть признакъ его несуществованія, такъ какъ вѣдь онъ сообщаетъ лишь то, что знаетъ, и вся его книга состоитъ, по видимому, изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, которыя написаны имъ не въ той послѣдовательности, въ какой они являются передъ нашими глазами, и безъ опредѣленной цѣли“. Послѣднее впрочемъ несправедливо: цѣль была у Константина именно поучительная, но ею-то и объясняется недостаточно тщательная внутренняя обработка содержанія.

[2]) То-есть, отдѣльныя части сочиненія дѣйствительно соотвѣтствуютъ плану автора, но за то много отступленій и почти не относящихся къ дѣлу эпизодовъ.

[3]) То-есть, къ Руссамъ, Печенѣгамъ, Туркамъ (Мадьярамъ), Хазарамъ Болгарамъ и т. д.

у различныхъ народовъ [1]), и наконецъ, третья (гл. 46-я—53-я) посвящена передачѣ нѣкоторыхъ событій и перемѣнъ въ самой имперіи и при дворѣ. Но при этомъ внѣшнемъ систематическомъ характерѣ — повторяемъ — царствуетъ полная авторская безтолковость и неумѣлость. О несостоятельности Константина, какъ этимолога, этнографа и хронолога, мы здѣсь особо говорить не будемъ. Эта сторона его учености выяснится при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ нашей задачи.

Все, что̀ мы сказали до сихъ поръ вообще о свидѣтельствахъ Константина, относится въ частности и къ его извѣстіямъ о Славянахъ. Если Константинъ, по замѣчанію одного изъ критиковъ [2]), дѣйствительно могъ бы сказать и о нихъ также: „объ этомъ не пишутъ наши историки", то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ источники его извѣстій о Славянахъ были вообще скудны и мало достовѣрны. Во всякомъ случаѣ это могло бы относиться только къ его свидѣтельствамъ о древнѣйшемъ времени, ибо для современнаго состоянія Славянскихъ народовъ Константинъ имѣлъ достаточно вѣрный источникъ, то-есть, устныя и письменныя показанія путешественниковъ, случайныхъ свидѣтелей и людей, состоявшихъ на службѣ, но и для древняго времени онъ, какъ мы замѣтили, пользовался, безъ сомнѣнія, не одними хрониками византійскихъ историковъ, но и другими письменными памятниками, напримѣръ, архивными документами оффиціальнаго характера. Между ними должно было быть не мало такихъ, которые прямо или косвенно относились къ Славянамъ, между прочимъ, конечно, къ Хорватамъ и Сербамъ, ихъ поселенію на земляхъ имперіи и къ дальнѣйшимъ сношеніямъ ихъ съ Византійскимъ правительствомъ.

Къ этому можно прибавить, что въ нѣкоторыхъ разказахъ Константина (какъ уже и было замѣчено учеными) какъ-бы слышится народное преданіе; но и такіе разказы не заслуживаютъ пренебреженія, ибо и народныя преданія часто очень близки къ исторической истинѣ.

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь объ Арабахъ, Испанцахъ, Франкахъ (Германцахъ), Италіанцахъ, Венеціанцахъ, Иллирскихъ Славянахъ, о странахъ—Угріи, Моравіи, Печенѣжской землѣ, Хазаріи, Аланіи, о народахъ Арменіи и Кавказа.

[2]) Rački, Ocjena etc. K. P., 49.

Подробный разборъ всѣхъ свидѣтельствъ Константина о южныхъ Славянахъ, къ которому мы скоро и приступимъ, выяснитъ, какъ мы надѣемся, ихъ значеніе и сравнительную важность.

Для болѣе вѣрной оцѣнки Константина, какъ источника древней исторіи южныхъ Славянъ, слѣдуетъ принять въ расчетъ его политическій взглядъ на Славянъ и посмотрѣть, не выразился ли этотъ взглядъ и личное чувство императора къ Славянскому племени въ сказаніяхъ о немъ? На послѣдній вопросъ мы, кажется, въ правѣ отвѣчать отрицательно, а разумѣется, отъ вполнѣ объективнаго и безпристрастнаго отношенія автора къ предмету—его показанія могутъ только выиграть. О взглядѣ же Константина на Славянъ мы во всякомъ случаѣ можемъ составить себѣ, хотя бы a priori, довольно вѣрное понятіе, основываясь на тѣхъ фактахъ, которые намъ извѣстны объ отношеніяхъ Славянскаго племени къ Византійской имперіи.

Приливъ Славянскаго населенія въ земли Балканскаго полуострова начался особенно замѣтно съ конца V вѣка и продолжался безпрерывно въ VI, VII и VIII вѣкахъ. Такимъ образомъ въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ совершалась постепенная славянизація Греческихъ провинцій Восточной имперіи. Политика Византіи вообще способствовала быстрому наплыву инороднаго элемента въ предѣлы имперіи. Правительство ея смотрѣло на это сквозь пальцы, такъ какъ сознавало, что ни военныя силы, ни вырождавшееся и слабое туземное населеніе не въ состояніи противодѣйствовать этому могучему притоку варваровъ. Поэтому этнографическое обновленіе полуострова совершалось болѣе мирно, чѣмъ насильственно.

Такъ и Славяне занимали Балканскую территорію большею частію мирнымъ путемъ, отчасти съ разрѣшенія самого Византійскаго правительства, а отчасти для него незамѣтно, небольшими группами—безъ шума. Мало по малу они проникали во всѣ углы Балканскаго полуострова и къ концу VIII вѣка наводнили его до такой степени, что Византія не могла наконецъ не призадуматься надъ такимъ положеніемъ вещей. Слова нашего историка объ ославяненіи всей Греческой земли въ эту эпоху (VIII в.) [1]) служатъ до-

[1]) Пресловутая фраза Константина: ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος. De Themat. L. II, 6, p. 53. (Ed. Bonn.).

казательствомъ, что Византія хорошо сознавала, и можетъ быть, даже нѣсколько преувеличивала тотъ этнографическій переворотъ, который произошелъ на Балканскомъ полуостровѣ въ VII и отчасти въ VIII вѣкѣ. Византійцы знали, что Славяне, заселившіе ихъ земли, составляютъ только часть цѣлаго обширнаго народа, господствующаго на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, и потому они въ началѣ не могли безъ нѣкотораго страха смотрѣть на усиленіе славянскаго элемента въ имперіи. Но не слѣдуетъ забывать и того, что Славянское племя играло уже не маловажную роль въ государственной жизни тогдашней имперіи; оно имѣло своихъ представителей не только при Византійскомъ дворѣ, въ средѣ важныхъ его сановниковъ, но и на самомъ императорскомъ престолѣ [1]), а славянскій языкъ проникъ уже въ значительной степени въ топографическую номенклатуру Балканскаго полуострова. Въ X вѣкѣ это значеніе славянской стихіи во внутренней жизни имперіи должно было достигнуть уже очень замѣтныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ знакомства со Славянами, и правительство, и туземное населеніе естественно привыкало къ нимъ и уживалось съ ними, а прежнее чувство неопредѣленнаго страха и недовѣрія уступало мѣсто большему довѣрію и расположенію. Съ такими чувствами, кажется, смотрѣлъ на Славянъ и Константинъ Багрянородный, хоть онъ прямо и не высказывается въ своихъ сочиненіяхъ.

Какъ мы видѣли, свидѣтельства Константина о Славянахъ заключаются преимущественно въ его трудѣ „De administrando imperio". Нѣсколько главъ этой книги посвящены имъ исключительно, а затѣмъ отрывочныя извѣстія о нихъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Сочиненіе состоитъ изъ 53 главъ. Изъ нихъ 8 (29-я—37-я) посвящены южнымъ Славянамъ—Иллирскимъ, двѣ (49-я и 50-я)—Пелопонисскимъ, одна (9-я)—Русскимъ [2]), и одна (41-я)—Моравіи.

---

[1]) Юстиніанъ и Юстинъ II, а по мнѣнію многихъ, также и Василій Македонянинъ были славянскаго происхожденія. Того же происхожденія были патріархъ Никита (766—780 гг.), нѣсколько полководцевъ, напримѣръ, Велисарій, и многіе сановники, близкіе къ престолу. См. *Ламанскій*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д. (С.-Пб. 1859), Историч. Замѣчанія, стр. 2; *Rambaud*, 145.

[2]) Здѣсь находится знаменитое свидѣтельство Константина о Днѣпровскихъ порогахъ.

Свидѣтельства о Болгарахъ попадаются въ разныхъ главахъ (преимущественно въ 32-й). Кромѣ того, отрывочныя упоминанія о Славянахъ встрѣчаются и въ другихъ главахъ [1]). Упомянемъ здѣсь кстати, что и въ другихъ сочиненіяхъ Константина находятся коекакія замѣчанія о Славянахъ; нѣкоторыя изъ нихъ при случаѣ и остановятъ на себѣ наше вниманіе.

Извѣстія о Русскихъ и сѣверныхъ Славянахъ мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не касающіяся нашей задачи, и обратимся прямо къ извѣстіямъ о занимающихъ насъ Славянахъ Балканскаго полуострова, то-есть, о Сербахъ, Хорватахъ, а потомъ о Болгарахъ и Славянахъ Пелопонисскихъ.

Слѣдуетъ различать три рода свидѣтельствъ Константина о Славянахъ: 1) чисто-историческія, 2) географическія, то-есть, описаніе ихъ жилищъ, и 3) бытовыя.

Свидѣтельства Константина о жилищахъ южныхъ Славянъ, то-есть, почти исключительно Хорватовъ и Сербовъ, безспорно въ высшей степени важны и интересны. Жаль только, что нашъ историкъ самъ имѣлъ довольно смутныя и неудовлетворительныя понятія о географіи западныхъ окраинъ Балканскаго полуострова, а потому, съ одной стороны, не могъ провѣрять свои источники, съ другой—пользовался ими, кажется, не довольно исправно. Сверхъ того, имѣя ничтожныя познанія въ славянскомъ языкѣ, онъ искажалъ славянскія названія мѣстностей точно также, какъ и имена историческихъ лицъ [2]).

Что касается извѣстій Константина о внутреннемъ политическомъ устройствѣ и бытѣ южныхъ Славянъ, то они очень скудны, и входя въ разказы совершенно случайно, бросаютъ лишь слабый свѣтъ на нѣкоторыя стороны ихъ внутренней жизни.

Чтобы приступить къ разбору всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, необходимо привести ихъ въ систему, распредѣлить ихъ по категоріямъ, такъ какъ у Константина они, подобно всѣмъ его извѣстіямъ, изложены весьма безпорядочно и запутанно. Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ, наше сочиненіе распадется на слѣдующіе отдѣлы:

---

[1]) Именно въ глав. 5-й, 8-й, 12-й, 13-й, 22-й, 23-й, 37-й, 38-й, 40-й, 42-й, 51-й.

[2]) Возможно также, что славянскія имена были значительно искажены позднѣйшими переписчиками его сочиненія.

1. Свидѣтельства Константина о событіяхъ въ Далмаціи до поселенія Хорватовъ и Сербовъ и о Далматинскихъ (приморскихъ) городахъ.

2. Свидѣтельства о первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ (Бѣлохорватія и Бѣлосербія) и о переселеніи ихъ въ нынѣшнія жилища.

3. Хорваты: свидѣтельства о ихъ новыхъ жилищахъ и о ихъ судьбѣ (отъ VII до X в.).

4. Сербы: свидѣтельства о ихъ новыхъ жилищахъ и о ихъ судьбѣ (VII—X в.).

Наконецъ, въ *Приложеніи* мы разсмотримъ свидѣтельства Константина о Болгарахъ, о Пелопонисскихъ Славянахъ и тѣ немногія извѣстія Константина, которыя, касаясь внутренней жизни Иллирскихъ Славянъ, уясняютъ намъ нѣсколько ихъ бытъ и политическое устройство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свидѣтельства Константина Багрянороднаго: I. О событіяхъ въ Далмаціи до поселенія Хорватовъ и Сербовъ.—II. О далматинскихъ городахъ.

I.

Далмація, Иллирикъ и Паннонія.[1] — вотъ главныя названія тѣхъ областей Римской имперіи, которыя въ VII вѣкѣ достались новымъ славянскимъ пришельцамъ съ сѣвера—Сербо-Хорватамъ. Всѣ эти три названія встрѣчаются и у Константина Багрянороднаго, и мы увидимъ впослѣдствіи чтò онъ подъ ними разумѣлъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о границахъ этихъ земель во времена, предшествовавшія тѣмъ событіямъ, о которыхъ повѣствуетъ нашъ историкъ.

Имена Далмаціи и Иллирика употреблялись въ разное время въ самомъ различномъ смыслѣ.

Далматами назывались первоначально только граждане одного города [2]), лежавшаго, кажется, нѣсколько на югъ отъ устья рѣки Тилура (Цетиньи). Но мало по малу это имя стало распространяться на сосѣднія мѣстности, въ особенности къ югу, и уже во II в. до Р. Х. Далмаціей называлось преимущественно пространство отъ р. Тилура до р. Нарона (Неретвы). При Августѣ Далмація уже заключала въ себѣ на сѣверѣ всю Либурнію [3]) и Япидію

---

[1]) Разумѣемъ здѣсь южную часть верхней Панноніи, такъ называемую Savia, между Савой и Дравой.

[2]) Гор. Дальмій (по Стефану Византійскому), Далминій (по Страбону), Дельминій (по Поливію и Аппіану); отъ него жители назывались Dalmienses, Delmienses, Dalmatae; см. *Lucius*, De reg. Dalm. et Croat., Lib. I, cap. VI.

[3]) *Mikoczi*, Otiorum Croatiae liber unus, p. 25; см. *Farlati*, Illyr. Sacr. I, 106: Liburnia pars est Dalmatiae.

до границъ Италіи (то-есть, г. Albona и р. Arsia), а на югѣ—собственный, первоначальный Иллирикъ до р. Дрилона (Дрина) и городъ Lissus, то-есть, до границъ Македоніи. Однимъ словомъ, въ то время Далмація была почти то же, что впослѣдствіи Западный Иллирикъ, кромѣ сѣверныхъ его земель, то-есть, Норика, Паннонія и Савіи (земли между Савой и Дравой). Вскорѣ послѣ Августа имя Dalmacia стало входить въ употребленіе вмѣсто первоначальнаго имени этой провинціи Иллирикъ (Superior provincia Illyricum), организованной самостоятельно около 10 г. по Р. Х. [1]). Въ такомъ широкомъ смыслѣ употреблялось имя Далмаціи почти постоянно византійскими писателями, не исключая и Константина, у котораго впрочемъ, какъ мы увидимъ, Далмація является, кромѣ того, и въ самомъ тѣсномъ, позднѣйшемъ смыслѣ, когда она обнимала лишь одни прибрежные Далматинскіе города съ ихъ округами. Восточною границей Далмаціи была Македонія и затѣмъ р. Дринъ (притокъ Савы), западною—Адріатическое море, сѣверною же—Паннонія и горы Альбійскія и Бебійскія (montes Albius et Bebius) [2]).

Несравненно большаго объема достигло названіе Иллирика [3]). Первоначально Иллирикомъ (Illyricum) или Иллиріей (Illyris) называлась страна между р. Нарономъ и р. Дрилономъ. Въ первомъ десятилѣтіи по Р. Х. (послѣ 2-й Паннонской войны) имя Иллирика было дано вновь возникшей самостоятельной провинціи, то-есть, всей приморской странѣ между границами Македоніи и Италіи [4]); впослѣдствіи оно распространилось уже на всѣ приморскія земли, начиная съ Венетовъ и до самаго Эпира; на востокъ же оно захватило и часть Мизіи (именно верхнюю). По мѣрѣ расширенія предѣловъ Римской имперіи на сѣверъ (во II в. по Р. Х.) въ Иллирикъ вошли также провинціи: Норикъ, Паннонія и Савія; на востокѣ къ нему присоединилась Дакія, Мизія и даже часть Ѳракіи; наконецъ при Константинѣ Великомъ Иллирикъ достигъ самаго обширнаго своего объема, захвативъ на югѣ Македонію, Ѳессалію, Эпиръ и даже всю южную Грецію съ остр.

---

[1]) *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, I B. Leipz., 1873, S. 144.
[2]) *Lucius*, De r. D. et C. Lib. I, cap. VI.
[3]) О происхожденіи этого имени см. *Mikoczi*, Ot. Croat., p. 22.
[4]) *Marquardt*, ibid. 141, 144.

Критомъ. По раздѣленіи Римской имперіи и Иллирикъ былъ раздѣленъ на двѣ части—восточную и западную, изъ которыхъ послѣдняя заключила въ себѣ Далмацію въ обширномъ смыслѣ, Норикъ, Паннонію и Савію [1]) и вошла въ составъ Западной Римской имперіи.

Что касается имени Панноніи, то его значеніе всегда оставалось неизмѣннымъ и опредѣленнымъ, потому вѣроятно, что эта страна имѣла почти со всѣхъ сторонъ естественныя границы. На востокѣ ее окаймлялъ Дунай, а отчасти р.升 Дринъ (притокъ Савы), на сѣверѣ также Дунай, на западѣ—Цетійскія горы (Cetius m.), которыми она отдѣлялась отъ Норика, а на югѣ—Альбійскія и Бебійскія горы, отдѣлявшія ее отъ Далмаціи [2]). Въ такомъ объемѣ Паннонія заключала въ себѣ и Савію; иногда-же послѣднюю считали отдѣльно, и въ такомъ случаѣ Паннонія ограничивалась на югѣ рѣкою Дравой. Паннонія дѣлилась на двѣ части: *верхнюю* (Superior) или западную и *нижнюю* (Inferior) или восточную; границею между ними была черта, проведенная отъ устья рѣки Аррабона (нынѣ Рабъ, Raab) къ горамъ Бебійскимъ [3]).

Норикъ и Паннонія, доставшись Римлянамъ, какъ мы сказали выше, составили часть Западнаго Иллирика. Съ конца IV вѣка, когда началось грозное движеніе варварскихъ народовъ съ востока, во главѣ которыхъ шла дикая орда Гунновъ, упомянутая область Римской имперіи (Иллирикъ) была одна изъ первыхъ, испытавшихъ всѣ превратности великаго переселенія. Вестготы, принятые Валентомъ въ римскіе предѣлы, вскорѣ по своемъ приходѣ завладѣли Иллиріей, но оставили ее уже въ началѣ V вѣка, чтобы продолжать свое движеніе на западъ, въ Италію. Между тѣмъ Гунны, сдвинувъ со своихъ мѣстъ Готскія племена, расположились сами по Дунаю, занявъ отчасти и Паннонію. Оттуда они громили сначала Восточную, а потомъ Западную имперію.

---

[1]) *Шафарикъ*, Славянскія древности (перев. *Бодянскаго*), томъ I, кн. 1, стр. 424—425.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr. I, § V, p. 27.

[3]) Ibid. Верхняя и Нижняя Паннонія при Діоклетіанѣ подверглись еще подраздѣленію: *Нижняя* (Inferior) раздѣлилась на 1) сѣверную: Valeria (назв. по дочери Діоклетіана) и 2) южную: Pann. Secunda; *Верхняя*—на 1) сѣверную Prima и 2) южную: Savia или Pann. Ripariensis. См. *Marquardt*, ibid. S. 140.

Но во второй половинѣ V вѣка, по смерти Аттилы (454 г.), Гуннская держава, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ племенъ, быстро рушилась; одинъ изъ составлявшихъ ее народовъ, Остготы, жившіе на среднемъ Дунаѣ, достигли большого могущества къ концу V вѣка, и подъ предводительствомъ Теодориха, съ согласія Восточнаго императора Зенона, заняли Италію, гдѣ, со времени паденія Западной имперіи, началось полное господство Германцевъ. Теодорихъ, утвердившись въ Италіи, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Норикъ, Паннонію и Иллирію. Въ половинѣ VI вѣка Остготы были побѣждены Юстиніаномъ, который возвратилъ имперіи ея прежнія области, въ томъ числѣ и названныя провинціи.

Въ 568 году сѣверная Италія досталась новому Германскому племени Лангобардамъ, которые жили до тѣхъ поръ по среднему теченію Дуная, сперва на сѣверъ, а затѣмъ на югъ отъ него. Между тѣмъ съ удаленіемъ Германскихъ племенъ изъ странъ средняго и нижняго Дуная, открывается нѣкоторый просторъ, которымъ и воспользовались Славянскія племена для распространенія своихъ жилищъ на западъ и югъ. Въ Славянахъ Восточная имперія пріобрѣла новыхъ враговъ, уже ранѣе впрочемъ ей извѣстныхъ, такъ какъ Славяне, по всей вѣроятности, участвовали въ походахъ Гунновъ на Восточную имперію въ качествѣ подвластнаго имъ народа [1]) или союзниковъ. Во второй половинѣ VI вѣка придвигается съ востока, по слѣдамъ Гунновъ, новое азіатское племя свирѣпыхъ Аваровъ, появленіе которыхъ сопровождалось неисчислимыми бѣдствіями не только для Византійской имперіи, но и для Славянъ. Дѣйствительно, Авары, явившись около 560 года на сѣверѣ отъ Меотиды и Понта, проходятъ съ страшными опустошеніями земли Славянъ-Антовъ [2]), и прійдя къ среднему Дунаю, утверждаются въ западной части нынѣшней Угріи по обѣ стороны Дуная и Тиссы (568 г.) [3]). Здѣсь, въ бывшей землѣ Гепидовъ и въ Панноніи, они основываютъ могущественную державу и подчиняютъ себѣ прежнихъ жителей этихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Славянъ. Съ этихъ поръ начинаются постоянныя опустошительныя вторженія

---

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. I, кн. 2, стр. 99.

[2]) Жилища ихъ простирались отъ нижняго Дуная на сѣверо-востокъ въ нынѣшней южной Россіи.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн., 1, стр. 93.

Аваровъ и Славянъ въ предѣлы Восточной имперіи. Конечно, Иллирикъ и Далмація, какъ страны сосѣднія съ Аварами, терпѣли всего болѣе отъ ихъ вторженій. Почти два вѣка продолжается такое положеніе вещей, и только въ VII и VIII вѣкахъ, съ паденіемъ могущества Аваровъ и приходомъ съ сѣвера племенъ Хорватовъ и Сербовъ въ Далмацію, Иллирикъ, а отчасти и Паннонію, отдохнули эти земли отъ вѣковыхъ страданій, которыя причиняли имъ разрушительныя движенія народовъ, какъ въ ихъ предѣлахъ, такъ и въ сосѣдствѣ. Такова судьба этихъ странъ до того времени, къ которому относятся первыя свидѣтельства о нихъ Константина Багрянороднаго.

Константинъ, имѣя въ виду разказать, какимъ образомъ и когда Хорваты и Сербы стали обладателями тѣхъ странъ, которыя они занимали въ его время, естественно считалъ нужнымъ сообщить и то, что̀ произошло въ Иллирикѣ непосредственно передъ этимъ фактомъ, и какія обстоятельства его вызвали. Разказъ объ этомъ занимаетъ двѣ главы въ его сочиненіи „Объ управленіи имперіей", а именно 29-ю и 30-ю. Въ обѣихъ главахъ разказывается одно и то же событіе—взятіе Аварами далматинскаго города Салоны, но не совсѣмъ одинаково. Различія касаются немаловажныхъ вопросовъ, и потому необходимо съ равнымъ вниманіемъ отнестись къ обоимъ разказамъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ вѣрнѣе, и объяснить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ происхожденіе. Мы приведемъ ихъ рядомъ, чтобъ яснѣе было, въ чемъ они расходятся.

Глава 29.

Императоръ Діоклетіанъ вывелъ изъ Рима колонію и поселилъ ее въ Далмаціи, которую очень любилъ.

Эти колонисты и до сихъ поръ носятъ имя Римлянъ [1]); предѣлы, ими занимаемые, простираются до р. Дуная.

Римляне, пожелавъ, однажды узнать, кто живетъ по ту сторону рѣки, перешли ее и нашли безоружныя *Сла-*

Глава 30.

Тотъ, кто хочетъ знать, какъ Далмація была завоевана Славянами, можетъ научиться отсюда.

Издавна Далмація начиналась у границъ Диррахія, а именно отъ Антибара (ἀπὸ Ἀντιβάρεως) и доходила до горъ Истріи; въ ширину же она простиралась до р. Дуная. Весь этотъ предѣлъ подвластенъ Римлянамъ, и эта

---

[1]) Ῥωμᾶνοι; Константинъ отличаетъ этимъ именемъ Римскихъ жителей Далмаціи отъ Грековъ, которыхъ онъ постоянно называетъ Ῥωμαῖοι.

(гл. 29).

вянскія племена, называемыя также Аварами. Какъ эти, такъ и Римляне, не знали, жилъ ли кто либо на противоположной сторонѣ рѣки. Римляне, найдя Аваровъ безоружными и не приготовленными къ войнѣ [2]), напали на нихъ, и взявъ добычу и плѣнныхъ, возвратились. И съ тѣхъ поръ устроивъ двѣ смѣны, они отъ пасхи до пасхи смѣняли своихъ людей, такъ что въ Великую и Святую Субботу встрѣчались другъ съ другомъ и возвращающіеся оттуда и отправляющіеся на эту службу. Близъ моря есть городъ Салона, величиною въ половину Константинополя. Собравшись въ немъ, всѣ Римляне вооружаются и идутъ къ крѣпости [3]), отстоящей отъ города на 4,000 шаговъ. Эта крѣпость до сихъ поръ называется Клиссой (Κλεῖσα) [4]); оттуда они отправляются къ рѣкѣ.

Послѣ многихъ лѣтъ подобной смѣны *Славяне*, жившіе за рѣкой и *называемые Аварами*, поразмысливъ, сказали себѣ: „Эти Римляне съ тѣхъ поръ какъ переправились и захватили добычу не перестаютъ переправляться, итакъ мы предпримемъ что нибудь противъ нихъ". Посовѣтовавшись такимъ образомъ, *Славяне-Авары* [5]), когда Римляне однажды перешли рѣку, приготовили засаду, и напавъ, побѣдили ихъ. захвативъ ихъ оружіе и знамена, Сла-

(гл. 30).

провинція [1]) считалась самою главною изо всѣхъ другихъ западныхъ провинцій. Итакъ, она была занята Славянами слѣдующимъ образомъ: Возлѣ Аспалата (Ἀσπάλαθον) есть городъ Салона (Σαλῶνα), построенный императоромъ Діоклетіаномъ. Тамъ жили магнаты и множество народа, — это была столица всей Далмаціи. Ежегодно собирались изъ остальныхъ городовъ Далмаціи конные воины и около 1,000 посылалось изъ Салоны, въ видѣ стражи, на Дунай противъ *Аваровъ*, которые жили по ту сторону Дуная, гдѣ теперь живутъ кочевые Турки (то-есть, Угры). Приходившіе ежегодно Далматинцы часто видѣли за рѣкой скотъ и людей. Рѣшившись однажды переправиться, чтобъ узнать, кто тамъ живетъ, они нашли однихъ женщинъ и дѣтей аварскихъ, а мужчины и юноши находились въ походѣ. Неожиданно напавъ и захвативъ ихъ въ плѣнъ, они возвратились безъ потери, приведя добычу въ Салону.

Когда Авары вернулись съ похода и узнали о случившемся отъ пострадавшихъ, они были поражены и не знали, откуда имъ нанесенъ этотъ ударъ. Они рѣшили выждать и обо всемъ узнать. Когда, по обыкновенію, были опять высланы изъ Салоны сторожевые воины, — а это были те-

[1]) По греч. θέμα. Объ этомъ словѣ см. объясненіе самого Константина въ соч. De Themat. lib. I, 11 стр., (Ed. Bonn.) и примѣчаніе къ нему *Bandurі*, Animadvers., стр. 276 (тамъ же). См. также это слово у *Du Cange*, Gloss. Graec.

[2]) Ἀόπλους... καὶ πρὸς πόλεμον ἀπαρασκευάστους. De adm. imp., cap. 29, p. 126.

[3]) Πρὸς τὴν κλεισοῦραν: крѣпость на границахъ имперіи; см. *Rambaud*, p. 196, 197.

[4]) Κλεῖσα διὰ τὸ συγκλείειν τοὺς διερχομένους ἐκεῖθεν, ибо какъ бы запираетъ проходящихъ мимо нея.

[5]) Οἱ Σκλάβοι οἱ Ἄβαροι; въ друг. мѣстѣ: οἱ Σκλάβοι οἱ καὶ Ἄβαροι καλούμενοι.

(гл. 29)

вяне, перейдя рѣку, явились къ крѣпости. Увидавъ ихъ, Римляне, бывшіе тамъ, узнали знамена и вооруженіе своихъ соплеменниковъ и, сочтя ихъ за своихъ товарищей, позволили подошедшимъ къ крѣпости Славянамъ пройдти; а эти, проникнувъ туда, выгнали тотчасъ же Римлянъ и затѣмъ овладѣли городомъ Салоной.

Поселившись тутъ, они съ тѣхъ поръ стали понемногу грабить и истреблять Римлянъ, жившихъ въ поляхъ и въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, и овладѣли ихъ землями. Остальные же Римляне спаслись въ приморскихъ городахъ и до сихъ поръ ими владѣютъ.

(гл. 30)

перь не тѣ же, а другіе, — то и эти рѣшились переправиться, и найдя Аваровъ собранными, а не разсѣянными, какъ прежде, не только ничего не сдѣлали, но потерпѣли страшное пораженіе: одни были убиты, другіе плѣнены и никто не ушелъ изъ ихъ рукъ. Распросивъ ихъ, кто и откуда они, и узнавъ, что это они нанесли имъ упомянутый ударъ, опросивъ также о качествѣ ихъ земли, Авары заключили ихъ въ оковы, надѣли на себя ихъ доспѣхи, сѣли на ихъ лошадей и, держа въ рукахъ знамена, отправились всѣ къ Салонѣ. Узнавъ, по распросамъ, о времени, въ которое сторожевой отрядъ возвращается съ Дуная (это было въ Великую и Святую Субботу), они прибыли въ этотъ самый день. Приблизившись, главная масса войска укрылась, а тысяча, которая завладѣла лошадьми и оружіемъ Далматинцевъ съ цѣлью обмана, бросилась впередъ. Горожане, узнавъ свои знамена и вооруженіе, и зная день, въ который стража обыкновенно возвращалась, растворили ворота и встрѣтили ихъ съ привѣтствіями. А тѣ, вступивъ, заняли ворота и, давъ сигналъ войску, приказали ему сдѣлать нападеніе. Они перебили всѣхъ жителей города, и съ того времени заняли всю Далмацію и въ ней расположились [1]). Только одни приморскіе города не подчинились имъ и остались подъ властью Римлянъ, потому что море служило имъ источникомъ пропитанія. Итакъ, увидя, что земля эта прекрасна, Авары поселились въ ней.

---

[1]) Καὶ ἔκτοτε κατεκράτησαν πᾶσαν τὴν χώραν Δελματίας καὶ κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ.

Вотъ оба разказа Константина о взятіи города Салоны Аварами (или Славянами?) и о занятіи ими Далмаціи. Спрашивается: каково ихъ сравнительное значеніе? Мы уже говорили о томъ, какъ слѣдуетъ вообще относиться къ свидѣтельствамъ Константина о столь отдаленной отъ него эпохѣ. Въ настоящемъ случаѣ нельзя основывать на подробностяхъ этихъ разказовъ какихъ-либо рѣшительныхъ выводовъ. Къ тому же и тѣ противорѣчія, которыя въ нихъ встрѣчаются, заставляютъ критика обращаться съ ними весьма осторожно.

Прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ: какъ произошло, что Константинъ помѣщаетъ рядомъ два разказа о томъ же событіи? За неимѣніемъ никакихъ указаній на то въ самомъ разказѣ, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только одними предположеніями. Разборомъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ разнятся оба повѣствованія, должно опредѣлиться ихъ сравнительное значеніе. Мнѣніе Шафарика, что первый разказъ, въ 29-й главѣ, „вѣроятно", не принадлежитъ перу Константина, есть также только предположеніе, ничѣмъ важнымъ въ сущности не подтверждаемое [1]).

Тѣсная связь, существующая, если вѣрить свидѣтельству Константина [2]), между фактомъ занятія Аварами Далмаціи и прибытіемъ туда вскорѣ за тѣмъ Хорватовъ и Сербовъ, побуждаетъ насъ ближе разсмотрѣть тѣ вопросы, которые возникаютъ при внимательномъ чтеніи 29-й и 30-й главъ сочиненія Константина. Главные изъ этихъ вопросовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Какъ объяснить себѣ то, что въ первомъ разказѣ Константинъ приписываетъ переворотъ въ Далмаціи Славянамъ [3]), отожествляя ихъ, какъ мы видѣли, съ Аварами, а во второй главѣ говоритъ только объ Аварахъ, такъ какъ слова въ началѣ 30-й главы: „тѣ, кто хотятъ знать, какъ Далмація была завоевана Славянскими племенами, могутъ научиться отсюда..." и

---

[1]) *Шафарикъ* (См. Др. II, кн. 1, с. 393—4, прим. 5) говоритъ: „Первый разказъ есть просто первоначальный очеркъ, сдѣланный, вѣроятно, чужою рукой и по ошибкѣ вставленный здѣсь".

[2]) De adm. imp., c. 31, p. 148: οἱ δὲ αὐτοὶ Χρωβάτοι εἰς βασιλέα τῶν Ῥωμαίων Ἡράκλειον πρόσφυγες παρεγένοντο... κατὰ τὸν καιρὸν ὃν οἱ Ἀβάρεις πολεμήσαντες ἀπ᾽ ἐκεῖσε (т. е. изъ Далмаціи) τούς Ῥωμάνους ἐναπεδίωξαν.

[3]) Кстати замѣтимъ, что у Константина встрѣчаются слѣдующія названія Славянъ: Σκλάβοι, τὰ Σκλαβικὰ или Σκλαβινικὰ ἔθνα, Σκλαβηνοί, Σκλαβινοί, Σκλαβησιανοί, након. выраженіе σθλαβώνειν (slavum fieri, ославяниться).

нѣсколько далѣе: „итакъ, она была занята Славянами слѣдующимъ образомъ...", по справедливому замѣчанію Шафарика [1]), относятся очевидно къ прибытію Хорватовъ въ Далмацію, а не къ вставкѣ о завоеваніи Далмаціи Аварами, которая должна была служить только поясненіемъ къ упомянутому главному событію? 2) Затѣмъ спрашивается: кто же именно взялъ Салону и поселился въ Далмаціи, Славяне или Авары? 3) Какъ и когда произошло это занятіе варварами всей Далмаціи, за исключеніемъ приморскихъ городовъ и острововъ?

Вслѣдствіе недостатка достовѣрныхъ и точныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ въ Далмаціи до поселенія въ ней Сербо-Хорватскаго племени, мнѣнія ученыхъ относительно этихъ вопросовъ весьма различны. Чтобъ отвѣчать на нихъ, нелишне припомнить, въ какомъ положеніи были въ VI вѣкѣ и началѣ VII оба занимающія насъ племена, то-есть, Придунайскіе Славяне и Авары.

Въ половинѣ VI вѣка, когда Славяне овладѣли переправою черезъ Дунай, начинаются ихъ частыя вторженія а Балканскій полуостровъ. Въ 548 г. они совершили первый опустошительный набѣгъ въ Иллирикъ и дошли до Драча (Диррахія). Затѣмъ эти набѣги возобновляются весьма часто (въ 550, 551, 552 гг.) [2]), причемъ всего болѣе страдаютъ области Иллирикъ, Далмація, а также и Ѳракія [3]). Но въ 60-хъ годахъ VI вѣка выступаетъ на Дунаѣ новое, дотолѣ неизвѣстное племя Аваровъ, которое грозно пронеслось черезъ земли Антовъ и Славянъ и расположилось главнымъ образомъ на равнинѣ средняго Дуная и въ Панноніи, покоривъ себѣ мѣстныхъ жителей, между которыми большую часть составляли Славяне. Такимъ образомъ несомнѣнно, что подъ властью Аваровъ были Славяне, хотя бы сравнительно и не въ столь большомъ числѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Надо замѣтить, что объ отношеніяхъ Славянъ къ Аварамъ существуютъ разныя мнѣнія. Одни преувеличиваютъ власть Аваровъ надъ Сла-

---

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, 394, примѣч.

[2]) *Stritter*, Mem. pop. II, 34—40.

[3]) У Славянъ было два пути: одинъ отъ устья Дуная черезъ нижнюю Мизію во Ѳракію и Македонію, и другой—черезъ Паннонію и Норикъ; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, стр. 393.

вянами, а по мнѣнію других[1]), кажется—совершенно справедливому, большинство Славянъ (какъ Анты, такъ и всѣ занимавшіе древнюю Дакію) остались свободны послѣ погрома Аваровъ и продолжали отчасти сообща съ послѣдними, отчасти независимо отъ нихъ безпокоить Мизію и Ѳракію. Византійскіе писатели, смотрѣвшіе въ то время на Славянъ и на Аваровъ одинаково враждебно и привыкшіе видѣть и тѣхъ, и другихъ безпрестанно вмѣстѣ вторгавшимися въ предѣлы имперіи, нерѣдко смѣшиваютъ ихъ въ своихъ разказахъ, говорятъ объ однихъ Аварахъ, когда съ ними были Славяне, и наоборотъ. Между тѣмъ взаимныя отношенія Славянъ и Аваровъ, конечно, не могли быть дружественными: мы видимъ это изъ самыхъ фактовъ. Исторія разказываетъ намъ о частыхъ войнахъ ихъ между собою, и этою обоюдною враждой умѣли пользоваться и Византійцы, призывая Аваровъ противъ Славянъ (581 г.)[2]), и на оборотъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что тѣ Славяне (а именно большая часть Паннонскихъ), которые были подвластны Аварамъ, уже по необходимости участвовали въ ихъ походахъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Константинъ, съ одной стороны отожествляетъ Славянъ съ Аварами, съ другой—самъ себѣ противорѣчитъ, приписывая завоеваніе Далмаціи то *Славянамъ, называемымъ также Аварами*, то просто *Аварамъ*.

Уже далматинскій ученый Иванъ Лучичъ[3]) объяснялъ это показаніе Константина смѣшеніемъ понятій, происшедшимъ оттого, что

---

[1]) Напримѣръ, *Шафарикъ*, II, кн. 1, 95—99.

[2]) *Stritter*, II, 48: Menandr. p. 165.

[3]) Считаемъ не безполезнымъ привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ знаменитомъ Далматинскомъ исторіографѣ. Іоаннъ Луцій или Иванъ Лучичъ родился въ г. Трогирѣ (въ Далмаціи) въ началѣ XVII в. и происходилъ изъ древняго и славнаго рода. Заботливые родители, давъ ему дома первоначальное воспитаніе, послали его сперва въ Падую, а потомъ Римъ, гдѣ онъ 20-ти лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора юридическихъ наукъ. Здѣсь онъ привлекъ къ себѣ симпатію лучшихъ людей Рима своими умственными и нравственными качествами и пріятнымъ обращеніемъ. Побуждаемой просьбами соотечественниковъ, до слуха которыхъ дошла добрая о немъ слава, онъ вернулся на родину. Тогда уже въ головѣ его созрѣвалъ планъ труда, увѣковѣчившаго его имя. Онъ ревностно принялся за изученіе отечественной исторіи, за собираніе доку-

Славяне, въ своихъ дѣйствіяхъ противъ имперіи, были часто со-

---

ментовъ и повѣрку ихъ съ помощью здравой и остроумной критики. Но скоро онъ своими успѣхами возбудилъ зависть одного соотечественника Павла de Andreis, который искалъ случая повредить ему и наконецъ нашелъ таковой: онъ съумѣлъ разными происками вооружить противъ Лучича пріѣхавшаго въ Трогиръ генерала-проведитора (proveditore) Венеціанца Антонія Бернарда, увѣривъ его во вредномъ для Венеціанской республики направленіи трудовъ Лучича. Послѣдній вслѣдствіе того былъ даже схваченъ, но затѣмъ освобожденъ, какъ только дѣло разъяснилось. Однако изъ опасенія, чтобы возникшая такимъ образомъ вражда его рода съ родомъ П. Андреиса не имѣла непріятныхъ послѣдствій, Лучичъ рѣшился удалиться изъ родного города (1654 г.). Въ Римѣ, гдѣ онъ поселился, принялъ въ немъ участіе кардиналъ Бассадонна и другіе ученые. Подъ ихъ вліяніемъ онъ снова усердно принялся за трудъ свой, и капитальное сочиненіе „De Regno Dalmatiae et Croatiae" (которымъ намъ такъ часто приходится пользоваться въ нашей работѣ) скоро было доведено до конца. Въ немъ Лучичъ является въ высшей степени осторожнымъ и основательнымъ изслѣдователемъ; историческая достовѣрность фактовъ обусловливается у него свидѣтельствами трехъ источниковъ—памятниковъ искусства, оффиціальныхъ документовъ и современныхъ извѣстій. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ предпочитаетъ скорѣе молчать, чѣмъ вводитъ въ заблужденіе. Такое отношеніе къ дѣлу заставляетъ насъ съ довѣріемъ относиться къ его выводамъ. Первое изданіе его сочиненія вышло въ Амстердамѣ въ 1666 г. и быстро разошлось.

Извѣстность Лучича такъ возрасла, что тотъ же трудъ, перепечатанный во Франкфуртѣ подъ другимъ заглавіемъ, былъ принятъ за новое произведеніе. Тогда въ Амстердамѣ было въ свою очередь предпринято 2-е изданіе съ измѣненнымъ заглавіемъ и годомъ—для того, чтобы тѣмъ же способомъ обмануть рейнскихъ типографщиковъ. Въ 1748 г. Швандтнеръ перепечаталъ исторію Лучича въ своихъ: Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum etc; наконецъ, въ 1758 г. она еще была издана (in folio) въ Вѣнѣ. Строгимъ критикамъ не удалось сдвинуть ее съ разъ занятаго ею почетнаго мѣста, и весь ученый міръ призналъ ее дѣйствительно классическимъ и первостепеннымъ трудомъ. Она излагаетъ исторію Иллирской земли до и послѣ римскаго владычества, образованіе послѣдующаго государства, рядъ князей и королей, обычаи и нравы того времени, наконецъ военныя и политическія столкновенія и сношенія между Далматинцами, Хорватами, Венеціанцами и Венгерцами. Ученый аббатъ Каррара называетъ ее монографіей изъ славянской исторіи, исполненною учености, но не всегда доказательной критики, и отличающеюся толковою системой изложенія и прекраснымъ слогомъ. Кромѣ своего капитальнаго труда, Лучичъ написалъ

юзниками Аваровъ [1]). Точно также смотрятъ на это свидѣтельство и новѣйшіе критики. Дюмлеръ находитъ, что такое смѣшеніе двухъ совершенно инородныхъ племенъ легко объясняется соединеніемъ въ одно разныхъ извѣстій [2]), а Рачкій замѣчаетъ, что такой промахъ неудивителенъ, такъ какъ Константинъ былъ вообще слабый этнографъ [3]). Съ этимъ нельзя не согласиться, принимая во вниманіе и другія подобныя же ошибки Константина. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ Венетовъ Франками по происхожденію [4]), а въ другомъ мѣстѣ подводитъ подъ одну семью Готовъ, Лангобардовъ и опять-таки Аваровъ [5]), такъ что эти послѣдніе оказываются у него одноплеменниками и Готовъ, и Славянъ. Кромѣ того, отожествленіе Славянъ съ Аварами сдѣлается для насъ еще менѣе удивительнымъ, если мы припомнимъ, что тѣ же Византійцы, равно какъ и Нѣмцы, раньше называли Славянъ Гуннами, смѣшивая ихъ вслѣдствіе того, что они жили въ сосѣдствѣ, одни подъ властью

еще Memorie della città di Troù (Венеція, 1574) и приготовилъ къ изданію: Vita b. Johannis, episcopi Traguriensis, снабдивъ это послѣднее сочиненіе своими примѣчаніями (Roma, 1657). Затѣмъ имъ изданы: Inscriptiones Dalmaticae, notae ad memoriale Pauli de Paulo; notae ad Palladium Fuscum; addenda vel corrigenda in opere de Regno Dalmatiae et Croatiae. Venetiis, 1673.—Lucii Ioannis excerpta Ragusae ex codice Vaticano.—Idem pro Petronii Fragmen. excerpta. Dissertatio de Illyrico, et arbores familiarum.—Idem Suplementum in cronica Hungarorum. Изъ неизданныхъ его сочиненій извѣстны: Начала Хорватской и Далматской церкви; Указатели и каталоги архіепископовъ и епископовъ; Реестръ церковныхъ соборовъ и отцевъ церкви; Дѣяписанія отечественной церкви. Лучичъ умеръ въ 1679 г. 66-ти лѣтъ отъ роду въ Римѣ, Его прахъ погребенъ въ церкви св. Іеронима; тутъ же, въ древней библіотекѣ, хранятся рукописи его исторіи Далмаціи и Кроаціи. О жизни его см. Dizionario biographico degli uomini illustri della Dalmazia, S. *Gliubich* (Любичъ). Vienna 1856, p. 187—189. Довольно подробное жизнеописаніе Лучича написано недавно Рачкимъ—въ память 200-лѣтней годовщины его смерти: Povjestnik Ivan Lučič, Trogiranin. Na uspomenu 200-godišnjice smrti njegove, *Rad Jug. Akad*, къ XLIX, и Zagrebu, 1879, 64—102.

[1]) *Lucius*, De r. D. et Cr., L. I, cap. IX.

[2]) *Dümmler*, Aelteste Gech. d. Slav. in Dalm. въ *Sitzungber. d. Acad. in Wien*, 1856, s. 360.

[3]) „Slab narodopisac". Rački, Ocjena etc. K. P., 64.

[4]) De adm. imp., c, 28, p. 123.

[5]) Ibid., c. 25, p. 111.

другихъ, а потому и въ довольно близкихъ связяхъ [1]). Къ тому же смѣшеніе Славянъ съ Аварами встрѣчается не у одного Константина [2]). Ко всѣмъ этимъ соображеніемъ можетъ присоединится и то, что Константинъ почерпалъ свои извѣстія объ этихъ событіяхъ изъ различныхъ источниковъ, и зная изъ сочиненій византійскихъ историковъ о частыхъ вторженіяхъ какихъ-то варваровъ, которыхъ то называютъ Аварами, то Славянами, пришелъ къ выводу о ихъ тожествѣ и подъ этимъ впечатлѣніемъ писалъ свою 29-ю главу. Но послѣ, подвергнувъ свой разказъ болѣе тщательной отдѣлкѣ, въ гл. 30-й онъ не рѣшился повторить свою догадку. Впрочемъ не невѣроятно и то, что онъ, компилируя свой трудъ изъ разныхъ источниковъ, нашелъ два различные разказа объ этомъ событіи, то-есть, о занятіи Далмаціи варварами и безъ всякой критики помѣстилъ ихъ рядомъ (можетъ быть—изъ добросовѣстности). И то, и другое рѣшеніе кажется намъ возможнымъ; тѣмъ не менѣе оба они имѣютъ значеніе только предположеній.

Разъяснивъ себѣ нѣсколько вопросъ о смѣшеніи Константиномъ имени Аваровъ съ именемъ Славянъ, мы однако не рѣшили еще главнаго вопроса: какой же именно изъ этихъ народовъ, или можетъ быть оба они вмѣстѣ завоевали Далмацію? И въ этомъ мнѣнія ученыхъ не вполнѣ согласны; однако большая часть ихъ утверждаетъ, что взятіе Салоны и занятіе Далмаціи должно приписывать именно Аварамъ, и что, слѣдовательно, второе извѣстіе Константина (въ гл. 30-й) справедливѣе перваго. Этого мнѣнія держится и Шафарикъ, прибавляя впрочемъ, что „Авары могли произвести это нападеніе вмѣстѣ съ Подунайскими Славянами“ [3]). Совершенно иного мнѣнія Дюмлеръ; опираясь на то, что о завоеваніи Далмаціи Аварами никто не свидѣтельствуетъ, кромѣ Константина, и что отдѣльныя обстоятельства, разказываемыя послѣднимъ, не совсѣмъ правдоподобны, онъ придаетъ мало значенія всему этому

---

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 2. стр. 95—98. Изъ византійскихъ писателей Славянъ называли Гуннами Өеофанъ и Кедринъ: οἱ Οὖννοι οἱ καὶ Σκλαβινοί, *Stritter* II, 42.

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 98, прим. 43.

[3]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 99, прим.

разказу и скорѣе видитъ въ немъ указанія на бурное вторженіе въ Далмацію Словенцевъ (Виндовъ), племени довольно распространившагося тогда въ Панноніи и Норикѣ, и съ конца VI в. вступившаго уже въ борьбу съ Баварцами [1]). Константинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ о полномъ опустошеніи Далмаціи Аварами [2]) передъ приходомъ Хорватовъ и Сербовъ, и Дюмлеръ находитъ эти показанія совершенно справедливыми по отношенію къ Словенцамъ, основываясь на разказахъ историковъ о жестокостяхъ, которыми сопровождались вторженія Славянъ [3]).

Дюмлера рѣшительно опровергаетъ Рачкій, никому болѣе не приписывая завоеванія Далмаціи, какъ только Аварамъ: впрочемъ, по его мнѣнію, вторженія Аваровъ въ эту страну сопровождалось только сильнымъ опустошеніемъ, но никакъ не продолжительнымъ господствомъ въ ней [4]). Другіе историки, именно Люцій, а изъ новѣйшихъ Любичъ, приходятъ къ тому заключенію, что Далмація была часто опустошаема какъ Аварами, такъ и Славянами, но что въ концѣ концовъ она дѣйствительно была занята ими, тогда какъ до того всѣ набѣги ихъ ограничивались одними опустошеніями [5])

Таковы мнѣнія наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ по этому вопросу. Отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ не позволяетъ намъ отвѣчать на него вполнѣ рѣшительно. Относительно того, кто овладѣлъ Салоной и опустошилъ Далмацію непосредственно передъ приходомъ туда Сербо-Хорватовъ, мы раздѣляемъ мнѣніе Шафарика, что то были Авары, въ сообществѣ съ которыми впрочемъ могли быть и Придунайскіе Славяне, въ особенности тѣ, которые находились подъ ихъ властью, и слѣдовательно, служили у нихъ въ войскѣ. Но остались ли эти Авары въ Далмаціи? Судя по всѣмъ показаніямъ Константина, они дѣйствительно остались въ

---

1) *Dümmler*, 362—365.

2) De adm. imp., c. 31, p. 148: παρὰ δὲ τῶν 'Αβάρων ἐκδιωχθέντες οἱ αὐτοὶ 'Ρωμᾶνοι.... αἵ τούτων ἔρημοι καθεστήκασι χῶραι; также с. 33, p. 160: παρὰ τῶν 'Αβάρων αἰχμαλωτισθεῖσα ἥ τε χώρα καὶ ὁ ταύτης λαὸς τὸ παράπαν ἠρήμωται.

3) *Dümmler*, 364,

4) Rački, K. P, (Ocjena), стр. 64, 65.

5) *Lucius*, L. I, cap. VIII; Ljubić, Pregled Hrvatske poviesti, 3, гдѣ онъ повторяетъ слова Люція: Dalmatiam saepius ab Abaribus et Sclavis depopulatam dici potest, occupatam autem affirmari non potest.

ней. Константинъ прямо говоритъ: „Авары, увидя, что земля прекрасна, поселились въ ней", и далѣе, разказывая тутъ же о приходѣ Хорватовъ, онъ продолжаетъ: „Одинъ родъ (то-есть, Хорватовъ)... пришелъ въ Далмацію и нашелъ Аваровъ, занимавшихъ эту страну. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны между ними, Хорваты побѣдили, и однихъ Аваровъ убили, а другихъ принудили подчиниться" [1]. Не имѣя никакихъ свидѣтельствъ, противорѣчащихъ этому показанію, мы не можемъ отвергнуть его; полагаемъ однако, что не особенно многочисленные Авары не могли, конечно, занять всю Далмацію, которая такимъ образомъ значительно опустѣла, на что́, какъ мы видѣли, не разъ и указываетъ Константинъ. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, когда и какъ произошло это событіе?

Надо замѣтить, что Константинъ вообще очень неисправно соблюдаетъ хронологію; онъ или вовсе не опредѣляетъ времени разказываемыхъ имъ событій, или сообщаетъ весьма неясныя хронологическія данныя. Въ настоящемъ случаѣ одно обстоятельство особенно затрудняетъ опредѣленіе времени и сбиваетъ изслѣдователей. Съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, Константинъ, свидѣтельствуя, что Хорваты обратились къ императору Ираклію „около того времени, когда Авары изгнали изъ Далмаціи Римлянъ", тѣмъ самымъ относитъ и занятіе Аварами Далмаціи ко времени царствованія императора Ираклія (610—641 гг.). Съ другой стороны, въ гл. 29-й мы находимъ у него, послѣ разказа о построеніи города Рагузы (τὸ 'Ραούσιον) гражданами разрушеннаго „Славянами" Эпидавра, извѣстіе, что „съ тѣхъ поръ, какъ жители города Салоны переселились въ Рагузу, прошло 500 лѣтъ до нынѣ, то-есть, до 7-го индикта 6457 года отъ сотворенія міра" [2] (или 949 г. по Р. Х.), когда Константинъ писалъ эту часть своего сочиненія. Изъ этого извѣстія можно вывести заключеніе, что если въ 449 г. жители Салоны переселились въ Рагузу, то слѣдовательно къ этому году Константинъ относитъ и взятіе Салоны Аварами, которое такимъ образомъ является современнымъ гуннскому владычеству, тогда

---

[1] De adm. imp., c. 30, p. 143—144

[2] 'Αφ' οὗ δὲ ἀπὸ Σαλῶνα μετῳκησαν εἰς Ραούσιον, εἰσὶν ἔτη φ' μέχρι τῆς σήμερον, ἥτις ἰνδικτιῶνος ἑβδόμης ἔτους ,συνζ'. De adm. imp, c. 29, p. 137.

какъ въ это время, какъ извѣстно, объ Аварахъ въ Европѣ не было и помину, а Славянъ если ужь и знали, то весьма мало, и смѣшивали ихъ съ Гуннами. Всѣ ученые, основательно разбиравшіе Константина, начиная съ самыхъ первыхъ, каковы Люцій и Бандури [1]), признали всю несообразность этого показанія Кон-

[1]) Сообщаемъ здѣсь нѣсколько біографическихъ данныхъ и объ этомъ замѣчательномъ ученомъ. *Ансельмъ Бандури* (Bandurі) родился въ Рагузѣ въ 1671 г. Рано поступивъ въ бенедиктинскій орденъ, онъ отправился для усовершенствованія себя въ наукахъ въ Неаполь и Римъ. Страсть къ занятіямъ древностями побудила его въ совершенствѣ изучить греческій и латинскій языки. Своимъ мѣстопребываніемъ онъ избралъ Флоренцію, куда его привлекли богатое книгохранилище и кругъ ученыхъ. Герцогъ Косьма III Медичи сдѣлался его покровителемъ. Бандури обладалъ уже замѣчательною ученостью, когда пріѣхавшій во Флоренцію Б. Монфоконъ предложилъ ему переселиться во Францію, такъ какъ замѣтилъ его блестящія дарованія и познанія. Бандури послѣдовалъ приглашенію и въ качествѣ тайнаго министра Косьмы, получивъ отъ него средства и рекомендацію къ французскому двору, поселился въ Парижѣ (1702 г.). Здѣсь Бандури своею ученостью и талантами пріобрѣлъ скоро громкую извѣстность; его приблизили ко двору, и супруга герцога Филиппа Орлеанскаго сдѣлала его своимъ духовникомъ. Есть извѣстіе, что французскій дворъ просилъ о назначеніи его папскимъ нунціемъ въ Парижѣ или на мѣсто знаменитаго кардинала Альберони въ Испанію. Въ 1715 парижская академія надписей (Academie des Inscriptions) избрала его своимъ членомъ, а въ 1724 герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ его своимъ библіотекаремъ. Во все это время Бандури неутомимо работалъ въ излюбленной имъ области. Важнѣйшій его трудъ есть Сводъ константинопольскихъ древностей, въ которомъ онъ издалъ въ латинскомъ переводѣ многихъ греческихъ историческихъ писателей, остававшихся дотолѣ неизвѣстными. Это и есть Imperium Orientale (1711, 2 т.), гдѣ помѣщенъ и нашъ Константинъ Багрянородный. Изданіе снабжено предисловіемъ, важными учеными примѣчаніями, картами и снимками памятниковъ. Трудъ этотъ посвященъ герцогу Косьмѣ III; онъ составляетъ 33-й и 34-ой томы собранія византійскихъ писателей. К. Уденъ (Oudin), ученый, представившій критику труда Бандури, отнесся къ нему слишкомъ строго и пристрастно, ставя ему въ вину неважные промахи. Бандури принадлежатъ еще слѣдующіе большіе труды: Numismata Imperatorum R. R. a Trajano Decio ad Paleologos Augustos (собраніе медалей Римскихъ императоровъ отъ Траяна до Палеологовъ), Paris, 1718, 2 vol., съ посвященіемъ герцогу Орлеанскому; къ нему присоединена Bibliotheca Nummaria, то-есть, каталогъ всѣхъ трудовъ по нумизматикѣ. Затѣмъ плодомъ изученія древнихъ кодексовъ было изданіе, особенно важное для церковной исторіи: Conspeptus operum Sancti Nicephori (Paris, 1705 —

стантина и старались такъ или иначе объяснить его. Тѣмъ не менѣе это сбивчивое извѣстіе было причиной нѣкоторыхъ недоразумѣній и ошибокъ въ ученыхъ розысканіяхъ.

Итакъ, во времена Аттилы Авары никакъ не могли взять Салону, по той простой причинѣ, что ихъ не знали; еще тогда въ Европѣ. Но можетъ быть, не Авары, а именно Гунны разрушили Салону въ 449 г., и это-то и разумѣетъ Константинъ, говоря о переселеніи въ этомъ году части ея гражданъ въ Рагузу. Однако и такое предположеніе окажется совершенно несостоятельнымъ, если мы ближе вникнемъ въ дѣло. Не говоря уже о томъ, что никто изъ писателей не повѣствуетъ о разрушеніи Салоны Гуннами, это предположеніе опровергается достовѣрными фактами. Во время войны Юстиніана съ Готами (534—553 гг.) Салона представляла важную точку опоры полководцамъ Юстиніана, слѣдовательно, была цѣла и невредима. Затѣмъ въ концѣ VI вѣка постоянныя сношенія Римскаго папы съ Далматинскими епископами, во главѣ которыхъ стоялъ архіепископъ Салонскій, и переписка папы Григорія Великаго съ Салонскимъ архіепископомъ Максимомъ (въ 600 г.) по поводу опасности, грозившей Далмаціи и ея христіанскому населенію отъ вторженій Славянъ [1]), явно свидѣтельствуютъ о томъ, что Салона и къ началу VII вѣка не была никѣмъ взята, а тѣмъ менѣе разрушена. Такимъ образомъ это извѣстіе Константина ничѣмъ не оправдывается и потому естественно наводитъ на мысль, нѣтъ ли ошибки въ самомъ текстѣ, а именно въ цифрѣ лѣтъ, которыя Константинъ насчитываетъ со времени переселенія гражданъ Салоны въ Рагузу. Эта ошибка, по мнѣнію ученыхъ, могла быть сдѣ-

---

1712). Наработавъ на цѣлые 4 тома (in fol.), Бандури, заболѣлъ подагрой и умеръ 14-го января 1743 г. Нѣкоторые признаютъ авторомъ этихъ трудовъ извѣстнаго ученаго де-ла Барра (de la Barre), но это невѣрно; можетъ быть, онъ былъ онъ былъ помощникомъ Бандури. О послѣднемъ разказываютъ также, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ великаго герцога Тосканскаго. Любичъ считаетъ это несправедливымъ. О жизни Бандури см. *Sim. Gliubich*, Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia, Vienna, 1856, p. 18—19; также Nouvelle Biographie générale. *F. Didot frères,* t. IV, Paris. 1855, p. 350—351.

[1]) *Dümmler*, 363; Rački, Ocjena etc., 67. Рачкій подробно разбираетъ всѣ главные факты, касающіеся исторіи Далмаціи въ послѣднее десятилѣтіе VI вѣка.

лана какъ переписчиками, такъ и самимъ писателемъ [1]); исправить ее по недостатку данныхъ очень трудно, и потому, намъ кажется, слѣдуетъ совершенно оставить въ сторонѣ это сбивчивое показаніе при опредѣленіи времени занятія Далмаціи Аварами. Остается, слѣдовательно, только упомянутое свидѣтельство, по которому это событіе должно быть отнесено ко времени царствованія Ираклія. Но Ираклій царствовалъ 31 годъ (610—641 гг.). Къ какому же именно времени отнести его? Хотя этотъ вопросъ для насъ весьма важенъ не столько самъ по себѣ, сколько для болѣе точнаго установленія времени прибытія и поселенія въ Далмаціи Сербо-Хорватскаго племени, тѣмъ не менѣе данныя, сообщаемыя Константиномъ, таковы, что мы не можемъ рѣшиться основывать на нихъ окончательные выводы. Были ученые, которые, стараясь точно опредѣлить лѣтосчисленіе, брали въ основаніе своихъ доказательствъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, но этотъ пріемъ все-таки не привелъ ихъ къ удовлетворительнымъ заключеніямъ. Особенно тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ хорватскій ученый Микоци [2]); онъ взялъ во вниманіе, вопервыхъ, то обстоятельство, что при первомъ нападеніи Далматинцевъ на Аваровъ военныя силы послѣднихъ были направлены противъ кого-то—по мнѣнію Микоци — противъ Болгаръ (635—636 гг.); вовторыхъ, свидѣтельство, что папа Іоаннъ IV посылалъ въ Далмацію около 640 г. аббата Мартина для выкупа плѣнныхъ и перенесенія въ Римъ мощей св. мучениковъ [3]), наконецъ, и другія болѣе второстепенныя соображенія. Основываясь на этомъ, Микоци помѣщаетъ событія, разказываемыя Константиномъ о занятіи Далмаціи Аварами, между 636 и 638 годами, когда пришли Хорваты, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ сознаетъ гадательность своихъ выводовъ.

---

[1]) *Микоци* полагаетъ, что скорѣе ошибиться могъ переписчикъ, написавъ вмѣсто греческой буквы τ (= 300) φ, соотвѣтствующую римской D (500) На этомъ онъ строитъ предположеніе, что переселеніе нѣкоторыхъ гражданъ Салоны въ Рагузу относится къ 649 г., нѣсколько лѣтъ послѣ разрушенія Салоны Аварами; см. *Mikoczi*, Ot. Cr., p. 99.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., cap. III, p. 89—106.

[3]) Vita Ioannis IV, I, 123 (Anast. de vit. rom. pont.); Thomas archid. Spalat. Histor. Salonit., c. VIII., ed. *Lucii*, p. 318 (срав. *Pertz*, Script. rer. Langobard. et Italic. VI—IX saec., p. 415).

Нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, который не принимаетъ этого исчисленія, какъ „основаннаго на однихъ предположеніяхъ и произвольно взятыхъ началахъ“ [1]. Изъ другихъ ученыхъ Энгель относитъ [2] занятіе Далмаціи Аварами къ 610—620 гг. а Любичъ принимаетъ [3], что Салона была взята въ 628 г. И то, и другое мнѣніе также довольно произвольны. Шафарикъ, по отсутствію твердыхъ данныхъ, не рѣшается опредѣлять время каждаго отдѣльно взятаго событія, но принимая въ соображеніе, что все разказываемое Константиномъ объ Аварахъ, а затѣмъ о приходѣ Хорватовъ и Сербовъ, не могло случиться въ короткій промежутокъ времени, относитъ эти событія къ послѣднему десятилѣтію царствованія Ираклія и такимъ образомъ помѣщаетъ полное покореніе Далмаціи Аварами около 630 г. [4]. Это вычисленіе, по нашему мнѣнію, скорѣе всего заслуживаетъ быть принятымъ, хотя конечно, и оно не можетъ считаться непогрѣшимымъ. Что касается вопроса о томъ, какъ совершилось нападеніе Аваровъ на Далмацію и занятіе ея, то подробности, разказываемыя Константиномъ объ этомъ, какъ мы сказали, на столько сбивчивы и даже мало правдоподобны, что не заслуживаютъ большого вниманія. Одно то обстоятельство, будто сами Далматинцы или Римляне вызвали своимъ нападеніемъ вторженіе Аваровъ, не выдерживаетъ строгой критики [5]. Странно также свидѣтельство Константина о томъ, что до перваго нападенія Римлянъ, ни они, ни Авары не знали ничего другъ о другѣ. Можемъ ли мы этому повѣрить, зная, какъ часто еще въ VI в. Авары безпокоили Иллирикъ, и не далѣе, какъ въ 600 г. послѣ одного опустошительнаго набѣга Римляне заключили съ ними миръ?

---

[1]) Славн. Древн., II, кн. 1, стр. 397—398. Шафарикъ относится также и къ мнѣнію Пеячевича, основывающаго свой выводъ, что Авары овладѣли Далмаціей въ 635—636 гг., на подобныхъ же шаткихъ данныхъ (*Pejacsevich*, Hist. Serb., p. 15, 19).

[2]) *Engel*, Gesch. v. Dalm., 451.

[3]) Ljubić, Pregl. Hrv. pov., 5 (прим).: онъ полагаетъ, что это случилось по возвращеніи Аваровъ изъ-подъ Цареграда (626 г.).

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 398—399.

[5]) *Dümmler*, 360.

Заняли ли Авары всю Далмацію? Константинъ даетъ довольно точный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ гл. 29-й, сказавъ о распространеніи Аваровъ по Далмаціи и объ истребленіи ими Римлянъ, онъ продолжаетъ: „Остальные Римляне спаслись въ приморскихъ городахъ и до сихъ поръ владѣютъ ими. Эти города суть: Рагуза (Ῥαοῦσιν), Аспалатъ (Ἀσπάλαθον), Трогиръ (Τετραγγούριν), Діадора (Διάδωρα), Арбе (Ἄρβη), Бекла (Βέκλα) и Опсара (Ὄψαρα); ихъ жители и до сихъ поръ называются Римлянами" [1]). То же самое онъ говоритъ и въ гл. 30-й: „Только одни приморскіе города не подчинились Аварамъ и остались подъ властью Римлянъ, такъ какъ море служило имъ источникомъ пропитанія" [2]). Итакъ, перечисленные города, изъ которыхъ послѣдніе три находятся на одноименныхъ островахъ, по Константину устояли противъ Аваровъ и приняли къ себѣ Римлянъ, спасшихся отъ преслѣдованія послѣднихъ. Между тѣмъ Константинъ въ концѣ той же гл. 29-й передаетъ разказъ о построеніи Рагузы гражданами города Эпидавра [3]), разрушеннаго Славянами [4]). Слѣдовательно, Рагуза сохранилась только въ томъ смыслѣ, что была возстановлена.

Не забудемъ, что въ Рагузу, по свидѣтельству нашего историка, спаслась и часть гражданъ разрушенной Салоны. Такой же разказъ о возстановленіи города прежними его жителями вблизи разрушеннаго мы находимъ у Ѳомы, архидіакона Сплѣтскаго, по отношенію къ Салонѣ и Аспалату [5]). Итакъ, и Рагуза, и Аспалатъ— собственно города новые, возникшіе на развалинахъ прежнихъ, разрушенныхъ Аварами. Нѣтъ ничего невозможнаго, что и нѣкоторые другіе изъ упомянутыхъ Константиномъ далматинскихъ городовъ имѣли такую же участь.

---

[1]) De adm. imp., c. 29, p. 128.

[2]) Ibid., 30, p. 143.

[3]) Πίταυρα, у Прокопія: Ἐπίδαυρον.

[4]) По всей вѣроятности, тутъ опять Константинъ смѣшиваетъ Аваровъ со Славянами, ибо нельзя предположить, чтобъ онъ разумѣлъ здѣсь разореніе Эпидавра Славянами до прихода Аваровъ.

[5]) *Lucius*, L. 1, cap. X.

Относительно занятія Далмаціи Аварами надо еще обратить вниманіе на одно свидѣтельство Константина. Разказавъ въ гл. 30-й о прибытіи Хорватовъ, онъ замѣчаетъ: „И до сихъ поръ есть въ Хорватіи остатки Аваровъ, которыхъ и признаютъ за Аваровъ“ [1]). Итакъ, судя по этому свидѣтельству, еще въ X вѣкѣ, не смотря на полную побѣду и торжество вновь прибывшаго славянскаго племени, то-есть, Хорватовъ и Сербовъ, надъ прежнимъ населеніемъ Далмаціи, существовалъ тамъ аварскій элементъ, державшійся, слѣдовательно, въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій. Хотя это показаніе никѣмъ болѣе не подтверждается, мы однако не имѣемъ причины не вѣрить ему. Оно служитъ намъ, вопервыхъ, яснымъ доказательствомъ, что было дѣйствительно не только полное завоеваніе, но и довольно продолжительное господство Аваровъ въ этомъ краѣ, а вовторыхъ, оно доказываетъ, что Хорваты, осиливъ Аваровъ, не думали истреблять ихъ, такъ что аварскій элементъ долго существовалъ рядомъ съ господствовавшимъ хорватскимъ, пока наконецъ не былъ окончательно поглощенъ послѣднимъ [2]). Дюмлеръ, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ натяжку, утверждая, что этотъ фактъ, если онъ справедливъ, можетъ просто быть объясненъ существованіемъ отдѣльной аварской колоніи въ Далмаціи, и что нѣтъ надобности непремѣнно предполагать господства Аваровъ во всей странѣ (котораго онъ не допускаетъ) [3]). Сохраненіемъ нѣкотораго аварскаго вліянія въ Далмаціи послѣ утвержденія въ ней Хорватовъ Шафарикъ объясняетъ происхожденіе славянскаго титула „банъ“ (баянъ), которое прежде всего употреблялось въ Хорватіи [4]).

Но во всякомъ случаѣ незначительный и ничѣмъ не поддерживаемый аварскій элементъ долженъ былъ рано или поздно совершенно исчезнуть, и Шафарикъ [5]), какъ уже указалъ Дюмлеръ, дѣ-

---

[1]) De adm. imp., cap. 30, p. 144: καὶ εἰσὶν ἀκμὴν ἐν Χρωβατίᾳ ἐκ τοὺς τῶν Ἀβάρων, καὶ γινώσκονται Ἀβάρεις ὄντες.

[2]) См. Ljubić, O Posavskoj Hrvatskoj etc. *Rad. Jugoslav. Ak.*, kn. XLIII, 1878, p. 113, прим.

[3]) *Dümmler*, 365.

[4]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 2, стр. 3 (прим. 3). Впрочемъ не всѣ ученые раздѣляютъ это мнѣніе; см. *Dümmler*, 375, прим. 1.

[5]) *Шафарикъ*, тамъ же, опровергаетъ *Энгеля*, который считаетъ особенности нынѣшнихъ Морлаковъ татарскими (Gesch. v. Dalm., S. 231—234).

лаетъ невѣроятное предположеніе, думая, что многіе отличительные свойства и обычаи нынѣшнихъ Морлаковъ заняты ими у Аваровъ [1]).

II.

Обратимся теперь къ разбору того, что̀ Константинъ говоритъ о самой странѣ Далмаціи (когда она была еще римскою) и къ перечисляемымъ Константиномъ *далматинскимъ городамъ*, которые, уцѣлѣвъ отъ разгрома Аваровъ, а потомъ Славянъ, составили „Далмацію" въ тѣсномъ смыслѣ, подчиненную и при Константинѣ византійскимъ императорамъ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ Константина нерѣдко проглядываетъ его плохое знакомство съ древнею исторіей Римской имперіи. Нѣсколько важныхъ ошибокъ служатъ тому доказательствомъ. „Императоръ Діоклетіанъ очень любилъ Далмацію [2]); онъ вывелъ изъ Рима часть жителей съ ихъ семействами и поселилъ ихъ въ Далмаціи" [3]). Такъ начинаетъ Константинъ 29-ю главу своего сочиненія, и очевидно—ошибается. Извѣстно, что римскія колоніи были выведены въ Далмацію гораздо ранѣе Діоклетіана, еще во време-

---

[1]) По общераспространенному мнѣнію, Морлаки (Moro-Vlach, черные Влахи) суть Болгары и Сербы-Босняки, переселившіеся въ горы далматинскаго приморья въ серединѣ XV в., добровольно ушедши изъ-подъ турецкаго ига. Венеціанцы, подъ властью которыхъ они впослѣдствіи находились, ничего не сдѣлали для ихъ образованія,и потому они удержали еще донынѣ патріархальные нравы и понятія своихъ предковъ (срв. объ этомъ *Petter*, Dalmatien, I, Gotha, 1857, p. 179, 180 и дал.). Нѣкоторые, впрочемъ ошибочно, считаютъ Морлаковъ за ославяненныхъ Далматинцевъ (Италіанцевъ), которыхъ Славяне прозвали Морлаками, то-есть, морскими Влахами; срв. *Rambaud*, 469. О значеніи и употребленіи имени *Влахъ* и *Моровлахъ* на Балканскомъ полуостровѣ см. въ новѣйшей статьѣ *К. Иречка*: Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa, Prag, 1879 *(Stzber. der königl. Gesellschaft der Wiss.)*.

[2]) Далмація была родиной Діоклетіана; объ этомъ говоритъ и Константинъ въ сочиненіи De Themat., lib. II, th. 9, p. 57—58.

[3]) De adm. imp., 29, p. 125.

на Римской республики [1]. Затѣмъ Константинъ прибавляетъ, что эти выселенцы изъ Рима и въ его время назывались Римлянами. Названіе Далматинцевъ „Римлянами“ Люцій объясняетъ тѣмъ, что „варвары называли этимъ именемъ вообще всѣхъ провинціаловъ имперіи, особенно же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сосѣдили съ Римлянами. Это названіе было въ ходу и послѣ паденія имперіи для отличія жителей римскихъ провинцій отъ варваровъ. Такъ отличали, какъ извѣстно, Галловъ и Испанцевъ, а въ данномъ случаѣ оказывается то же и относительно Далматовъ“ [2]. Какъ видно изъ словъ Константина, въ X вѣкѣ римское населеніе приморскихъ городовъ еще довольно рѣзко отличалось отъ господствующаго славянскаго, и латинскій языкъ былъ тамъ еще въ полной силѣ. По замѣчанію Бандури, латинскій языкъ, какъ видно изъ Вильгельма Тирскаго (Willelmus Tyrius, 2, 27), сохранялся въ далматинскихъ городахъ съ первоначальнымъ римскимъ населеніемъ довольно долго, и часть гражданъ города Рагузы (Дубровника) употребляла его даже до XI вѣка. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ все бо́льшаго распространенія славянскаго элемента, кругъ употребленія латыни суживался; мало по малу онъ уступалъ свои права языку славянскому [3].

Въ началѣ этой главы, опредѣляя границы Далмаціи, Иллирика и Панноніи, мы замѣтили, что у Константина названіе Далмаціи употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ. Говоря о завоеваніи Далмаціи Аварами, а потомъ Хорватами и Сербами, онъ понимаетъ ее, конечно, въ широкомъ смыслѣ, а именно такъ, какъ ее понимали вообще всѣ византійскіе писатели, то-есть, въ смыслѣ западнаго Иллирика, за исключеніемъ Норика [4].

Константинъ говоритъ въ началѣ главы 30-й: „Издавна Далмація начиналась у границъ Диррахія, а именно отъ Антивара, и доходила до Истрійскихъ горъ, въ ширину же она простиралась до р. Дуная. Весь этотъ предѣлъ подвластенъ Римлянамъ, и эта провинція

---

[1]) *Lucius*, De regno D. et Cr. L. I, c. 1; *Banduri*, Animadvers. (Ed. Bonn.), 335; Rački, Documenta historiae Chroaticae etc. Zagrabiae, 1877, p. 267.

[2]) *Lucius*, L. I, cap. XIV.

[3]) *Banduri*, Animadvers., p. 336—337.

[4]) *Lucius*, L. I, cap. VI.

считалась самою главною изо всѣхъ другихъ западныхъ провинцій“ [1]). Изъ этихъ словъ можно довольно ясно представить себѣ границы Далмаціи по понятію Константина. Только протяженіе до Дуная требуетъ нѣкотораго поясненія.

Если мы припомнимъ разказъ Константина о взятіи города Салоны Аварами, то найдемъ, что и тамъ онъ говоритъ о Дунаѣ, какъ о границѣ римскихъ владѣній, то-есть, иначе границѣ Далмаціи; онъ именно разказываетъ, что далматинскій сторожевой отрядъ посылался на берегъ Дуная „противъ Аваровъ, которые жили по ту сторону Дуная, гдѣ нынѣ живутъ кочевые Турки“ (то-есть, Мадьяры). Какую же часть Дуная разумѣетъ Константинъ? Обыкновенно полагаютъ, что сѣверною границей Далмаціи была р. Сава до самаго ея впаденія въ Дунай, и слѣдовательно, только въ этомъ одномъ мѣстѣ (при сліяніи этихъ рѣкъ) Далмація касалась Дуная. Но намъ кажется болѣе справедливымъ предположить, что въ Далмацію входила также земля, лежащая между Дунаемъ, начиная съ его поворота на востокъ, и Савой, то-есть, позднѣйшій Срѣмъ (Sirmium, впослѣдствіи Francochorion). Тогда понятнымъ становится, вопервыхъ, гдѣ Далматинцы сторожили Дунай противъ Аваровъ, такъ какъ жилища послѣднихъ сосредоточивались въ то время между Дунаемъ и Тиссой, вовторыхъ, почему Константинъ выражается, что Далмація простиралась „въ ширину“ до Дуная.

Въ эту-то Далмацію въ обширномъ смыслѣ, вскорѣ послѣ Аваровъ, пришли, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ, Хорваты, а затѣмъ и Сербы; побѣдивъ Аваровъ, они прогнали ихъ и сами, по договору съ императоромъ Ираклiемъ, поселились въ ней, завладѣвъ всею землей, за исключеніемъ тѣхъ приморскихъ городовъ и острововъ, въ которыхъ уже вслѣдствіе аварскаго нашествія сосредоточилось все спасшееся римское населеніе, и которые представляли для него сравнительно безопасное убѣжище. Впрочемъ противъ новыхъ славянскихъ пришельцевъ туземцамъ, вѣроятно, и нечего было защищаться,

---

[1]) Andr. Dandulus въ Chron. venet., *Muratori*, XII (a. 854), говоритъ: Est autem Dalmatia prima provinciarum Graeciae, quae habet ab oriente Macedoniam, ab occasu Istriam, a meridie mare Adriaticum et insulas Liburnicas, et a septentrione Pannoniam, quae est pars Mysiae...

если справедливо, что Ираклій самъ назначилъ Далмацію для поселенія Сербо-Хорватамъ, призвавъ ихъ противъ ненавистныхъ враговъ имперіи Аваровъ, и слѣдовательно, расчитывалъ на ихъ мирное настроеніе въ отношеніи къ своимъ подданнымъ—Далматамъ. Итакъ, съ окончательнымъ поселеніемъ Славянскаго племени въ этой странѣ до тѣхъ поръ обширное названіе Далмаціи сузилось, ограничившись тѣми приморскими городами и немногими островами, которые поименовываются у Константина, и жители которыхъ, по его свидѣтельству, сохранили имя Римлянъ.

Итакъ, эти города составили *Далмацію* въ тѣсномъ смыслѣ [1]), подъ верховною властью греческаго стратига, имѣвшаго пребываніе въ Задрѣ (Διάδωρα), но съ собственнымъ муниципальнымъ управленіемъ [2]); города эти слѣдующіе: *Рагуза* (Дубровникъ), *Аспалатъ* (Сплѣтъ), *Тетрагурій* (Трогиръ) *Діадора* (Ядера, Задаръ), затѣмъ острова съ городами: *Арбе* (Рабъ), *Бекла* (Кркъ) и *Опсара* (Осоръ). Что касается города *Декатеръ* (Котора), котораго положеніе также описывается Константиномъ въ числѣ другихъ далматинскихъ городовъ [3]), то его принадлежность къ этимъ городамъ византійской Далмаціи подвержена нѣкоторому сомнѣнію, о чемъ мы еще скажемъ ниже. Кромѣ названныхъ городовъ, Константинъ причисляетъ къ Далмаціи (въ концѣ гл. 29-й) островъ *Лумбрикатъ* (нынѣ Vergada) съ населеннымъ городомъ того же имени и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ островов (изъ южныхъ Либурнскихъ) съ пустыми городами [4]), которые, по всей вѣроятности, во время аварскаго господства служили также убѣжищемъ изгнаннымъ Римлянамъ, а при Константинѣ были совершенно заброшены и опустѣли. Объ этой группѣ островов Константинъ выражается такъ: „Есть небольшіе острова подъ властью Далмаціи до самаго Бене-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ Константинъ употребляетъ названіе Далмаціи, когда говоритъ: πᾶσα ἡ Δελματία καὶ τὰ περὶ αὐτὴν ἔθνη, οἷον Χρωβάτοι Σέρβλοι Ζαχλοῦμοι Τερβουνιῶται Καναλεῖται Διοκλητιανοὶ καὶ Ἀρεντανοὶ...

[2]) Rački, Ocjena etc., 61.

[3]) De adm. imp., cap., 29, p. 139.

[4]) Названія этихъ городовъ у Константина слѣдующія: Καταυτρεβενὼ, Πιζυχ, Σελβὼ, Σκερδὰ, Ἀλωὴπ, Σκιρδακίσσα, Πυρότιμα, Μελετὰ, Ἑστιουνὴζ и др. cap. 29, p. 140.

вента [1]), частые и многочисленные, такъ что тамъ корабли никогда не боятся бури..." [2]), и затѣмъ слѣдуетъ ихъ перечисленіе.

Важное значеніе далматинскихъ городовъ въ исторіи Сербо-Хорватскаго племени и ихъ интересное топографическое положеніе, способствовавшее ихъ возвышенію, преимущественно какъ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на нихъ, чтобы, съ одной стороны, привести все то, что̀ свидѣтельствуетъ о каждомъ изъ нихъ нашъ историкъ, а съ другой—прибавить отъ себя нѣсколько замѣчаній о ихъ географическомъ положеніи. Историческіе же факты, сообщаемые о нихъ Константиномъ, какъ тѣсно связанные съ исторіей сосѣдняго славянскаго племени, войдутъ въ отдѣлъ о Хорватскомъ племени.

Итакъ, перейдемъ къ изложенію извѣстій Константина о далматинскихъ городахъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ называетъ.

Рагуза (Ῥαούσιον). Объ этомъ городѣ Константинъ сообщаетъ слѣдующее: „Городъ Раузій (τὸ κάστρον τοῦ Ῥαουσίου) не называется Раузой (Ῥαούση) на римскомъ языкѣ (по латыни) [3]), но потому, что расположенъ на скалистомъ мѣстѣ, а скала *по римски* (то-есть, по гречески) [4]) называется λαῦ, откуда и жители Лаузійцы (Λαουσαῖοι), то-есть, живущіе на скалѣ [5]). А общее употребленіе, которое часто искажаетъ слова смѣшеніемъ буквъ, измѣнивъ слово, назвало ихъ Раузійцами. Сами же они нѣкогда владѣли городомъ Эпидавромъ (Πίταυρα); но впослѣдствіи, когда остальные города были взяты Славянами, живущими въ этой провинціи, былъ взятъ и этотъ городъ, а жители были частью убиты, частью уведены въ плѣнъ; тѣ же, которые могли бѣжать и спастись, населили скалистыя мѣста тамъ, гдѣ теперь находится го-

---

[1]) *Бандури* (Animadv., Ed. Bonn., p. 346) замѣчаетъ: quasi Beneventum ad mare Adriaticum situm sit: verum trium ferme dierum itinere ab eo distat, et a Neapoli 32 miliaribus.

[2]) De adm. imp., c. 29, p. 140.

[3]) Τῇ Ῥωμαίων διαλέκτῳ.

[4]) Ῥωμαϊστί.

[5]) Такъ предлагалъ переводить это мѣсто и *Бандури*, Ed. Bonn., 342.

родъ; они построили его сначала небольшимъ, а потомъ въ нѣсколько бо̀льшихъ размѣрахъ; затѣмъ они еще увеличили его, продоживъ стѣну" [1]).

Затѣмъ Константинъ перечисляетъ имена нѣкоторыхъ гражданъ, переселившихся въ Рагузу, и прибавляетъ уже извѣстное намъ замѣчаніе о переселеніи гражданъ Салоны въ этотъ городъ.

Итакъ, въ приведенномъ разказѣ Константинъ объясняетъ прежде всего этимологію имени *Рагуза*. Хотя съ предлагаемымъ имъ производствомъ этого слова и согласны нѣкоторые ученые [2]), все же оно остается подъ большимъ сомнѣніемъ. Кстати надо замѣтить, что Константинъ, подобно всѣмъ вообще ученымъ своего времени, не отличается удачными этимологическими объясненіями. Мы еще будемъ имѣть случай встрѣчать примѣры его часто довольно наивныхъ, чтобы не сказать болѣе, этимологическихъ догадокъ. Впрочемъ у Константина попадается и нѣсколько вѣрныхъ словопроизводствъ, что̀ доказываетъ, что онъ все-таки имѣлъ нѣкоторое понятіе о славянскомъ языкѣ [3]).

По разказу Константина, Рагуза была выстроена жителями города Эпидавра, разрушеннаго „Славянами, живущими въ этой провинціи". По этому послѣднему выраженію можно бы заключить, что Эпидавръ былъ взятъ Хорватами или Сербами [4]), но это не-

---

[1]) Τὸ τεῖχος αὐτοῦ αὐξήσαντες μέχρι δ'ἔχειν τὸ κάστρον διὰ τὸ πλατύνεσθαι αὐτοὺς κατ'ὀλίγον καὶ πληθύνεσθαι. De adm. imp. c. 29. p., 137.

[2]) *Banduri* приводитъ въ подкрѣпленіе этой этимологіи слѣдующій доводъ: „Neque sola urbs Ragusina, quod in loco praerupto sita fuerit, hoc nomen nacta est: quippe urbs etiam Laconicae aspero in loco sita Λᾶ dicitur apud Lycophronem; unde nomen sumpsere Λαπέρσαι Dioscuri". Animadv., 342. *Петтеръ*, излагая топографію Рагузы, замѣчаетъ: имя Рагузы, вѣроятно, есть италіанизированная древняя форма Lausa, Labucedo, Rausa, Rhacusa и Rhacusium. См. *Petter*, Dalmatien, II, 196. Пресвитеръ Діоклейскій (с. XX) приводитъ также названіе Lausium, какъ первоначально принадлежавшее этому городу.

[3]) Сравн. *Rambaud*, 75—76; *Ст. Новаковичъ*, Српске области X и XII в. у Београду, 1879, стр. 1—2, прим.

[4]) И дѣйствительно, этимъ свидѣтельствомъ пользуется Дюмлеръ, доказывая, что Хорваты и Сербы явились въ Далмацію врагами имперіи и нанесли ударъ не Аварамъ, а остаткамъ римскаго населенія, разрушивъ многіе далматинскіе города. *Dümmler*, 367; см. также R a č k i, Ocjena etc. K. P., 69. *Петтеръ* приписываетъ разрушеніе Эпидавра Тервунцамъ и Нарентанамъ въ союзѣ съ Сарацинами въ 656 г. (?); см. *Petter*, II, 173.

вѣроятно уже потому, что часть салонскихъ гражданъ, по разрушеніи своего города, поселилась въ Рагузѣ, а Салона была разрушена, какъ извѣстно, Аварами. Здѣсь Константинъ, безъ сомнѣнія, опять смѣшиваетъ Аваровъ со Славянами. Иначе разказываютъ о паденіи Эпидавра Ѳома Сплѣтскій и Пресвитеръ Діоклейскій, но ихъ разказы крайне баснословны и не заслуживаютъ довѣрія [1]). Рагуза, благодаря своему выгодному географическому положенію, очень скоро возвысилась, и какъ видно изъ Константина, вслѣдствіе постояннаго прилива населенія она не разъ должна была расширять свой объемъ. Она была метрополіей всей Далмаціи въ торговомъ отношеніи [2]). Въ началѣ XI в. славянское населеніе Рагузы особенно увеличилось, и городъ еще расширился—на этотъ разъ къ сѣверу; такимъ образомъ эта часть города была, кажется, по преимуществу славянскою. Вслѣдствіе лѣсистой мѣстности, она первая получила названіе Дубровника (отъ дубравы), которое перешло потомъ и на весь городъ [3]). Что касается тѣхъ гражданъ, которыхъ перечисляетъ Константинъ, какъ поселившихся въ Рагузѣ вслѣдъ за ея построеніемъ, то мѣсто ихъ родины нѣсколько сомнительно. Бандури, утверждая, что слово κατοικησάντων должно быть замѣнено словомъ μετοικησάντων, видитъ въ этихъ гражданахъ переселенцевъ изъ Салоны, которыхъ и слѣдуетъ разумѣть въ словахъ Константина, непосредственно затѣмъ слѣдующихъ „ἀπὸ Σαλῶνα μετῴκησαν εἰς 'Ραούσιον, то-есть, οἱ ἀπὸ Σαλῶνα...“ [4]). Онъ не согласенъ съ Люціемъ [5]), который эти слова переводилъ: „Salonam transisse Rausium“ и придавалъ имъ тотъ смыслъ, что вмѣсто Салоны, метрополіи всей древней Далмаціи, Рагуза стала метрополіей восточной части приморской Далмаціи (Византійской).

Замѣтимъ кстати о географическомъ положеніи Рагузы, что она лежитъ на маленькомъ полуостровѣ [6]), нѣсколько сѣвернѣе древ-

---

[1]) *Dümmler*, 370.

[2]) Такъ какъ вѣдь византійскій стратигъ Далмаціи жилъ въ Задрѣ.

[3]) *Banduri*, Animadv., p. 342.

[4]) De regno D. et Cr., c. XIV.

[5]) *Banduri*, An. (Ed. Bonn.), 344.

[6]) У подошвы нынѣшней горы Sergio.; см. *Petter*, Dalm. II, 196.

няго Эпидавра; по свидѣтельству Константина, она находилась на границѣ земель Захлумья и Тервуніи и имѣла свои виноградники въ той и другой [1]). Константинъ упоминаетъ, что въ Рагузѣ „покоятся мощи св. Панкратія, въ храмѣ св. Стефана, находящемся среди города [2]).

Аспалатъ. (Ασπάλαθον, Spalatum, итал. Spalato, слав. Сплѣтъ). Изъ Ѳомы архид. Сплѣтскаго мы узнаемъ, что этотъ городъ, состоявшій прежде изъ одного только огромнаго дворца Діоклетіана, былъ отстроенъ и населенъ жителями разрушенной Салоны (около полов. VII-го в.) [3]). Этотъ же писатель сообщаетъ намъ подробности о разрушеніи Салоны, тогда какъ Константинъ не только не распространяется объ этомъ событіи, но и совершенно умалчиваетъ о переселеніи салонскихъ гражданъ въ Аспалатъ.

Въ 30-й гл. Константинъ пишетъ: „Близь Аспалата есть городъ, называемый Салоной, построенный импер. Діоклетіаномъ.... въ Салонѣ жили магнаты и множество народа,—это была столица всей Далмаціи“ [4]). Извѣстно, что Салона была одно время мѣстопребываніемъ Діоклетіана; сюда удалился этотъ императоръ, оставивъ престолъ, чтобы послѣдніе дни жизни своей провести въ покоѣ и уединеніи. Не вѣрно однако, что она была построена Діоклетіаномъ. Она существовала до него уже нѣсколько вѣковъ: о ней упоминаетъ уже Цезарь (De bello civ. 3, 8-9) [5]). Самъ Константинъ въ своемъ сочиненіи „О провинціяхъ“ противорѣчитъ себѣ, считая ее родиной Діоклетіана [6]); впрочемъ по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ этотъ императоръ родился въ Діоклеѣ. Въ другомъ мѣстѣ [7]) Константинъ говоритъ о Салонѣ, что она по объему равна половинѣ Константинополя; это извѣстіе оказалось преувеличеннымъ, когда были сдѣланы тщатель-

---

[1]) De adm. imp., cap. 30, p. 147.

[2]) Ibid, c. 29, p. 137. См. *Banduri*, Animadv., (Ed. Bonn.), 345.

[3]) Thomas Archid., c. VII—X., См. *Lucius*, L. I, cap. X.

[4]) De adm. imp., c. 30, p. 141.

[5]) Rački, Documenta, 270.

[6]) De Themat., l. II, 57—58: ἡ δὲ Δαλματία τῆς Ἰταλίας ἐστὶ χώρα, ἐξ οὗπερ ἐβλάστησεν ὁ πάντων ἀνθρώπων ἀνοσιώτατος καὶ ἀσεβέστατος βασιλεὺς Διοκλητιανὸς ἀπό τινος χωρίου καλουμένου Σαλῶναι....

[7]) De adm. imp., c. 29, p. 126.

*

ныя изслѣдованія всѣхъ остающихся еще слѣдовъ этого города [1]). Во всякомъ случаѣ Салона до вторженія Аваровъ была богатымъ и цвѣтущимъ приморскимъ городомъ; она служила мѣстопребываніемъ архіепископа, который былъ по ея разрушеніи переведенъ въ Сплѣтъ. Нынѣшняя Салона есть деревня на $2^3/_4$ мили восточнѣе Сплѣта; вблизи отъ нея находятся развалины древняго города [2]). О Салонѣ Константинъ упоминаетъ еще въ одномъ мѣстѣ, говоря, что до его времени сохранились въ ней „дворцы и ипподромы императора Діоклетіана" [3]). Въ 4,000 шагахъ отъ Салоны расположена была, по свидѣтельству Константина, крѣпость Клисса (Κλεῖσα, слав. Klis), нѣкогда Andetrium (у Плинія) [4]), которая служила какъ бы ключемъ для Салоны [5]), ибо достаточно было взять ее, чтобъ овладѣть и самимъ городомъ. Эта крѣпость существуетъ и донынѣ. Итакъ, по свидѣтельству Ѳомы Сплѣтскаго, жители разрушенной Аварами Салоны бѣжали сначала на близь лежащіе острова (Solta, Brazza, Lesina), а затѣмъ, по совѣту одного мужа Севера, возвратились на твердую землю и избрали себѣ убѣжищемъ знаменитый дворецъ Діоклетіана, расположенный среди скалъ въ неприступномъ мѣстѣ. Такъ возникъ городокъ, называвшійся первоначально Palatium, а потомъ Spalatium (Спалатъ, Сплѣтъ). Сначала жителей было не много, но мало по малу ихъ собралось столько, что городъ расширился и за предѣлы дворцовыхъ стѣнъ, преимущественно къ западу [6]). Константинъ говоритъ о немъ такимъ образомъ: „Императоръ Діоклетіанъ основалъ городъ Аспалатъ и построилъ въ немъ дворецъ, превышающій всякое описаніе, котораго остатки носятъ слѣды древняго величія, хотя они уже почти стерты вѣками" [7]). Затѣмъ далѣе, въ концѣ гл. 29-й онъ описываетъ самый городъ: „Большая часть дворцовъ (παλατία), по-

---

[1]) *Petter*, II, 66.

[2]) Ibid. p. 71—72.

[3]) De adm. imp., c. 31, p. 149. По замѣчанію Бандури (Ed. Bonn., 336), нѣкоторые писатели думаютъ ошибочно, что Діоклетіанъ построилъ въ Салонѣ дворецъ.

[4]) *Banduri* (Ed. Bonn.), 336; *Petter*, II, 74.

[5]) Этимъ объясняется и ея названіе, см. *Petter*, II, 74.

[6]) Ibid., II, 48.

[7]) De adm. imp., c. 29, p. 126

строенная Діоклетіаномъ, разказываетъ онъ,—погибла; сохранилась между прочимъ епископская палата [1]) и храмъ св. Домна, въ которомъ покоится его же прахъ; этотъ храмъ былъ опочивальней императора Діоклетіапа; подъ нимъ комнаты со сводами, нѣкогда бывшія мѣстомъ заключенія св. мучениковъ. Въ этомъ же городѣ лежитъ прахъ св. Анастасія" [2]). Тутъ слѣдуетъ описаніе того, какъ построены стѣны города, и какія сооруженія предполагалъ еще предпринять Діоклетіанъ [3]). Мы упомянули, что въ основаніи имени Аспалатъ лежитъ слово palatium (дворецъ); какъ могла произойдти такая передѣлка? У Константина мы находимъ очень странное объясненіе, что городъ Аспалатъ означаетъ parvum palatium (?) [4]). Непонятно, что̀ имѣлъ здѣсь въ виду нашъ писатель. Довольно правдоподобно мнѣніе, что Spalatium составилось изъ двухъ словъ: Salona-Palatium [5]); однако рѣшительнаго нельзя ничего сказать. Что касается приставочной буквы А въ началѣ слова, то это не единственный примѣръ такого явленія. То же мы видимъ въ словахъ: Ἄσθλαβοι вмѣсто Σθλάβοι, Abotriti вмѣсто Bodrici (Бодричи) и т. д. [6]).

Знаменитый сплѣтскій дворецъ, по Константину „превышающій всякое описаніе", состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ зданій и представлялъ правильный четырехугольникъ, каждая сторона котораго имѣла приблизительно 220 футовъ въ длину [7]). По словамъ Константина, стѣны были сдѣланы не изъ кирпича или „энхорега" (ἀπὸ ἐγχορήγου) (?), а изъ большихъ квадратныхъ камней [8]), соединенныхъ другъ съ другомъ желѣзомъ („оправленнымъ въ свинецъ"). Онѣ не имѣли ни мѣста для гулянья, ни бастіоновъ, но за то въ нихъ были окошки для метанія стрѣлъ. Изъ разрушен-

---

[1]) См. *Banduri* (Ed. Bonn.), 345.

[2]) De adm. imp., c. 29, p. 138.

[3]) Сообщаемый Константиномъ планъ этихъ сооруженій не совсѣмъ ясенъ.

[4]) Τὸ Ἀσπαλάθου κάστρον, ὅπερ παλάτιον μικρὸν ἑρμηνεύεται, cap. 29, p. 137.

[5]) *Petter*, II, 48. А можетъ быть, оно произошло изъ Sacrum Palatium.

[6]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, стр. 63.

[7]) *Dümmler*, 370.

[8]) Эти камни привозились, какъ думаютъ, съ острова Брача (Brazza), *Petter*, II, 57 и 137.

ной Салоны были перенесены въ Сплѣтъ мощи св. Домна и Анастасія; въ честь перваго была отстроена церковь изъ спальной палаты Діоклетіана — по свидѣтельству Константина, а по Ѳомѣ Сплѣтскому—изъ храма Юпитера [1]).

Мы уже выше замѣтили, что архіепископство Салонское было перенесено въ Сплѣтъ. Первымъ архіепископомъ Сплѣтскимъ былъ Іоаннъ Равеннскій, посланный папою въ Далмацію для устройства церковныхъ дѣлъ.

Сплѣтъ лежитъ на скалистомъ полуостровѣ, въ 4,000 шагахъ отъ древней Салоны [2]). Его удобное географическое положеніе сдѣлало изъ него важный торговый пунктъ; впрочемъ главное значеніе Сплѣта заключалось въ его церковномъ первенствѣ. Въ настоящее время городъ состоитъ изъ трехъ частей: стараго города (Città Vecchia), новаго и предмѣстій. Развалины дворца Діоклетіана мѣстами отлично сохранились.

Тетрангурій (Τετραγγούριον, Τραγούριον, Tragurium, Трогиръ, Trau). О немъ Константинъ сообщаетъ не много: „Городъ Тетрангурій есть маленькій островъ въ морѣ, съ узкимъ перешейкомъ, на подобіе моста идущимъ къ твердой землѣ, по которому жители проходятъ въ городъ. Тетрангуріемъ онъ называется потому, что малъ, какъ огурецъ (?). Въ этомъ городѣ покоится прахъ св. мученика архидіакона Лаврентія". Изъ этого свидѣтельства видно, что Трогиръ находился на маленькомъ полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. На югъ отъ него былъ островокъ Вua (Воа, у Плинія Bavo). Люцій замѣчаетъ, что благодаря перешейку этотъ городъ могъ быть хорошо укрѣпленъ со стороны материка, а островъ Буа служилъ ему хорошею гаванью [3]). Этимологія имени этого города остается темна. Что касается тѣла архидіакона Лаврентія, то есть указанія, что этотъ святой былъ похороненъ въ Римѣ, гдѣ всегда и

---

[1]) Thomas Archidiac., cap. XII, у *Banduri* (ed. Bonn.), 345.

[2]) *Banduri*, ibid., 336.

[3]) *Бандури* (ibid., 346) прибавляетъ къ этому, что „ни откуда не извѣстно, когда перешеекъ былъ прорытъ, и Трогиръ обращенъ въ островъ, но что онъ уже былъ островомъ въ то время, когда бѣжалъ туда Угорскій король Бѣла IV, объ этомъ свидѣтельствуетъ Ѳома Сплѣтскій" (с. 40). Другіе относятъ прорытіе перешейка уже къ XVII в.

оставался его прахъ [1]). Впрочемъ возможно и то, что тутъ разумѣется другой Лаврентій. Нынѣ Трогиръ соединяется мостами, какъ съ материкомъ, такъ и съ островомъ Буа [2]). Этотъ городъ славенъ, какъ родина часто упоминаемаго нами знаменитаго хорватскаго ученаго Лучича.

Діадора (τὰ Διάδωρα, Iadera, итал. Zara, сл. Задаръ, Задръ) была древнею римскою колоніей, главнымъ городомъ Либурніи, а потомъ метрополіей Далмаціи (Византійской) въ административномъ отношеніи, такъ какъ въ ней жилъ византійскій стратигъ. Ѳома, архидіаконъ Сплѣтскій, разказываетъ, что Ядера была въ VII в. разрушена и вновь построена бѣглецами изъ Салоны, но это показаніе невѣрно и основано на ошибочномъ производствѣ названія этого города отъ рѣки Jader, протекающей близъ Салоны [3]). Константинъ предлагаетъ нелѣпую этимологію слова Діадора [4]), производя его отъ выраженія „jam erat“ потому будто бы, что этотъ городъ „уже существовалъ до основанія Рима“. Далѣе Константинъ разказываетъ что тамъ похоронены св. Анастасія и св. Хрисогонъ мученикъ; съ нимъ хранится и святая цѣпь его. „Храмъ св. Анастасіи продолговатый, похожій на Халкопратійскій храмъ [5]), съ зелеными и бѣлыми колоннами, весь расписанный древнею живописью. Полъ сдѣланъ изъ удивительной мозаики; есть и другой храмъ возлѣ него, круглый храмъ св. Троицы, а надъ нимъ еще другой, въ который поднимаются по улиткообразной лѣстницѣ“. Эти подробности, какъ и тѣ, которыя мы встрѣтили въ описаніи Сплѣта, доказываютъ, какъ Константинъ интересовался и искусствомъ вообще, и памятниками древности въ особенности.

Къ далматинскимъ городамъ Константинъ, по видимому, причисляетъ и городъ *Декатеры* (τὰ Δεκάτερα, Catarum, итал. Cattaro, сл. Которъ). Его имя не встрѣчается у древнихъ писателей, и на этомъ осно-

---

[1]) *Banduri*, ibid., 346.

[2]) *Petter*, II, 81.

[3]) Названіе города Бѣлограда—Zara vecchia, данное ему почему-то моряками, послужило поводомъ для нѣкоторыхъ отожествлять древнюю Ядеру съ Бѣлоградомъ, но это опровергается уже тѣмъ, что Костантинъ рядомъ съ Ядерой знаетъ хорватскій городъ Βελόγραδον; *Dümmler*, 369.

[4]) ἡ δὲ κοινὴ συνήθεια καλεῖ αυτὸ Διάδωρα. De aam. imp., c. 29, p. 139.

[5]) *Banduri*, ibid., 347.

ваніи Дюмлеръ относитъ его возникновеніе ко времени прихода Славянъ, считая—и кажется вполнѣ справедливо—это названіе славянскимъ [1]). По мнѣнію другихъ, этотъ городъ назывался въ древности Ascrivium. Онъ былъ взятъ и разрушенъ Сарацинами въ IX в. [2]), послѣ чего будто бы жители разрушеннаго Уграми города Каттаро въ Босніи (Cattaro, срв. τὰ Κάτερα Константина Багрянароднаго) были приглашены возстановить Аскривій, и они-то дали ему имя своей родины [3]). Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, вѣренъ ли этотъ разказъ, но кажется, что древній Аскривій стоялъ на иномъ мѣстѣ (у самаго моря), чѣмъ Которъ (у глубокаго залива). Константинъ сообщаетъ, по обыкновенію, этимологію имени Декатеръ, но весьма темную и непонятную [4]). Далѣе онъ говоритъ: „Городъ окруженъ высокими горами, такъ что солнце видно только лѣтомъ, ибо тогда оно среди неба, зимой же вовсе его не видно". Это свидѣтельство оправдывается: Которъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими и крутыми горами. „Въ этомъ городѣ", продолжаетъ Константинъ,—„покоится прахъ св. Трифона, совершенно исцѣлявшаго всѣхъ больныхъ, въ особенности одержимыхъ нечистымъ духомъ; храмъ его—круглый". На одной изъ окружающихъ горъ расположена Которская-крѣпость (S. Giovanni) [5]).

Изъ острововъ, принадлежавшихъ Далмаціи, населены были по Константину только четыре [6]):

Арбе (Ἄρβη, Arbum), слав. Рабъ (Rab), у Плинія Arba [7]).

---

1) Въ Босніи по Константину былъ городъ τὸ Κάτερα (cap. 32, p. 159); *Dümmler*, 370.

2) О взятіи Декатеръ Сарацинами сообщаетъ и Константинъ, De adm. imp. c. 29, p. 130.

3) *Petter*, II 244—245.

4) Декатеры, говоритъ онъ,—значитъ „стѣсненный и подверженный ударамъ", ибо море вдается подобно стѣсненному языку на 15, даже 20 тысячъ шаговъ, и городъ стоитъ у дополненія моря (εἰς τὸ τῆς θαλάσσης συμπλήρωμα) (?); c. 29, p. 139.

5) *Petter*, II, 249.

6) Впрочемъ, перечисляя острова Нарентанъ (c. 36, p. 164), Константинъ еще называетъ три острова, принадлежащіе Византіи.

7) Тотъ же ли самый островъ надо разумѣть подъ Птоломеевою Скардуной (Scarduna)—не извѣстно.

Бекла (Βέκλα), у Птоломея Οὐεγία, у Плинія Vegium, нынѣ итал. Veglia, слав. Крkъ (Krk) [1]).

Опсара (Ὄψαρα), Absorus, нынѣ итал. Ossero или Cherso, слав. Оссоръ (Osor). На юго-западъ противъ главнаго острова есть небольшой островъ Lussin, который, бывъ соединенъ съ первымъ мостомъ, не имѣлъ прежде особаго имени, а назывался также Ossero. У древнихъ оба острова назывались Apsyrtides [2]). Всѣ эти три острова, то-есть, Rab, Krk и Osor, находятся недалеко другъ отъ друга въ заливѣ Quarnero.

Гораздо южнѣе островъ *Лумбрикатъ* (Λουμβρικάτον), Levigrad, нынѣ Vergada [3]).

Изъ не обитаемыхъ острововъ съ пустыми городами Константинъ называетъ слѣдующіе: Πιζύχ, нынѣ Sale (Люцій, l. I, c. XIV) маленькій островъ, 18 миль южнѣе Задра, между остр. Uglian и Grossa. Но по предположенію Рачкаго (Documenta, 414), Πιζύχ испорченъ вмѣсто Γιζύχ, у Плинія Gissa, нынѣ Ero, слав. Již, Iz (въ Задарскомъ округѣ).

Σελβώ, нынѣ Selva, Selve (Силба), сл. Żeljva.

Σκερδά, нынѣ Scherda, Скарда.

Ἀλωήπ, нынѣ Olib, Ulbo.

Σκιρδάκισσα, по мнѣнію однихъ—Κίσσα (въ такомъ случаѣ первая часть слова попала по ошибкѣ), нынѣ Pago (Пагъ); по другимъ—Scardizza, Skardica, островъ въ Задарскомъ округѣ (Rački, Documenta, 414).

Μελετά—Melada, сл. Mulat (въ Задарскомъ округѣ), не должно смѣшивать съ Меледой.

Ἐστιουνήζ, можетъ быть вмѣсто Σεστρουνήζ, i. e. Σεστρουννησίον, остр. Sestrun (Rački, ibid, 414).

Что за острова: Καταυτρεβενώ и Πιρότιμα—трудно сказать [4]).

---

1) *Banduri* (Ed. Bonn.), 347. Энгель считаетъ славянское названіе передѣланнымъ изъ латинскаго Curica, которое будто бы носилъ этотъ островъ въ древности; *Engel*, Dalm., S. 210.

2) *Dümmler*, 368, прим. 2.

3) *Banduri* (l. c., 348) называетъ его по славянски Laucat (?); см. Rački, Documenta, p. 176,414.

4) Καταυτρεβενώ, вѣроятно, имя испорченное; по *Фарлати* это Улянъ или островъ св. Михаила; *Рачкій* (Documenta, 414) сопоставляетъ его съ остр. Kakan, Kerknata (въ Задарскомъ округѣ). Πιρότιμα, по предположенію *Рачкаго* (ibid.), остр. Premuda.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Свидѣтельства Константина: I. О первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ: Бѣлохорватія и Бѣлосербія. — II. О переселеніи ихъ въ нынѣшнія жилища (въ Иллирикъ).

I.

Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Хорватовъ и Сербовъ начинается съ ихъ прибытія на Балканскій полуостровъ. До тѣхъ поръ мы не только не знаемъ ничего вѣрнаго о ихъ политической и внутренней жизни, но не можемъ даже точно опредѣлить ихъ жилища. Единственныя почти извѣстія объ этомъ послѣднемъ предметѣ мы находимъ у Константина Багрянороднаго; къ нимъ надо присоединить лишь тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія, которыя имѣются по этому вопросу у двухъ-трехъ другихъ писателей, и то позднѣйшихъ. Современныхъ же свидѣтельствъ, которыя въ этомъ случаѣ были бы особенно драгоцѣнны, нѣтъ и въ поминѣ. Но и нашъ писатель, котораго мы довѣрчиво беремъ въ руководители въ исторіи Сербо-Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, становится ненадежнымъ и неумѣлымъ проводникомъ при отысканіи ихъ древнихъ жилищъ. Темнота, а съ другой стороны, интересъ вопроса привлекали къ нему многихъ ученыхъ. Однако самыя тщательныя изслѣдованія только приблизительно разъяснили дѣло, но далеко не привели къ окончательнымъ и несомнѣннымъ выводамъ.

Источникомъ Константина въ этихъ показаніяхъ могли быть или разказы самихъ Хорватовъ и Сербовъ, еще поддерживавшихъ, кажется, въ его время сношенія съ своими сѣверными одноплеменниками, или просто какіе-нибудь документы, хранившіеся въ государственномъ архивѣ со времени ихъ поселенія въ земляхъ имперіи и содержавшіе въ себѣ, вѣроятно, общія свѣдѣнія о томъ, откуда прибыло новое населеніе. Наконецъ, до императора доходили извѣстія и о современномъ положеніи дальнихъ сѣверныхъ

странъ, считавшихся первоначальною родиной Сербовъ и Хорватовъ, извѣстія, которыми онъ не упускалъ случая пользоваться. Однако нельзя не замѣтить, что сами Славяне врядъ ли что-нибудь помнили о событіяхъ, происшедшихъ 300 лѣтъ передъ тѣмъ. На вопросы о прежнихъ ихъ жилищахъ они могли отвѣчать развѣ только смутными народными сказаніями, которыми дѣйствительно какъ будто отзываются нѣкоторыя свидѣтельства нашего историка.

Такимъ образомъ главнымъ источникомъ послѣдняго должны были быть какія-нибудь старыя письменныя извѣстія, которыя Константинъ очевидно перемѣшалъ и перепуталъ съ тѣмъ, что̀ зналъ и съ разныхъ сторонъ слышалъ о современномъ ему положеніи тѣхъ сѣверныхъ земель. На эту двойственность и вмѣстѣ съ тѣмъ запутанность въ извѣстіяхъ его о древней родинѣ Сербо-Хорватовъ уже обращали вниманіе изслѣдователи [1]), и безъ сомнѣнія, это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія. Тѣ критики, которые не принимали его въ разчетъ, совершенно тщетно старались согласить противорѣчивыя свидѣтельства Константина: они не пришли ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Ихъ выводы теряютъ отчасти и оттого, что они придаютъ слишкомъ большое значеніе отдѣльнымъ выраженіямъ Константина и считаютъ каждое его слово употребленнымъ обдуманно, съ тѣмъ или другимъ намѣреніемъ, тогда какъ Константинъ передавалъ свои извѣстія въ довольно неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ выраженіяхъ, ибо не умѣлъ пользоваться своимъ матеріаломъ и отнестись къ нему нѣсколько критически. Другіе, болѣе поздніе ученые, начиная съ знаменитаго Добровскаго, разумнѣе взглянули на этотъ вопросъ и вслѣдствіе того пришли къ болѣе дѣльнымъ выводамъ. Весьма основательно разобраны занимающіе насъ свидѣтельства Константина Шафарикомъ: нельзя поэтому не принять его заключеній относительно главныхъ пунктовъ вопроса.

Мы приведемъ сначала свидѣтельства Константина его собственными словами:

О Хорватахъ.

„Авары (по взятіи Салоны), увидя, что земля эта (то-есть, Далмація) прекрасна, поселились въ ней. Хорваты же жили

---

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, к. 2, стр. 181.

тогда за Багибаріей (ἐκεῖθεν Βαγιβαρείας), гдѣ теперь живутъ Бѣлохорваты (cap. 30, p. 147). Часть народа, прогнавъ Аваровъ изъ Далмаціи, поселилась въ ней. Остальные же Хорваты остались въ сторонѣ Франціи и называются теперь Бѣлохорватами, и имѣютъ собственнаго князя. Но они подчинены Оттону Великому, королю Франціи и Саксоніи (Φαργγίας τῆς καὶ Σαζίας); они не крещены и находятся въ связяхъ и дружбѣ съ Турками (Мадьярами) (c. 30, p. 144).

„Хорваты, живущіе теперь въ частяхъ Далмаціи, происходятъ отъ некрещеныхъ Хорватовъ, называемыхъ также „Бѣлыми", которые живутъ за Турціей (Угріей), близъ Франціи, и граничатъ со Славянами—некрещеными Сербами. Хорватами они называются на языкѣ Славянъ, что̀ значитъ *владѣющіе большою землею* (c. 30, p. 147—148).

„Великая же Хорватія, называемая также „Бѣлою", до сихъ поръ остается некрещеною, равно какъ и сосѣдніе Сербы. Они поставляютъ ме́ньшую конницу, чѣмъ крещеная Хорватія, такъ какъ подвергаются частымъ опустошеніямъ со стороны Франковъ, Турковъ (Мадьяръ) и Печенѣговъ. Они не имѣютъ ни сагинъ, ни кондуръ, ни торговыхъ судовъ, такъ какъ удалены отъ моря: отъ нихъ до моря 30 дней пути; а море, до котораго столько дней пути, есть такъ называемое *черное* (темное) море" [1]) (c. 31, p. 151—152).

О Сербахъ.

„Сербы происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ, называемыхъ также „Бѣлыми", живущихъ за Турціей, въ землѣ, называемой ими „Боики" [2]); съ ними граничитъ и Франція, равно какъ и Великая Хорватія—некрещеная, называемая также „Бѣлою". Итакъ, тутъ жили эти Сербы съ самаго начала (c. 32, p. 152).

„Родъ проконсула и патриція Михаила, сына Βουσεβούτζη (Вышевича?), князя Захлумскаго, пришелъ отъ некрещеныхъ жителей по рѣкѣ Висласъ (Βίσλας, Висла), называемой

---

[1]) ἡ θάλασσα.... ἐστὶν ἡ λεγομένη Σκοτεινή.
[2]) εἰς τὸν παρ' αὐτοῖς Βόϊκι τόπον ἐπονομαζόμενον.

также Дицикою (Διτζική), и поселился по такъ-называемой рѣкѣ Захлуму" (c. 33, p. 160).

Наконецъ надо еще имѣть въ виду одно извѣстіе о Хорватахъ: „Хорваты граничатъ съ Турками (Мадьярами) со стороны горъ" (c. 13, p. 81), и одно о Сербахъ, а именно—что между данниками Руссовъ въ числѣ другихъ Славянъ упоминаются и Сербы (οἱ Σέρβιοι) (c. 9, p. 79).

Сущность этихъ показаній состоитъ въ слѣдующемъ: *Хорваты* вышли изъ Великой и Бѣлой Хорватіи, страны, лежащей за Багибаріей, въ сторону Франціи, также за Угріей [1]); тамъ во времена Константина жили некрещеные Хорваты, называемые „Бѣлыми", то-есть, Бѣлохорваты, граничащіе съ некрещеными Сербами, имѣющіе своего собственнаго князя, но зависящіе отъ короля Франціи и Саксоніи Оттона Великаго, и по одному показанію, живущіе въ связяхъ и дружбѣ съ Мадьярами, а по другому подвергающіеся частымъ нападеніямъ со стороны Франковъ, Мадьяръ и Печенѣговъ; эти Хорваты, чтò на славянскомъ языкѣ значитъ *владѣющіе большою землею*, поставляютъ меньшую конницу, чѣмъ крещеная Хорватія, и будучи отдалены отъ моря, называемаго „Чернымъ", на 30 дней пути, не имѣютъ ни сагинъ, ни кондуръ, ни торговыхъ судовъ.

Сербы происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ, называемыхъ бѣлыми, то-есть, Бѣлосербовъ, живущихъ за Турціей (Угріей), въ странѣ, называемой ими „Боики"; они граничатъ съ Франціей и некрещеною Великою и Бѣлою Хорватіей, а черезъ землю ихъ протекаетъ р. Висла (Βίσλας), иначе Дичица.

Такъ повѣствуетъ Константинъ о Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи. Въ виду того, что Константинъ употребляетъ нѣкоторыя названія странъ, требующія спеціальнаго поясненія, мы и займемся прежде всего разборомъ этихъ названій.

„Хорваты", говоритъ Константинъ,—„вышли изъ страны, лежащей за *Багибаріей* (ἐκεῖθεν Βαγιβαρείας)". Надъ объясненіемъ этого имени прежніе ученые потратили много труда и все-таки долго не могли прійдти къ окончательному выводу. Только въ сравнительно

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ о Бѣлохорватіи говорится какъ о странѣ, граничившей съ Угріей со стороны горъ. De adm. imp., c. 13, p. 81.

недавнее время критика удовлетворительно рѣшила этотъ вопросъ, который оказался притомъ вовсе не такимъ мудренымъ, какъ его до тѣхъ поръ считали. А между тѣмъ отъ пониманія этого названія зависѣло въ значительной степени и рѣшеніе главнаго вопроса о древнихъ жилищахъ Сербо-Хорватовъ; по крайней мѣрѣ многіе критики, понимая его въ превратномъ смыслѣ, представляли самыя невѣроятныя догадки о положеніи Константиновой Бѣлохорватіи и Бѣлосербіи. Совершенно лишнимъ было бы вдаваться въ изложеніе всѣхъ разнообразныхъ, часто весьма ненаучныхъ, домысловъ по этому вопросу [1]). Мы приведемъ только тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и разсмотрѣнія. Люцій, по времени первый нашъ критикъ, высказалъ предположеніе, которому слѣдуетъ и Бандури [2]), что Βαγιβαρεία, Bagibaria, есть искаженное славянское слово; его первоначальная греческая форма βαβειαορεία (babia oria), иначе, Babii montes—со славянскаго Babie Gore, то-есть, просто Бабьи горы, какъ называется теперь одна вершина въ Карпатскихъ горахъ, на границѣ Галиціи и Угріи [3]). Эта догадка, хотя она и остроумна, все же, по зрѣломъ обсужденіи, не выдерживаетъ критики. Другое объясненіе предложилъ Микоци, который, тщательно разобравъ и опровергнувъ всѣ до него высказанныя мнѣнія, представилъ свое собственное, но оно какъ намъ кажется, еще гораздо менѣе правдоподобно, чѣмъ догадка Люція. Онъ производитъ слово Bagibaria отъ рѣки Vagus, притока Дуная съ лѣвой стороны (нынѣ Waag) [4]). Но это толкованіе нельзя не признать натянутымъ. Единственно вѣрное, притомъ же самое естественное и простое объясненіе этого имени слѣдующее: Багибарія или Багиварія (Βαγιβαρεία) есть искаженное Греками названіе Baioaria, Ба-

---

[1]) Желающій познакомиться подробно съ этими мнѣніями можетъ найдти обстоятельный разборъ ихъ у *Mikoczi*, Ot. Cr., p. 63—82.

[2]) *Banduri* (Ed. Bonn.), 348.

[3]) *Lucius*, l. I, cap. XI. Нѣкоторые видоизмѣняли это предположеніе, разумѣя подъ Бабьими горами не Карпаты, а Babii montes, отдѣляющія Паннонію отъ Далмаціи, и такимъ образомъ приходили къ нелѣпому выводу, что *Паннонія* была родиной южныхъ Славянъ. *Mikoczi*, p. 64.

[4]) Вторую часть имени онъ производитъ отъ сербскаго слова „bara“, означающаго „aquae late restagnantes“ (собств. *лужа*). *Mikoczi*, p. 73.

варія, являющееся у древнихъ писателей въ самыхъ различныхъ формахъ. Микоци старается опровергнуть это мнѣніе на основаніи другихъ показаній Константина, по видимому съ нимъ несогласныхъ, то-есть, находитъ, что если помѣщать Бѣлохорватовъ за Баваріей, то будто бы не оправдываются свидѣтельства Константина о географическихъ отношеніяхъ этой страны къ другимъ странамъ (напримѣръ, Угріи и т. д.), но подобный взглядъ происходитъ только отъ слишкомъ буквальнаго пониманія каждаго выраженія Константина, въ чемъ особенно грѣшитъ Микоци.

Первый ученый, довольно рѣшительно высказавшійся за это объясненіе, былъ, сколько намъ извѣстно, Шафарикъ [1]). Того же мнѣнія держатся Цейсъ, Рачкій [2]), Рёслеръ [3]) и др. Разумѣется, слѣдуетъ не колеблясь принять это объясненіе и считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Одно изъ основаній, на которыя мы въ этомъ случаѣ опираемся, есть то, что подъ словомъ Βαγιβαρεία Константинъ не могъ разумѣть ничего иного, какъ только названіе страны, а никакъ не рѣки или горъ. Выраженіе „за Багибаріей" онъ употребляетъ совершенно также, какъ выраженіе „за Турціей" (ἐκεῖθεν Τουρκίας), близь Франціи (πλησίον Φραγγίας), безъ всякаго объяснительнаго приложенія, тогда какъ, говоря о рѣкахъ и горахъ, онъ всегда считаетъ нужнымъ пояснить ихъ имена словами τὰ ὄρη, или

---

[1]) *Шафарикъ*, Слав. Древн., II, кн. 1, стр. 403. Впрочемъ уже и Добровскій держался этого мнѣнія; см. *Engel*, Gesch. v. Serb., S. 159.

[2]) *Zeuss*, Die Deutschen, S. 367—368. Онъ въ своемъ изслѣдованіи объ имени Баварцевъ (Baiovarii) приводитъ между прочимъ и занимающую насъ форму его у Константина, замѣчая, что этотъ писатель называетъ въ другомъ мѣстѣ (De Caerim., 2, p. 396) Баварію Βαϊούρη, а ея жителей Нѣмцами (Νεμέτζιοι). *Рачкій*, Ocjena etc. K. P., 51., не безъ основанія полагаетъ, что Константинъ заимствовалъ свою форму Βαγιβαρεία у Луидпранда, который называетъ ее Bagoaria.

[3]) Этотъ ученый справедливо замѣчаетъ: „Wundern muss man sich, wie man aus dem klaren Bagibareia, Baiern, ein Babia góra hat machen können, aus dem Namen eines nothwendiger Weise Constantinos bekannten Landes, den Namen eines Berges in den Karpaten, den ausser den Umwohnern im X Jahrhundert kein Sterblicher auf der Welt wissen konnte, und man muss fragen wie hätte ein Grieche das Wort Bajivaria anders schreiben sollen, als wie es Constantinos schrieb; jede neugriechische Grammatik konnte hierüber den nöthigen Aufschluss geben". *Roesler*, Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unter. Donau" ак. д. (*Sitzgsbr. d.* ак. д. *Wiss.* Wien, 1873, B. 73, S. 121—122).

ὁ ποταμός и т. п. Да и самая форма слова всего болѣе подходитъ къ названію страны [1]).

Итакъ, вопервыхъ, Хорваты жили въ древности за Баваріей. Далѣе спрашивается, что̀ Константинъ называлъ *Франціей* (Φραγγία)? Уже Луцій замѣтилъ, что подъ „Франціей" надо разумѣть Германію [2]). Это слѣдуетъ явно изъ тѣхъ указаній, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ у Константина относительно положенія этой страны [3]). Что касается *Саксоніи*, то видно изъ выраженія Константина: Φραγγίας τῆς καὶ Σαξίας, [4]) что онъ не имѣлъ о ней точнаго понятія. Въ другомъ сочиненіи своемъ (De Themat.) онъ называетъ ее Σαξωνία [5]).

Константинова *Турція* (Τουρκία), какъ извѣстно, есть земля Угровъ или Мадьяръ. Она граничитъ по Константину на сѣверъ съ Печенѣгами (скорѣе на сѣверо-востокъ), на востокъ (или юго-востокъ) съ Болгарами, отъ которыхъ отдѣлена Дунаемъ, на югъ (то-есть, юго-западъ) съ Хорватами, а на западъ съ Франціей [6]).

Затѣмъ на очереди земля, называемая у Константина *Боики* (ὁ Βόϊκι τόπος). Прежніе ученые понимали подъ этимъ именемъ не то, что̀ нынѣ обыкновенно признается. До Шафарика всѣ видѣли въ имени Βόϊκι имя земли Боевъ, то-есть, Богемію (Bojohemum). Такъ понималъ это имя и Цейсъ [7]), а въ новѣйшее время Рёслеръ [8]). Но Шафарикъ справедливо указываетъ [9]) на то, что Бойогемомъ называли Чехію

---

[1]) Шафарикъ замѣчаетъ, что хотя въ древне-славянскомъ и древне-нѣмецкомъ языкахъ vari означаетъ habitantes, однако въ этомъ случаѣ окончаніе ia не допускаетъ такого предположенія. Слав. Древн., II, кн. 1, стр. 403 (прим. 16).

[2]) *Lucius*, L. I, cap. XI.

[3]) С. 31 р. 150: Франція земля между Хорватіей и Венеціей; с. 13, р. 81, и с. 40, р. 174: Франція лежитъ на западъ отъ Угріи: с. 28, р. 123: Пипинъ владѣлъ всею Франціей и Славеніей.

[4]) *Banduri* (ed. Bonn), 348; нѣкоторыя читаютъ: Φραγγίας τε καὶ Σαξίας.

[5]) Εἰς τὸν ῥῆγα Σαξωνίας... De caerim., II, 398.

[6]) Cap. 40, p. 174; c. 13, p. 81.

[7]) *Zeuss*, Die Deutsch., 610; онъ полагаетъ, что Константинъ смѣшалъ здѣсь южныхъ Сербовъ съ Лужицкими.

[8]) *Roesler*, Zeitpunkt der slav. ansiedl. an d. unter. Donau въ *Sitzungsber. d. Wien. Akad.* B. 73, 1873, S. 120—121).

[9]) *Шафарикъ*, Слав. Древн., II, кн. 1, 401—402.

Нѣмцы, а ея славянскіе жители искони называли ее своимъ собственнымъ именемъ, тогда какъ Константинъ выражается, что „Сербы жили въ землѣ, называемой ими Бойки". Притомъ Шафарикъ полагаетъ, что Константинъ написалъ бы Βοϊκή, то-есть, γῆ, еслибы разумѣлъ Бойскую землю, а мы читаемъ у него несклоняемую форму Βόϊκι. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Шафарикъ отвергаетъ прежнее объясненіе этого слова и предлагаетъ свое собственное, довольно вѣроятное и остроумное. Онъ полагаетъ, что „Бойки" есть не что иное, какъ имя нынѣшнихъ Русскихъ Бойковъ, занимающихъ землю отъ истоковъ Днѣстра по рѣку Прутъ, и можетъ быть, жившихъ нѣкогда и сѣвернѣе. Впрочемъ, если до Константина доходили также слухи о странѣ Боевъ, онъ, безъ сомнѣнія, могъ смѣшать оба эти названія; вѣроятно, потому-то онъ и считаетъ Францію пограничною съ землею Βόϊκι. Съ Шафарикомъ соглашается и Рачкій [1]).

Какъ мы видѣли, Бѣлохорватія по Константину отстоитъ на 30 дней пути отъ такъ-называемаго *Чернаго моря* (ἡ θάλασσα ἡ λεγομένη Σκοτεινή). Чего бы кажется естественнѣе понимать здѣсь нынѣшнее Черное море? Такъ и понимали это свидѣтельство почти всѣ прежніе ученые [2]). Но противъ этого рѣшительно возсталъ [3]) Рачкій; онъ справедливо замѣчаетъ, что Константинъ наше Черное море всегда называетъ Понтомъ (ἡ τοῦ Πόντου θάλασσα, ὁ Πόντος), а что здѣсь слѣдуетъ скорѣе разумѣть сѣверное, Балтійское море. Онъ подкрѣпляетъ свою догадку тѣмъ доводомъ, что объ этомъ морѣ древніе Греки разказывали всевозможныя небылицы, и потому-де не удивительно, что Константинъ называетъ его „чернымъ", то-есть, темнымъ, мрачнымъ (Кимвры называли его „mori morusa, то-есть, mare mortuum"). Цифра 30 дней, по мнѣнію Рачкаго, можетъ быть испорчена, но во всякомъ случаѣ она доказываетъ, что Константинъ представлялъ себѣ Бѣлохорватовъ довольно далеко отъ сѣвернаго моря. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ можно безъ натяжки сдѣлать слѣдующее предположеніе: это извѣстіе, какъ и

---

[1]) Rački, cjena etc., 53.

[2]) Шафарикъ даже не счелъ нужнымъ останавливаться на этомъ извѣстіи Константина,—такъ оно ему казалось яснымъ.

[3]) Rački, ibid., 53—54.

многія другія, могло быть почерпнуто Константиномъ изъ слуховъ (не изъ славянскаго ли источника?), которыми, можетъ быть, и разумѣлось наше Черное море; но Багрянородный, зная это последнее подъ именемъ Понта, представилъ себѣ, что рѣчь идетъ о дальнемъ сѣверномъ морѣ, о которомъ онъ могъ кое-что слышать отъ посѣщавшихъ Византію Варяговъ, и которое дѣйствительно слыло темнымъ, мрачнымъ (Oceanus caligans) [1]).

Что касается рѣки, называемой Константиномъ Βίσλας, то нельзя не видѣть въ ней Вислы; по Константину она называется еще иначе Дичицей (Διτζίκη). Шафарикъ полагаетъ [2]), что подъ этою последнею надо разумѣть не самую Вислу, а какую-нибудь другую рѣчку за Карпатами, можетъ быть—притокъ Вислы, Вислоку.

Итакъ, теперь, уяснивъ себѣ по возможности всѣ названія, встрѣчающіяся въ извѣстіяхъ Константина о Бѣлохорватіи и Бѣлосербіи, мы приблизительно можемъ уже видѣть, въ какихъ мѣстностяхъ Константинъ представлялъ себѣ эти страны: онѣ, какъ оказывается, лежали, по его представленіямъ, гдѣ-то за Баваріей и за Угріей, не далеко отъ Германіи и Саксоніи, и напротивъ довольно далеко отъ Чернаго моря, притомъ Бѣлосербія—въ той сторонѣ, гдѣ жили тогда нынѣшніе Русскіе Бойки, и гдѣ протекаетъ рѣка Висла.

Припомнимъ, что̀ Константинъ говоритъ еще объ этихъ странахъ: въ его время оставшіеся тамъ Хорваты и Сербы назывались Бѣлохорватами и Бѣлосербами и не были крещены. Бѣлохорваты имѣли собственнаго князя, зависѣвшаго отъ короля Оттона I; они подвергались частымъ нападеніемъ Франковъ, Печенѣговъ и Мадьяръ, а по другому показанію, жили съ послѣдними въ связяхъ и дружбѣ; наконецъ, касательно военныхъ силъ, они много уступали южнымъ Хорватамъ, а судовъ вовсе не имѣли по причинѣ отдаленности отъ моря.

Обращаясь къ этимъ свидѣтельствамъ, не забудемъ того, что̀ мы ранѣе сказали, то-есть, что не слѣдуетъ слишкомъ строго придер-

---

[1]) Балтійское море многими считалось въ древности частью Сѣвернаго океана, и потому къ нему примѣнялись названія: Oceanus innavigabilis, θάλασσα σκοτεινή или mare tenebrosum. См. *Куникъ*, Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ, стр. 77, 89.

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 357, и прим. 39.

живаться отдѣльныхъ выраженій Константина, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, самъ не точно держался своихъ источниковъ. Итакъ, вопервыхъ, Константинъ говоритъ, что Бѣлохорваты жили за Баваріей („Багибаріей“): тутъ можетъ быть рѣчь только о странѣ на сѣверъ отъ Баваріи, гдѣ дѣйствительно обитали Славяне, а Баварія простиралась тогда даже до паннонскаго Дуная [1]). Слѣдовательно, судя по этому, Бѣлохорватовъ надо искать въ мѣстахъ нынѣшней Моравіи и Чехіи. Затѣмъ Бѣлохорваты жили „за Угріей“, и по этому свидѣтельству ихъ земля находилась въ нынѣшней Галиціи—за Карпатами. Наконецъ, по словамъ Константина они жили не далеко отъ Германіи и Саксоніи. Впрочемъ это послѣднее извѣстіе, по своей неопредѣленности, мало разъясняетъ намъ дѣло Что же касается того, что Бѣлохорваты отстояли отъ „Черкаго моря“ на 30 дней пути, то на эту цифру, какъ уже было замѣчено, невозможно положиться; по справедливому замѣчанію Рачкаго, она служитъ лишь указаніемъ, что Константинъ представлялъ себѣ древнюю родину Хорватовъ и Сербовъ весьма отдаленною отъ моря [2]). О Бѣлосербіи свидѣтельство Константина нѣсколько опредѣленнѣе Имена Вислы и Бойковъ, которыхъ, какъ мы видѣли, разумѣютъ подъ названіемъ Βόϊκι, проливаютъ достаточный свѣтъ на вопросъ о положеніи Бѣлосербіи. Свидѣтельство Константина о происхожденіи Захлумскаго князя Михаила отъ не крещеныхъ жителей по р. Вислѣ заслуживаетъ вниманія, какъ носящее характеръ народнаго преданія, имѣвшаго—по всей вѣроятности—свое историческое основаніе.

Итакъ, изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ Константина видно что Бѣлохорваты и Бѣлосербы, по его представленію, были два пограничныя другъ другу племени, занимавшія большое пространство земли за среднимъ Дунаемъ и Карпатами, а именно нынѣшнюю Чехію, Моравію и Галицію, и простиравшіяся, вѣроятно, и нѣсколько далѣе на сѣверъ. Остается рѣшить, занимали ли дѣйствительно эти племена всю означенную страну, и откуда именно вышли Иллирскіе Хорваты и Сербы. Для рѣшенія этого вопроса необходимо прибѣгнуть къ помощи другихъ указаній, правда, въ

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, стр. 403.
[2]) Rački, Ocjena etc. K. P., 54.

высшей степени скудныхъ, но тѣмъ не менѣе могущихъ хотя нѣсколько освѣтить его.

О первоначальныхъ жилищахъ всѣхъ Славянъ въ Европѣ упоминаютъ два писателя IX вѣка. Одинъ изъ нихъ, такъ-называемый Anonymus Ravennas, или какъ его называютъ иначе—Гвидонъ Равенскій († въ концѣ IX в.), въ своемъ географическомъ сочиненіи, отъ котораго къ сожалѣнію дошли только отрывки, пишетъ о Славянахъ: „Sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Sclavinorum exorta est prosapia“ [1]). Здѣсь авторъ разумѣетъ „Малую Скиѳію“, которую онъ строго отличаетъ отъ Великой, лежащей далѣе на востокъ, и въ которой жили въ его время Хозары. Эту Малую Скиѳію Шафарикъ сближаетъ съ Бѣлосербіей Константина [2]). Сюда же относится и извѣстіе другого писателя конца IX в., неизвѣстнаго сочинителя географическихъ записокъ одной Мюнхенской рукописи. Тутъ мы читаемъ: Zeriuani (Serbjani, Сербы, Сербяне) quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducunt, то-есть: Сербія,—это такая большая земля, что изъ нея вышли всѣ Славянскіе народы, и какъ утверждаютъ, получили въ ней свое начало [3]). Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ и на другихъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ, Шафарикъ приходитъ къ заключенію, что эта большая Сербская земля, прародина Славянъ,—не что иное, какъ Малая Скиѳія Гвидона Равеннскаго и Бѣлосербія Константина. Это заключеніе, какъ намъ кажется, довольно правдоподобно и подтверждается еще позднѣйшими свидѣтельствами архидіакона Сплѣтскаго Ѳомы [4]), который выводитъ Хорватовъ de partibus Poloniae, и Лаоника Халкокондила (XV в.), показанію котораго вполнѣ довѣряетъ Шафарикъ [5]).

---

[1]) Anon. Ravenn. l. I c. 12, у *Шафарика* (I, кн. 1, 108).

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 108—109.

[3]) Тамъ же I, к. 1, 109; II, к. 3, 181.

[4]) Thomas archid., c. VII, см. Rački. Docum., 275.

[5]) *Шафарикъ* (II, кн. 1, 410) приводитъ слова его: „Трибалы (Иллирскіе Сербы) пришли въ этотъ край, по словамъ нѣкоторыхъ, изъ земли, лежащей за Истромъ, на краю Европы, Хорватіи и Пруссіи, находящихся на сѣверномъ морѣ, равно какъ и Сарматіи, по сю пору называемой Русь“ (Laonic. Chalcond. *Stritter*, II, 338, 402).

Мы имѣемъ еще одно подходящее сюда свидѣтельство у чешскаго лѣтописца Далимила, который, говоря о происхожденіи Чеховъ, употребляетъ имя Сербіи въ обширномъ смыслѣ:

U srbskem jazyku jest země,
Jižto Chrvati jest jme.

Эта Хорватія въ землѣ Сербовъ, по мнѣнію Шафарика, есть Бѣлохорватія Константина [1]. Итакъ, во всѣхъ этихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ мы находимъ указанія на какую-то обширную страну, лежащую между Карпатами и Балтійскимъ моремъ и неопредѣленно простирающуюся на востокъ и западъ; она въ большинствѣ источниковъ носитъ имя Сербіи, но изъ нея же выводятъ и Хорватовъ. Въ этой-то землѣ, съ очень неопредѣленными границами, надо дать мѣсто Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи Константина, такъ какъ приблизительное описаніе положенія этихъ странъ у нашего писателя вполнѣ согласно съ показаніями перечисленныхъ источниковъ объ общихъ первоначальныхъ жилищахъ Славянъ.

Мы уже видѣли, что свидѣтельство Константина о Бѣлохорватахъ за Баваріей заставляетъ ихъ искать въ нынѣшней Моравіи и Чехіи. Дѣйствительно, мы находимъ указанія на отдѣльныя поселенія, носящія имя Хорватовъ—въ сѣверо-восточной части Чехіи, въ горахъ Крконошахъ, и затѣмъ въ Моравіи [2]. Что касается восточныхъ границъ этой страны, то мы имѣемъ свидѣтельства о Хорватахъ въ восточной Галиціи и сѣверо-восточной Угріи, о которыхъ говорятъ Несторъ [3] и польскій лѣтописецъ Кадлубекъ. Сюда же, кажется, надо отнести и свидѣтельство самого Константина, что „Хорваты (Χρωβάτοι) граничатъ съ Угорами со стороны горъ“ [4], то-есть, по всей вѣроятности, Карпатовъ. Такимъ образомъ становится ясно, что Константинъ, говоря о Великой и Бѣлой Хорватіи, имѣлъ въ виду обѣ границы, то-есть, восточную

---

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 165.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 403—404; Rački, Ocjena etc, 54; также *Zeuss*, 610.

[3]) Несторъ въ перечисленіи народовъ Руси говоритъ: „И живяху въ мирѣ Поляне и Древляне, Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хрвате“, см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 167—8. Есть еще другія упоминанія Нестора о Хорватахъ, см. Rački, Documenta, 418—419.

[4]) De adm. imp., c. 13, p. 81.

въ Чехіи и западную въ Галиціи, хотя о дѣйствительномъ пространствѣ земли между ними онъ не имѣлъ яснаго понятія. Подъ Бѣлохорватіей Константина остается такимъ образомъ, согласно съ Шафарикомъ, разумѣть восточную Галицію, Малую Польшу и сѣверную часть Моравіи и Чехіи [1]).

Бѣлосербія по Константину граничитъ съ Бѣлохорватіей, и ее приходится искать, какъ мы видѣли, въ землѣ нынѣшнихъ Русскихъ Бойковъ и по рѣкѣ Вислѣ. Если мы сопоставимъ съ этимъ другое извѣстіе Константина о Сербахъ, платившихъ дань Руссамъ [2]), которые жили, по мнѣнію ученыхъ, на юго-востокъ отъ Древлянъ, близь Несторовыхъ Бужанъ (по сѣверному Бугу), то будемъ имѣть довольно опредѣленное понятіе о Бѣлосербіи; но Константинъ даетъ намъ еще одно показаніе, которое приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе; онъ говоритъ, что Бѣлосербія граничила съ Германіей. Приходится, слѣдовательно, обратить взоры на западъ; здѣсь мы дѣйствительно находимъ имя Сербовъ между Полабскими Славянами, жившими на сѣверъ отъ Чеховъ и Чешскихъ Хорватовъ, въ землѣ между рѣками Салой и Лабой (Эльбой) [3]). Очень возможно, что этихъ-то Сербовъ Константинъ и имѣлъ въ виду, говоря о сопредѣльности Бѣлосербіи съ Германіей. Въ такомъ случаѣ надо полагать, что Константинъ представлялъ себѣ Бѣлосербію какъ нѣчто цѣлое, простиравшееся отъ границъ Салы и Лабы до предѣловъ Русскихъ Сербовъ, при чемъ онъ и въ этомъ случаѣ, конечно, не имѣлъ понятія о дѣйствительномъ протяженіи земли между этими границами. Въ Бѣлосербіи Константина мы, слѣдовательно, можемъ (вмѣстѣ съ Шафарикомъ) признать Великую Польшу, Силезію и нынѣшнія Лужицы, то-есть, Полабскую Сербію въ Германіи [4]).

Итакъ, подъ Бѣлосербіей и Бѣлохорватіей Константина приходится разумѣть очень обширное пространство земли; тѣмъ труднѣе рѣшить вопросъ: изъ какихъ же именно предѣловъ этихъ земель вышли Иллирскіе Хорваты и Сербы? Все, что̀ говоритъ Константинъ о поло-

---

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 180.

[2]) De adm. imp., c. 9, p. 79. *Энгель* (Gech. v. Serb., 151) думалъ, что тутъ, Константинъ смѣшалъ Сербовъ и Сѣверянъ, но на неверность этого мнѣнія указалъ уже Добровскій (ibid. S. 158).

[3]) Предки нынѣшнихъ Лужицкихъ Сербовъ.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 404.

женіи Бѣлохорватовъ и объ отношеніяхъ ихъ къ другимъ народамъ, какъ мы уже отчасти видѣли, на столько неясно и сбивчиво, что не можетъ дать достаточныя точки опоры для удовлетворительнаго разъясненія вопроса [1]). Такъ, между прочимъ, Константинъ разказываетъ, что Бѣлохорваты имѣли собственнаго князя [2]), но были въ зависимости отъ короля Оттона I. Здѣсь онъ говоритъ, можетъ быть, на основаніи слуховъ, доходившихъ до него о войнѣ Оттона I съ Полабскими Славянами и о подчиненіи послѣднихъ нѣмецкимъ маркграфамъ [3]); рядомъ съ этимъ онъ сообщаетъ о частыхъ нападеніяхъ на Бѣлохорватовъ—не только Франковъ и Мадьяръ, но и Печенѣговъ, жившихъ, какъ извѣстно, далѣе на

[1]) Сбивчивость происходитъ оттого, что источники Константина были весьма различны и разновременны. Впрочемъ г. *Куникъ* находитъ (см. Извѣстія Ал-Бекри и т. д., стр. 89), что „свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ народцахъ Константиномъ Порфиророднымъ, заключаютъ въ себѣ столько заслуживающаго вѣры и подтверждаемаго другими источниками, что предположеніе нѣмецкихъ ученыхъ, будто Константинъ былъ плохо знакомъ со взаимными отношеніями этихъ народцевъ, надо считать опрометчивымъ“. Если это дѣйствительно такъ, то тѣмъ прискорбнѣе, что Константинъ такъ неясенъ въ своихъ свидѣтельствахъ.

[2]) Объ этомъ князѣ много спорили нѣкоторые ученые, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 187—8.

[3]) Rački, Ocjena etc., К. Р., 55. *А. А. Куникъ*, признающій вообще достовѣрность этихъ извѣстій Константина, какъ сообщенныхъ ему, вѣроятно, людьми, посѣщавшими эти земли или даже жившими въ нихъ, не находитъ основанія сомнѣваться и въ этомъ извѣстіи о болѣе тѣсныхъ политическихъ отношеніяхъ Бѣлохорватовъ къ Оттону. „Не должны ли мы“, говоритъ онъ,—„предположить, что они (то-есть, Бѣлохорваты), подобно другимъ народцамъ, обращаясь къ Оттону до 950 г., преслѣдовали какую-то опредѣленную политическую цѣль? Врѣзавшись клиномъ между Польшей, Русью и Чехіей и тѣснимые ими, не искали ли они нравственной поддержки у могущественнаго „великаго короля Франціи и Саксіи“, хотя бы противъ Чехіи? Послѣдняя, по крайней мѣрѣ, относилась по временамъ къ Оттону весьма враждебно. Съ другой стороны трудно допустить, чтобъ уже въ то время (то-есть, около 910 г.) земля Хорватовъ находилась въ зависимости отъ Чехіи, такъ какъ, по Константину, Бѣлохорваты имѣли и собственное войско, и отдѣльныхъ князей. Да и сама-то Чехія не представляла еще объединеннаго государства, такъ какъ только Болеславу I удалось впервые сокрушить силу послѣднихъ наслѣдственныхъ родовыхъ князей, хотя онъ и самъ не избѣжалъ въ свою очередь данническихъ отношеній къ Оттону I“. См. Извѣстія Ал-Бекри etc., стр. 90.

востокъ, за Угріей, по Днѣпру и Черному морю. Оба эти свидѣтельства очевидно относятся ко времени самого императора Константина, и уже потому имѣютъ мало значенія въ вопросѣ о жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ въ VII в. [1]). А между тѣмъ первое изъ этихъ свидѣтельствъ, то-есть, о подчиненіи Бѣлохорватовъ королю Оттону, и затѣмъ свидѣтельства о близости Бѣлохорватіи къ Германіи и о сосѣдствѣ съ нею Бѣлосербіи долгое время вводили въ заблужденіе изслѣдователей, которые на основаніи этихъ данныхъ отожествляли оставшихся за Дунаемъ Бѣлохорватовъ и Бѣлосербовъ съ предками нынѣшнихъ Крконошскихъ Хорватовъ и Лужицкихъ Сербовъ. Такъ между прочимъ смотрѣли на это Энгель [2]) и за нимъ Микоци [3]). Проницательный Добровскій первый рѣшительно возсталъ противъ этого мнѣнія [4]) и доказалъ всю его несостоятельность неоспоримыми филологическими доводами, которые никакъ не допускаютъ смѣшенія Иллирскихъ Хорватовъ и Сербовъ съ Чешскими Хорватами и Полабскими Сербами, какъ двухъ различныхъ народныхъ вѣтвей, принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ отдѣламъ Славянскаго племени (первая — къ юго-западному, а вторая — къ сѣверо-западному), уже въ ту эпоху (VII в.) обособившимся [5]). Добровскій видѣлъ родину Хорватовъ и Сербовъ въ самыхъ восточныхъ частяхъ Константиновой Бѣлосербіи и утверждалъ, что Константинъ ошибочно отодвигаетъ ее слишкомъ далеко на западъ. Къ этому мнѣнію примкнулъ и Шафарикъ, подкрѣпивъ его рядомъ новыхъ, остроумныхъ соображеній. Мнѣніе этихъ ученыхъ до сихъ поръ всецѣло принимается наукой. Чтобы сказать что-либо новое по этому

---

[1]) Императоръ Оттонъ I, какъ извѣстно, былъ современникомъ Константина, а Печенѣги появились на равнинахъ юго-западной Россіи только въ самомъ концѣ IX вѣка.

[2]) *Engel*, Gesch. v. Serv. 144—153 и 162.

[3]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 73—89. Въ новѣйшіе время этотъ взглядъ защищалъ *Рёслеръ* (Zeitpunkt d. sl. Ansiedl., S. 120).

[4]) *Dobrowsky*—въ кн. *Энгеля*: Gesch. v. Serv., 153—161.

[5]) Одинъ изъ характерныхъ отличительныхъ признаковъ двухъ главныхъ отдѣловъ славянскаго языка есть употребленіе предлоговъ roz и wy сѣверными Славянами, и напротивъ raz и iz—южными. Примѣромъ можетъ служить имя Rozstok у Гельмольда и Разтокъ (Ραστώτζα) у Константина; см. *Шафарикъ*, II, кн. 3, 194.

вопросу, слѣдовало бы посвятить ему специальное, всестороннее изслѣдованіе, но такъ какъ подобный трудъ не входитъ въ нашъ планъ, то мы ограничимся приведеніемъ тѣхъ нѣкоторыхъ уже высказанныхъ доказательствъ прибытія Иллирскихъ Сербовъ и Хорватовъ изъ нынѣшней восточной Галиціи [1]), которыя, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ наибольшаго вниманія: 1) Уже было упомянуто о различіи нарѣчій Иллирскихъ Сербо-Хорватовъ и Лужицкихъ Сербовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе сравнительно бо́льшая близость перваго изъ нихъ къ русскому языку. Никто, конечно, не споритъ, что и Славяне сѣверо-западной вѣтви вышли изъ одной общей родины Славянъ, о которой упоминаютъ нѣкоторые писатели, и что, слѣдовательно, языкъ ихъ также нѣкогда ничѣмъ не отличался отъ общаго праславянскаго языка, но это относится только къ глубокой древности, еще къ доисторическому времени, а въ VII в., о кото́ромъ мы говоримъ, безъ сомнѣнія, уже существовало то характеристическое различіе между сѣверо-восточною и юго-западною семьями славянскаго языка, которое мы замѣчаемъ нынѣ. 2) Свидѣтельство Константина о томъ, что въ его время Бѣлохорваты и Бѣлосербы были народомъ некрещенымъ, можетъ только въ томъ случаѣ имѣть смыслъ, если предположить, что тутъ рѣчь идетъ о жителяхъ Повислянскаго края, такъ какъ Славяне Моравскіе и Чешскіе уже были тогда крещены. Этотъ доводъ также уже былъ приведенъ Добровскимъ. 3) Свидѣтельство самого Константина о приходѣ предковъ Захлумскаго князя Михаила съ рѣки Вислы и о землѣ Бойковъ представляетъ достаточно ясное указаніе, откуда пришли Иллирскіе Сербы. Наконецъ 4) уже упомянутыя нами извѣстія Ѳомы Сплѣтскаго и Лаоника Халкокондила съ поразительною точностью подтверждаютъ занимающій насъ выводъ Добровскаго и Шафарика, съ которымъ въ виду всего этого и мы не можемъ не согласиться.

Прежде чѣмъ мы обратимся къ разбору дальнѣйшихъ свидѣтельствъ Константина о переселеніи Сербо-Хорватовъ въ южныя страны, коснемся еще одного небезынтереснаго вопроса. Имена Хорватовъ и Сербовъ съ тѣхъ поръ, какъ эти народы впервые

---

[1]) Хорваты вышли скорѣе изъ болѣе западныхъ частей Галиціи.

появляются на историческомъ поприщѣ, почти всегда неразлучны другъ съ другомъ. Въ новыхъ жилищахъ Сербо-Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ мы находимъ ихъ сосѣдями, но совершенно самостоятельными и нисколько другъ отъ друга не зависящими: они пришли сюда даже, по свидѣтельству Константина, не вмѣстѣ, хотя промежутокъ времени между поселеніемъ тѣхъ и другихъ и былъ весьма незначителенъ. Интересно знать, въ какихъ отношеніяхъ между собою находились эти два племени до своего выхода изъ закарпатскихъ странъ. Какъ извѣстно, имя „Сербы" есть одно изъ древнѣйшихъ именъ, подъ которыми становятся извѣстны Славяне. Мы уже находимъ его у древнѣйшихъ писателей, напримѣръ, у Плинія и Птоломея [1]). Затѣмъ мы видѣли, что великая славянская земля за Карпатами сначала слыветъ подъ общимъ названьемъ Сербіи, на что указываетъ и свидѣтельство неизвѣстнаго автора географическихъ записокъ Мюнхенской рукописи. Въ обширномъ значеніи имя Сербъ употребляетъ и чешскій лѣтописецъ Далимилъ, у котораго Хорватія является какъ бы частью Сербіи:

V serbskom jazyku jest země
Jížto Chrvati jest jme.

Впрочемъ Далимилъ писалъ уже въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, а потому его показанія для насъ не такъ важны [2]); но у Константина, писателя X вѣка, Бѣлохорватія является уже не только землею совершенно отдѣльною отъ Бѣлосербіи, но даже, по видимому, превосходящею эту послѣднюю своимъ значеніемъ; по крайней мѣрѣ онъ на ней останавливается съ большимъ вниманіемъ, говоритъ даже о ея политическомъ положеніи и ей только приписываетъ названіе Великой (ἡ μεγάλη Χρωβατία). Мы въ правѣ, кажется, заключить изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ соображеній, что имя Хорватовъ дѣйствительно сначала было только мѣстнымъ именемъ одной части Сербскаго народа [3]); но впослѣдствіи оно расширилось и съ

---

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 162—163.

[2]) Можетъ быть, онъ взялъ свой разказъ изъ древнѣйшаго преданія, сохранившагося въ народныхъ пѣсняхъ, *Шафарикъ* II, кн. 2, 184.

[3]) Именно жителей земли, прилежащей къ Карпатамъ. Отдѣльныя части населенія Великой Сербіи могли рано получить особыя мѣстныя или родовыя названія (напримѣръ, Поляне, Куявы, Мазовы, Древане, Лютичи).

расчлененіемъ славянской народности на отдѣльныя вѣтви стало именемъ самостоятельнаго племени, которое, по разселеніи другихъ родственныхъ вѣтвей на западъ и востокъ, осталось рядомъ съ одноплеменными Сербами въ закарпатскомъ краѣ; въ VII вѣкѣ часть его по какимъ-то причинамъ оставила свою родину и направилась на югъ; вскорѣ примѣру Хорватовъ послѣдовала и часть Сербовъ. Это разновременное выступленіе двухъ сосѣднихъ племенъ какъ нельзя болѣе доказываетъ, что уже тогда (въ VII в.) Хорваты были совершенно самостоятельны и дѣйствовали, какъ свободное и независимое племя. Что касается объясненія Константиномъ имени *Хорваты*, которое будто бы значитъ „владѣющіе большою землею", то оно основано на куріозной этимологіи этого слова, ничуть не уступающей своею наивностью другимъ подобнымъ же этимологическимъ бреднямъ Константина. Онъ воображалъ себѣ слово *Хорватъ* происшедшимъ отъ χώρα (земля) и суффикса превосходной степени!.... Постоянно употребляемыя Константиномъ имена Бѣлосербовъ и Бѣлохорватовъ Шафарикъ считаетъ [1]) старобытными, восходящими къ глубокой древности и уже не существовавшими во времена нашего историка; намъ однако кажется, что, при недостаткѣ данныхъ, судить о времени появленія и исчезновенія этихъ названій слишкомъ смѣло.

Во всякомъ случаѣ имя Бѣлохорватовъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли могло быть очень древне, ибо мы видѣли, что это племя извѣстно исторіи, какъ еще несамостоятельная часть другого, а „бѣлыми" всегда назывались (понятіе, заимствованное у восточныхъ народовъ) народы коренные и свободные, въ противоположность „чернымъ", то-есть, отторнутымъ, покореннымъ, также дикимъ. О происхожденіи имени „Хорватъ" мы скажемъ въ спеціальномъ отдѣлѣ объ этомъ народѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ изложенію свидѣтельствъ Константина собственно по вопросу о переселеніи Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ нынѣшнія жилища. Объ этомъ поселеніи онъ пишетъ слѣдующее:

---

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 182—189.

О Хорватахъ.

„Когда Авары поселились въ Далмаціи, Хорваты жили за Баваріей, гдѣ теперь живутъ Бѣлохорваты. Одинъ родъ, отдѣлившись отъ нихъ, а именно пять братьевъ: Клукасъ (Κλουκᾶς), Лобелъ (Λόβελος), Косенцъ (Κοσέντζης), Мухло (Μουχλῶ) и Хорватъ (Χρώβατος), и двѣ сестры Туга (Τοῦγα) и Буга (Βοῦγα), со своимъ народомъ, пришли въ Далмацію и нашли Аваровъ, занимавшихъ эту страну. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны между ними, Хорваты побѣдили и частью перебили Аваровъ, а частью принудили ихъ покориться. Съ того времени эта земля была во владѣніи Хорватовъ“ (cap. 30, p. 143—144).

„Хорваты обратились къ императору Ираклію ранѣе, чѣмъ Сербы, въ то время, когда Авары выгнали оттуда (изъ Далмаціи) Римлянъ........ Когда же Римляне были выгнаны Аварами при томъ же императорѣ Ираклiѣ, то земли ихъ оставались опустѣлыми. И вотъ, по распоряженію Ираклія, Хорваты, начавъ войну, изгнали Аваровъ и по указанію императора поселились въ ихъ землѣ, которую и нынѣ населяютъ. Хорваты имѣли въ то время княземъ отца Порги“ (τὸν πατέρα τοῦ Πορɣᾶ) (cap. 31, p. 148).

О Сербахъ.

Сербы съ самаго начала жили за Угріей въ Бѣлосербіи. „Когда два брата получили отъ отца (послѣ его смерти) управленіе Сербіей, то одинъ изъ нихъ, взявъ половину народа, обратился къ Римскому императору Ираклію. Принявъ его, императоръ далъ ему земли на поселеніе въ провинціи Ѳессалоникѣ, а именно Сербію [1]), которая съ тѣхъ поръ и получила это названіе......... Черезъ нѣкоторое время эти Сербы рѣшили возвратиться домой (въ свои прежнія жилища) [2]), и императоръ отпустилъ ихъ. Когда же они перешли рѣку Дунай, то раскаялись и обратились къ императору Ираклію черезъ стратига, управлявшаго тогда Бѣлградомъ (τὸ Βελό-

[1]) ἐν τῷ θέματι Θεσσαλονίκης τὰ Σέρβλια.
[2]) εἰς τὰ ἴδια.

γραδον), съ просьбою дать имъ другую землю для поселенія. Итакъ какъ нынѣшняя Сербія и Пaганія (Παγανία) и такъ-называемая земля Захлумовъ (Ζαχλοῦμοι), и Тервунія, (Τερβούνια), и земля Каналитовъ (Καναλιτοί), бывшія подвластными Римскому императору, были опустошены Аварами, то Ираклій поселилъ Сербовъ въ этихъ земляхъ, и они (то-есть, Сербы) подчинились Римскому императору (cap. 32, p. 152—153).

Повѣствуя отдѣльно о каждомъ изъ только что названныхъ племенъ, Константинъ повторяетъ каждый разъ, какъ эти небольшія земли, опустошенныя Аварами, были вслѣдъ затѣмъ, при томъ же императорѣ Иракліи, заселены прибывшими Славянами (cap. 33 34, 35, 36; p. 160, 161, 162, 163).

Обращаясь къ разбору этихъ свидѣтельствъ, начнемъ съ вопроса о времени прибытія Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ новыя жилища. Не имѣя никакихъ достовѣрныхъ данныхъ для точнаго рѣшенія этого вопроса, мы должны довольствоваться только приблизительнымъ выводомъ. По свидѣтельству самого Константина, это событіе произошло почти вслѣдъ за вторженіемъ Аваровъ въ Далмацію и занятіемъ ими части этой страны. Слѣдовательно, нашъ вопросъ сводится къ тому, когда былъ переворотъ, произведенный Аварами въ Далмаціи? А на это отвѣтъ уже данъ нами въ предыдущей главѣ, гдѣ разбирались свидѣтельства Константина о событіяхъ, предшествовавшихъ поселенію Славянъ въ Иллирикѣ. Мы пришли къ заключенію, что вторженіе Аваровъ въ Далмацію должно быть отнесено приблизительно къ 630 году [1]). Но покореніе ими страны не могло произойдти сразу. По выраженію самого Константина, Авары „постепенно" истребляли римскихъ жителей [2]), слѣдовательно, овладѣли Далмаціей (за исключеніемъ нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ и острововъ), вѣроятно, только спустя два или три года. Итакъ, прибытіе туда Хорватовъ, должно было совершиться около 635 г. Затѣмъ приблизительно къ 637 г. должно, кажется, отнести торже-

---

[1]) Мнѣніе *Шафарика* въ этомъ вопросѣ кажется намъ наиболѣе основательнымъ, Сл. Др. II, кн. 1, 398—399.

[2]) Κατὰ μικρὸν ἀρξάμενοι πραιδεύειν τοὺς Ῥομάνους.... cap. 29, p. 127.

ство Хорватовъ надъ Аварами [1]) и выступленіе Сербовъ изъ-за Карпатовъ, а къ 640 г. ихъ окончательное поселеніе въ Иллирикѣ, рядомъ съ соплеменными Хорватами [2]).

Разказъ Константина о способѣ поселенія Сербо-Хорватовъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, то-есть, о сношеніяхъ и договорѣ ихъ съ императоромъ Иракліемъ, послужилъ предметомъ самыхъ оживленныхъ обсужденій, и въ послѣднее время нашлись изслѣдователи (въ томъ числѣ извѣстный хорватскій ученый Рачкій), которые просто отвергали этотъ договоръ,—впрочемъ отнюдь не на дѣйствительно научныхъ основаніяхъ, а по извѣстнымъ узко-патріотическимъ соображеніямъ, въ силу которыхъ они во что бы то ни стало старались провести свою предвзятую теорію о насильственномъ водвореніи этихъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ (мнѣніе г. Дринова). Это обстоятельство заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ. Возставая противъ такого пристрастнаго взгляда на дѣло, мы отнюдь не думаемъ отстаивать исторической вѣрности всѣхъ тѣхъ подробностей и мелкихъ обстоятельствъ, которыя сообщаетъ намъ Константинъ въ своемъ разказѣ, хотя многія изъ этихъ подробностей и не должны быть слишкомъ поспѣшно отвергаемы, въ виду того, что Константинъ могъ ихъ почерпнуть изъ документальныхъ источниковъ. Мы утверждаемъ (согласно съ Шафарикомъ, Любичемъ, Гильфердингомъ [3]) и многими другими новѣйшими учеными), что свидѣтельство Константина достовѣрно въ своемъ основномъ положеніи, и что это положеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего невѣроятнаго; если мы не находимъ ему подтвержденія въ современныхъ свидѣтельствахъ,

---

[1]) Война Хорватовъ съ Аварами не могла продолжаться, какъ намъ кажется, болѣе двухъ, много трехъ лѣтъ; ибо послѣдніе были, безъ сомнѣнія, гораздо малочисленнѣе. Мнѣніе Микоци, что война длилась пять или шесть лѣтъ, ничѣмъ не оправдывается.

[2]) По Любичу (Ljubič, Pregled Hrvatske pov., стр. 6) война между Хорватами была между 634 и 638 гг. Энгель относитъ призваніе Хорватовъ къ 620—630 гг., а приходъ Сербовъ приблизительно къ 640 г., Gesch. v. Dalm., S. 451—452; *Микоци* (Ot. Cr., p. 109—111) относитъ войну Хорватовъ съ Аварами къ 638—644 гг.

[3]) *Шафарикъ,* Сл. Др. II, кн. 2, стр. 2; Ljubič, Pregled etc., 6; *Гильфердингъ,* Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ, в. I, стр. 14—15 (Собр. сочин. *Гильфердинга,* 1868, т. I).

о точно также нѣтъ и никакихъ противорѣчащихъ ему показа- . Намъ кажется, что для безпристрастнаго критика достаточно отрѣться въ исторію первыхъ вѣковъ политической жизни Хор- в въ и Сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ ихъ отношенія к Византіи за это время, пока они еще не вполнѣ развили свою г дарственную самостоятельность, чтобы понять не только воз- м ность, но и логическую необходимость того факта, который н ъ передаетъ Константинъ. Развѣ могли бы существовать тѣ *м но-зависимыя* отношенія Сербо-Хорватовъ къ Восточной имперіи, к рыя мы видимъ въ первое время по ихъ водвореніи въ предѣлахъ й имперіи (изъ повѣствованія того же историка), еслибъ они на- ьственно расположились въ принадлежавшихъ ей земляхъ, какъ это араются доказать Дюмлеръ, Рачкій и Дриновъ [1])? Развѣ въ такихъ тношеніяхъ находились къ имперіи, напримѣръ, хоть Болгары, дѣйствительно *завоевавшіе* себѣ позволеніе поселиться въ ея областяхъ? Почти непрерывная борьба съ Греками наполняетъ ихъ исторію въ VIII, IX и X вѣкахъ. Поборники теоріи завоеванія приводятъ между прочимъ тотъ доводъ, что Славяне до тѣхъ поръ постоянно являлись на Балканскомъ полуостровѣ непримиримыми врагами имперіи, что, слѣдовательно, и Сербо-Хорваты непремѣнно должны были быть такими же врагами. Но этотъ доводъ, по нашему мнѣнію, нисколько не выдерживаетъ критики. Вопервыхъ, отношенія Византіи къ Славянамъ могли, безъ сомнѣнія, измѣниться, что̀ могло имѣть свои историческія причины, напримѣръ, хоть появленіе другихъ, болѣе дикихъ и опасныхъ враговъ, какъ напримѣръ, Аваровъ; а вовторыхъ, мнѣніе о томъ, что Славяне были всегда непримиримыми врагами имперіи, само по себѣ невѣрно; напротивъ, поселенія Славянъ на греческой территоріи очень часто совершались мирно, отдѣльными небольшими колоніями, миролюбивое настроеніе которыхъ такъ обезоруживало византійское правительство, что послѣднее вовсе не противодѣйствовало подобной колонизаціи. Затѣмъ есть еще одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить вниманія въ этомъ вопросѣ [2]). При императорѣ Иракліи, въ 626 г., каганъ

---

[1]) *Dümmler*, 367; Rački, Ocjena etc, 68—71; *Дриновъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, въ *Чт. М. Общ. Ист. и Др.*, 1872, книга 4, стр. 124—130.

[2]) На него указалъ уже Ljubić, Pregled etc., стр. 6, прим. 4.

Аварскій былъ съ большимъ войскомъ подъ Константинополемъ и осаждалъ его; въ его войскѣ были и Славяне, напавшіе на городъ съ моря на своихъ однодеревкахъ (μονόξυλα) [1]; эти Славяне, говорятъ, измѣнили Аварамъ, и во время самой осады удалились изъ-подъ Византіи [2]). Очень вѣроятно, что подобный поступокъ—надо думать—не первый и не послѣдній въ отношеніяхъ Славянъ къ Аварамъ, могъ расположить Ираклія къ Славянамъ и укрѣпить его въ мысли, что Славянами слѣдуетъ пользоваться противъ дикихъ Аваровъ, съ которыми невозможно было примиреніе, и предложить имъ соединить свои силы противъ общаго врага. Какъ мы видѣли, около 630 г., то-есть, слѣдовательно, вскорѣ послѣ упомянутаго похода Аваровъ на Константинополь, полчища того же народа разгромили Далмацію и отчасти заняли ее. Это дерзкое предпріятіе должно было сильно возмутить и устрашить Ираклія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если оно стало для него поводомъ исполнить наконецъ свою мысль—воспользоваться ненавистью Славянъ къ Аварамъ. Трудно рѣшить, оставили ли въ то время сами Хорваты и Сербы по какимъ-либо неизвѣстнымъ намъ причинамъ свои закарпатскія жилища, или они пришли по зову Ираклія. Первое впрочемъ гораздо правдоподобнѣе. Но во всякомъ случаѣ договоръ между обѣими сторонами—фактъ совершенно естественный и понятный, и нѣтъ причинъ отвергать сущность разказа Константина. Къ тому же это допущеніе, по предварительному договору, чужого народа въ предѣлы Византійской имперіи не единственный примѣръ подобнаго явленія. Такихъ фактовъ было нѣсколько [3]). Эпоха великаго переселенія народовъ открывается подобнымъ же событіемъ: часть Вестготовъ, тѣснимыхъ новыми пришельцами съ востока, принимается императоромъ Валентомъ и селится по договору на

---

[1]) Морскіе походы и даже разбой славянскихъ моряковъ изъ племени Ѳессалійскихъ и Македонскихъ Славянъ были въ то время довольно обычнымъ явленіемъ. См. Каспій, соч. ак. *Дорна.* Дополненія *Куника*: доп. III, стр. 357—358, гдѣ г. Куникъ справедливо опровергаетъ мнѣніе, что при этой осадѣ Византіи могъ участвовать и *русскій* флотъ. Сравн. *Гедеоновъ*, Отр. о Варяжск. вопр., *Зап. Ак. Н.*, т. III, кн. 2, стр. 55—56.

[2]) Chronic. paschale, ed Bonn., vol. I, p. 725.

[3]) Такъ въ VI вѣкѣ часть Кутургуровъ по договору была поселена во Ѳракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ.

землях империи. Мы же не сомнѣваемся въ достовѣрности этого факта?

Другой доводъ, приводимый Рачкимъ [1]) въ пользу его положенія, есть свидѣтельство Ѳомы Сплѣтскаго [2]) о разореніи Салоны (Солина) и Эпидавра Готами, подъ которыми авторъ разумѣлъ-де Хорватовъ. Положимъ, что подъ Готами дѣйствительно слѣдуетъ разумѣть Хорватовъ, хотя нѣкоторые думаютъ — Аваровъ [3]), но надо имѣть въ виду, что свидѣтельство архидіакона Сплѣтскаго, по всей вѣроятности, есть не болѣе, какъ сказаніе, заключающее въ себѣ притомъ какое-то недоразумѣніе, и потому на немъ никакъ нельзя строить положительныхъ выводовъ [4]). Наконецъ ученые, не допускающіе возможности договора между Иракліемъ и Славянами, представляютъ еще то возраженіе, что Хорватамъ и Сербамъ, направляясь въ Далмацію, нужно было пройдти черезъ обширную страну, занятую Аварами, которые безъ упорной борьбы не пропустили бы черезъ свои земли враждебныя себѣ племена. Правда, этотъ доводъ на первый взглядъ кажется довольно основательнымъ, но въ сущности и онъ потеряетъ для насъ значеніе, если мы припомнимъ, что именно около того времени (623—658 гг.) могуществу Аваровъ былъ нанесенъ сильный ударъ знаменитымъ чешскимъ вождемъ Само, далеко распространившимъ свою власть [5]), и слѣдовательно, врядъ ли Авары именно въ то время могли оказать значительное сопротивленіе довольно многочисленнымъ дружинамъ Хорватовъ и Сербовъ. Къ тому же послѣдніе могли миновать Паннонію, гдѣ находился центръ жилищъ Аваровъ, и пройдти или восточнѣе (че-

[1]) Rački, Ocjena etc., 69.

[2]) Thomas archid., c. VII.

[3]) Ljubić, стр. 6.

[4]) Точно также нельзя основываться, какъ мы уже показали, на свидѣтельствѣ Константина (с. 29, 136—137) о взятіи гор. Эпидавра и другихъ городовъ Славянами, которыхъ онъ смѣшиваетъ, по обыкновенію, съ Аварами. Впрочемъ мы должны замѣтить, что Славяне, явившись въ Далмацію покорителями Аваровъ, могли въ своемъ воинственномъ увлеченіи заявить себя враждебными дѣйствіями и противъ жителей нѣкоторыхъ городовъ съ римскимъ населеніемъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго; преданіе объ этомъ могло сохраниться и попасть, въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, въ хронику Ѳомы Сплѣтскаго.

[5]) Fredegari. schol. chronic., c. 48; сравн. Rački, Documenta, 275.

резъ нынѣшнюю восточную Угрію), или гораздо западнѣе, ближе къ Баваріи. Итакъ, по нашему мнѣнію, всѣ приведенные доводы противъ свидѣтельства Константина оказываются несостоятельными. Но всего болѣе поражаетъ насъ своею рѣзкостью и бездоказательностью слѣдующій выводъ г. Дринова [1]): „Разказъ Константина", говоритъ онъ,—„содержитъ въ себѣ только личныя соображенія разкащика, или лучше сказать, теорію, придуманную имъ для уясненія вопроса о занятіи Далмаціи Сербо-Хорватами". Какъ объяснить себѣ такое поспѣшное заключеніе у вообще столь основательнаго ученаго, какимъ въ другихъ случаяхъ является г. Дриновъ? Мы не можемъ подозрѣвать въ немъ поверхностнаго знакомства съ извѣстіями Константина. Поэтому намъ только остается думать, что онъ отнесся тутъ къ дѣлу небезпристрастно.

Не Константинъ придумалъ въ этомъ случаѣ теорію, а вѣрнѣе сами изслѣдователи, приписывающіе ее нашему автору, дѣлаютъ это не изъ истинно научныхъ соображеній, а съ какою-то предвзятою мыслью, изъ желанія провести свою собственную излюбленную теорію. Имъ почему-то не хочется допустить мирное (по отношенію къ Византіи) занятіе земель Балканскаго полуострова Сербами и Хорватами, и вотъ они создаютъ теорію о „домыслахъ" Константина. Мы видѣли однако, что эта теорія для всякаго трезво смотрящаго на дѣло не выдерживаетъ критики.

Такимъ образомъ мы не можемъ не принять за достовѣрный фактъ то, что Ираклій, снесшись съ предводителями пришедшихъ на границы имперіи Хорватовъ, а затѣмъ Сербовъ, уступилъ имъ для поселенія Далмацію, съ условіемъ, чтобъ они, прогнавъ изъ нея Аваровъ, оставались подъ его верховною властью. Но, будучи убѣждены, что это было именно такъ, мы отнюдь не хотимъ настаивать на безусловной достовѣрности всѣхъ подробностей, сообщаемыхъ Константиномъ; нѣкоторыя изъ нихъ намъ самимъ кажутся подозрительными. Такъ, разказъ Константина о первоначальномъ поселеніи Сербовъ въ Солунской провинціи, о ихъ рѣшеніи возвратиться и потомъ о вторичномъ обращеніи къ императору

[1]) *Дриновъ*, Засел. Балканскаго полуостр., тамъ же, стр. 126; сравн. того же автора: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ въ *Чт. М. Общ Ист. и Др. Росс.* 1875 г., кн. 3, стр. 35 и дал.

Ираклію возбуждаетъ не малое сомнѣніе [1]), хотя и о немъ нельзя сказать рѣшительно, что онъ сочиненъ. Можетъ быть, только передовыя сербскія дружины первоначально расположились въ Солунской области, но затѣмъ по какимъ-нибудь причинамъ не пожелали въ ней остаться.

Во всякомъ случаѣ этотъ разказъ долженъ имѣть историческую основу. Нѣкоторые изслѣдователи придаютъ значеніе самому выраженію, въ какое облечено это свидѣтельство: „Сербамъ", говоритъ Константинъ,—„предоставилъ Ираклій земли на поселеніе въ Солунской провинціи, именно „Сербію", *которая съ тѣхъ поръ получила свое названіе*" [2]). Въ южной Македоніи дѣйствительно есть и нынѣ городъ Сервія, Сербица на р. Быстрицѣ (Индже-Карасу, древн. Галіакмонъ) [3]). Думаютъ, что этотъ-то городъ и послужилъ поводомъ къ составленію этого разказа о первоначальномъ поселеніи Сербовъ въ Солунской области, который передаетъ Константинъ. Но признаемся, такое объясненіе кажется намъ мало правдоподобнымъ. Надо замѣтить, что возбуждаетъ сомнѣніе къ этому свидѣтельству и разказъ объ обращеніи Сербовъ къ бѣлградскому стратигу, такъ какъ существованіе въ Бѣлградѣ (получившемъ свое имя отъ Сербовъ) въ то время (VII в.) греческаго намѣстника ничѣмъ не подтверждается [4]).

Затѣмъ спрашивается: какъ отнестись къ именамъ хорватскихъ предводителей, изъ которыхъ одинъ особенно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе? Это именно *Хорватъ*, по видимому, младшій изъ пяти братьевъ. Думаютъ, что Хорватъ не есть лицо историческое, а принадлежитъ народнымъ сказаніямъ, точно также, какъ и

---

[1]) Съ такимъ сомнѣніемъ смотритъ на этотъ разказъ и большинство критиковъ: *Zeuss*, 612—613, прим.; *Dümmler*, 366; Rački, Odlomci iz držav. pr. hrv. (1861), p. 13. и Documenta, 276.

[2]) Ἐν τῷ θέματι Θεσσαλονίκης τὰ Σέρβλια, ἃ ἔκτοτε τὴν τοιαύτην προσηγορίαν παρείληφε. De adm. imp., 32, p. 152.

[3]) Собственно на притокѣ р. Быстрицы, верстахъ въ 25 на югъ отъ города Верріи.

[4]) *Zeuss*, 613, прим. *Гильфердингъ* ошибается, заключая изъ этого свидѣтельства Константина, что Бѣлградъ уже тогда носилъ это названіе, и слѣдовательно былъ заселенъ Славянами (Письма, I, 16, пр. 7).

Чехъ—у Чеховъ, Лехъ (Ляхъ)—у Ляховъ, Радимъ и Вятъ (по Нестору) у Радимичей и Вятичей, Кій у Кіевлянъ и т. д. [1]). Изъ этого предположенія заключаютъ, что врядъ ли и другія имена хорватскихъ вождей—Клюкъ или Клукъ (Κλουκάς), Ловелъ, Коснецъ и Мухолъ, и двухъ сестеръ—Туга и Вуга [2]), принадлежатъ исторіи. Гильфердингъ даже пытается найдти въ нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ бы аллегорическое происхожденіе, объясняя въ этомъ смыслѣ ихъ этимологію [3]).

Дѣйствительно, мнѣніе о принадлежности этихъ именъ только народному преданію, а не исторіи, на первый взглядъ кажется довольно правдоподобнымъ, но считать его несомнѣннымъ, какъ многіе дѣлаютъ, не возможно. Имѣя въ виду то, что Константинъ могъ пользоваться документами того времени, относившимися къ водворенію Хорватовъ и Сербовъ на греческой территоріи, для насъ было бы нисколько не удивительно, что Константинъ нашелъ въ этихъ документахъ и имена хорватскихъ предводителей [4]).

Остается коснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ переселенію Сербо-Хорватовъ въ иллирскія земли. Трудно рѣшить, какъ мы уже выше замѣтили, что̂ заставило ихъ искать новыхъ жилищъ. Предположеніе, что Ираклій самъ вызвалъ ихъ изъ-за Карпатовъ противъ Аваровъ, менѣе правдоподобно, чемъ то, что они сами, по собственному побужденію, оставили свою родину и обратились къ Византійскому императору съ просьбой

[1]) Срв. въ греческой исторіи: Эллинъ у Эллиновъ, Эолъ у Эолянъ, Доръ у Дорянъ, Іонъ у Іонянъ и такъ далѣе; см. Rački, Ocjena etc., 71. Надо замѣтить, что только Сербы не имѣютъ преданія о какомъ-либо „Сербѣ"; это, кажется намъ, всего лучше доказываетъ глубокую древность и вмѣстѣ съ тѣмъ особое происхожденіе ихъ имени, подобно и названію „Славяне".

[2]) Хорватскія Туга и Вуга напоминаютъ польскую Ванду, чешскую Любушу и ея сестеръ, наконецъ русскую Лыбедь.

[3]) Коснецъ онъ сближаетъ съ глаг. *коснѣть*, Мухолъ—съ глаг. *мухлати* (такъ и по хорутански), что̀ значитъ тоже медлить, коснѣть. Туга есть туга̀ (тужить), а Вуга (по хорут.) значитъ восторгъ, наслажденіе. См. *Гильфердингъ*, Письма, в. I, стр. 14, 15.

[4]) Эти имена могутъ быть сопоставлены съ нѣкоторыми современными собственными славянскими именами: Κλουκάς сравн. срб. Kliča; Λόβελος сравн. Ljub, Lub, Luben; Κοσέντζης сравн. Kosa, Kosan; Τοῦγα срвн. Tugan, см. Rački, Documenta, 271.

поселить ихъ гдѣ-либо въ предѣлахъ имперіи. Какія обстоятельства вызвали это рѣшеніе: напоръ ли другого народа съ востока, какъ думаетъ Добровскій [1]) (это менѣе вѣроятно), умноженіе ли народонаселенія и недостатокъ земли, какъ полагаетъ Микоци [2]), или какая-нибудь другая причина,—для насъ остается тайной. О пути, которому слѣдовали Хорваты, а затѣмъ Сербы, уже было упомянуто. Ничего положительно въ этомъ отношеніи мы сказать не можемъ, и потому всякое рѣшеніе этого вопроса было бы болѣе или менѣе произвольно [3]).

„Хорваты", разказываетъ нашъ историкъ,—„пришли въ Далмацію и нашли въ ней Аваровъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны [4])... они ихъ побѣдили, и съ тѣхъ поръ этою землею стали владѣть Хорваты". Спустя нѣкоторое время и Сербы поселились съ разрѣшенія Ираклія рядомъ (на востокѣ) съ Хорватами.

Предстоитъ рѣшить важный вопросъ о томъ, въ какихъ именно границахъ расположились оба племени.

Мы разберемъ подробнѣе эти границы, когда спеціально займемся судьбами Хорватовъ и Сербовъ послѣ ихъ поселенія въ Иллирикѣ, а теперь упомянемъ только, что Хорваты заняли сначала западную часть Далмаціи, въ обширномъ ея значеніи, за исключеніемъ узкой полосы земли по берегу Адріатическаго моря, состоявшей изъ *далматинскихъ* городовъ съ ихъ округами, гдѣ удержалось римское населеніе, и что вскорѣ затѣмъ часть ихъ отдѣлилась и заняла такъ-называемую паннонскую Савію, то-есть, землю между рѣками Савой и Дравой. Сербы же, по свидѣтельству Константина, расположились на востокъ и на югъ отъ нихъ, въ землѣ, орошаемой рѣками Дриномъ, Босной, Вербасомъ и Неретвой, причемъ собственно Сербы поселились на востокъ отъ Хорватовъ, а другія племена (Захлумцы, Травуняне, Дукляне и Неречане) заняли на югъ прибрежную полосу Далмаціи (отъ р. Цетиньи приблизительно до г. Антивара).

---

[1]) *Dobrowsky* въ *Engel's* Gesch. v. Serbien., S. 160.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 85—86.

[3]) Таково, по нашему мнѣнію, и предположеніе *Микоци*, ibid., 87—89; см: *Engel*, Gesch. v. Dalm., 452.

[4]) Приблизительно между 635—637 гг., какъ было показано выше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорваты. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго: I. О ихъ новыхъ жилищахъ. II. О ихъ судьбѣ съ VII по X вѣкъ.

I.

Судя по извѣстіямъ Константина, тѣсная связь соединяла Хорватовъ и Сербовъ въ первые вѣка по ихъ переселеніи на Балканскій полуостровъ, точно также, какъ и въ первоначальныхъ ихъ жилищахъ. Только въ X в. произошло замѣтное разобщеніе въ ихъ судьбахъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ—вслѣдствіе религіознаго раздѣленія: Хорваты въ это время примкнули къ латинской церкви, а Сербы, по прежнему, сохранили связь съ греческою. Но и до X в. исторія каждаго изъ этихъ племенъ носитъ свой особый характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ тѣхъ географическихъ условій, которыми съ самаго начала опредѣлилась жизнь каждаго изъ нихъ. Въ продолженіе всего періода ихъ исторіи, который обнимаютъ собою извѣстія Константина, нельзя не замѣтить первенствующей роли Хорватовъ. Прибывъ въ Иллирикъ, если вѣрить Константину, нѣсколько ранѣе Сербовъ, они заняли приморскую страну рядомъ съ уцѣлѣвшими отъ варварскихъ нашествій далматинскими городами, этими развитыми торговыми общинами, которыя состояли въ постоянныхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ западомъ и востокомъ Европы. Благодаря такому выгодному положенію—въ сосѣдствѣ моря и римскаго промышленнаго населенія—историческая жизнь Хорватовъ имѣла возможность развернуться быстрѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ жизнь Сербовъ, разселившихся на востокъ отъ нихъ, во внутреннихъ земляхъ Иллирика, гдѣ всѣ Условія менѣе благопріятствовали развитію народнаго благосостоянія и культуры. Вотъ почему въ первые вѣка преимущественно въ Хорватіи сосредоточивается исторія Иллирскихъ Славянъ,

а Сербы, особенно внутренней области, принимають въ ней болѣе слабое участіе. Не даромъ Константинъ ставитъ всегда Хорватовъ какъ бы на первый планъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору свидѣтельствъ Константина о жилищахъ Хорватовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ имени.

Мы уже видѣли, что Константинъ, говоря о Бѣлохорватахъ, замѣчаетъ, что „Хорватами это племя называется на языкѣ Славянъ потому, что владѣетъ большею землею“ [1]). На этомъ куріозномъ объясненіи, характеризующемъ только филологическій смыслъ Константина, мы конечно останавливаться не будемъ. Имя Хорватовъ уже съ давнихъ поръ толковалось самымъ различнымъ образомъ; прежніе ученые придумывали для него всевозможныя производства, но всегда довольно неудачно, а потому мы и не станемъ приводить всѣхъ этихъ, по большей части произвольныхъ, объясненій. Подробный разборъ ихъ читатель можетъ найдти у Микоци [2]). Хорватовъ Константинъ называетъ нѣсколько искаженно Χρωβάτοι (у Кедрина Χορβάτοι, Нестора—Хрьвате, Хорвати, въ латинскихъ грамотахъ Chruuati, Chroatae и т. д.) [3]).

По довольно распространенному объясненію, принадлежащему Шафарику, имя Хорватовъ означаетъ жителей горъ, Хърбовъ, то-есть, горбовъ, хребтовъ [4]), такъ что корнемъ его является *хърб* (chrb), *хриб* (chrib) [5]). Подъ этими горами или хребтами, по его мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть Карпаты, которыхъ восточную часть въ Галиціи Русскіе и нынѣ называютъ Горбами [6]). Шафарикъ сближаетъ

---

[1]) De adm imp., cap. 31, p. 148.

[2]) *Mikocsi*, Ot. Cr., 57—60.

[3]) Подробный перечень формъ см. у *Шафарика*, II, кн. 2, 46—47. Форма *Хорваты* (Chrouati) употребляется часто также какъ названіе земли, мѣстности; см. тамъ же, II, кн. 1, 70; *Zeuss*, 608, прим.

[4]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 355, кн. 2, 346.

[5]) Слово *хрибъ* у нынѣшнихъ Хорватовъ значитъ берегъ, слѣдовательно, оно не слишкомъ удалилось отъ первоначальнаго значенія. *Добровскій* (Instit., p. 214) думалъ, что корень этого имени—потерянное chrw, сохранившееся только въ хорватскомъ и иллирскомъ нарѣчіяхъ въ сл. chrew, стволъ дерева (stirps). См. предположеніе Цейса: *Zeuss*, 608, прим.

[6]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, 346. Аналогическій примѣръ названія народа отъ горъ Шафарикъ видитъ въ имени Таврисковъ, происшедшемъ отъ кельтонѣм. слова taur, гора. См. тамъ же, I, кн. 2, 183.

еще Хорватовъ съ древнимъ народомъ Карпами или Карпіанами, которыхъ считаетъ Славянами, жившими именно. по его мнѣнію, въ восточной Галиціи [1]). Онъ производитъ также отъ того же корня *хриб*, *хърб* и самое названіе Карпатскихъ горъ [2]). Но во всѣхъ случаяхъ, то-есть, и въ производствѣ имени *Хорватъ*, и въ отожествленіи Хорватовъ съ Карпами, и въ сближеніи ихъ съ Карпатами онъ положительно заблуждался. Въ ту же ошибку впалъ и г. Дриновъ [3]). Въ послѣднее время ученые филологи Гейтлеръ и Даничичъ производятъ имя Хорватовъ отъ корня chărv, sarv (defendere, tueri), и Гейтлеръ сравниваетъ имя Хръватинъ съ лит. szarvótas, armatus (аналогія въ герм. varja, defensor) [4]). Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ разборъ этого вопроса; мы сочли не нелишнимъ привести только мнѣнія о немъ авторитетныхъ ученыхъ. Объясненіе гг. Гейтлера и Даничича можетъ считаться болѣе другихъ удовлетворительнымъ и удачнымъ, хотя и оно уже успѣло встрѣтить возраженіе со стороны почтеннаго нашего лингвиста, г. Бодуэна де Куртенэ [5]).

Приступая къ вопросу о жилищахъ, занятыхъ Хорватами по ихъ приходѣ въ Иллирикъ и послѣ побѣды надъ Аварами (ок. 637 г.), на сколько онъ выясняется изъ извѣстій Константина, мы прежде всего приведемъ эти свидѣтельства его собственными словами:

„Съ тѣхъ поръ, какъ поселились Славяне (въ Иллирикѣ), они завладѣли всѣми окружными землями около Далмаціи“ [6]) (с. 30, р. 146).

„Хорватская земля начинается отъ р. Зентины (τῆς Ζεντίνας τοῦ ποταμοῦ) и простирается въ своей поморской [7]) части до предѣловъ Истріи или до города Альбуна (τοῦ Κάστρου

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 355.

[2]) Тамъ же, I, кн. 2, 345.

[3]) *Дриновъ*, Заселен. Балк. полуостр., 61—62.

[4]) *Geitler*, Etimologija imena Hrvat, *Rad*, XXXIV, 111, и д. (то же въ чешскомъ журналѣ Listy filologické a paedagogické, ročn. III, sešit I—III, 1876, 87—95); Daničić, Osnove Srb. ili hrv. jezika, p. 211; срв. Rački, Documenta, 273.

[5]) Г. *Бодуэнъ де Куртенэ* не считаетъ доказаннымъ соотвѣтствія литовскаго sz славянскому x (ch); см. *Филологич. Зап.*, 1879, в. I, стр. 44.

[6]) Здѣсь, конечно, разумѣется Далмація въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, далматинскіе города.

[7]) Πρὸς μὲν τὴν παραθαλασσίαν......

Ἀλβοῦνου), а въ гористой части нѣсколько даже заходитъ за область Истріи [1]); въ сторону Центины (πρὸς τὴν Τζέντινα) и Хлебены (καὶ τὴν Χλέβενα) она граничитъ съ Сербіей" (c. 30, p. 146).

„Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилась и заняла Иллирикъ и Паннонію. Они имѣли самостоятельнаго князя, посылавшаго къ князю Хорватіи посольство ради дружбы" (c. 30, p. 144).

„Земля Хорватовъ раздѣлена на 11 жупъ (жупаній), а именно: Хлебіана (Χλεβίανα), Центина (Τζέντζηνα), Имота (τὰ Ἥμοτα), Плеба (Πλέβα), Пезента (Πεσέντα), Парaталассія (Παραθαλασσία), Бребера (Βρεβέρα), Нона (Νόνα), Тнена (Τνῆνα), Сидрага (Σίδραγα), Нина (Νίνα); банъ ихъ владѣетъ Крибасой (Κρίβασα), Лицой (Λίτζα) и Гуцикой (Γουτζηκᾶ)" (c. 30, p. 145).

„Въ крещеной Хорватіи населенные города суть слѣдующіе: Нона (Νόνα), Бѣлградъ (Βελόγραδον), Бѣлицынъ (Βελίτζειν), Скордона (Σκόρδονα), Хлебена (Χλεβένα), Столпъ (Στόλπον), Тенинъ (Τενήν), Кори (Κόρι), Клабока (Κλαβῶκα)" (c. 31, p. 151).

При опредѣленіи границъ Хорватіи отнюдь нельзя смѣшивать ея первоначальный этнографическій объемъ вслѣдъ за окончательнымъ водвореніемъ Хорватовъ въ Иллирикѣ (въ первой половинѣ VII в.) съ ея политическимъ объемомъ позже, во времена могущества Хорватскаго княжества (IX в.). Между тѣмъ долгое время изслѣдователи не обращали должнаго вниманія на это обстоятельство [2]). Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ Константинъ, опредѣляя границы Хорватской земли, имѣлъ, конечно, въ виду ея объемъ въ свое время; но тогда уже могуществу Хорватовъ, достигшему высшей степени къ половинѣ IX в., былъ нанесенъ чувствительный ударъ; они потеряли значительную часть своихъ владѣній на востокѣ, и какъ должно предполагать, вернулись къ первоначальнымъ этнографическимъ границамъ собственно Хорватскаго племени. На этомъ основаніи опредѣленіе границъ Хорватіи у Константина, если оно относится къ его времени, должно приблизительно годиться и для

---

[1]) Πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ καὶ ὑπέρκειται μέχρι τινὸς τῷ θέματι Ἰστρίας.

[2]) Сравн. Rački, Ocjena etc. K. P., стр. 61.

первоначальнаго положенія дѣлъ — вслѣдъ за поселеніемъ Хорватовъ въ Далмаціи.

Важность этого вопроса заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ тѣсно связанъ съ другимъ, непосредственно насъ касающимся, а именно съ вопросомъ о той странѣ, которая была занята Хорватами, нѣсколько позже отдѣлившимися отъ главной массы, и которую Константинъ опредѣляетъ именами *Иллирика* и *Панноніи*. Такимъ образомъ, чтобы выяснить себѣ болѣе или менѣе точно, какую территорію заняло все Хорватское племя, въ томъ числѣ и та часть его, которая отдѣлившись образовала свою собственную область, надо разсмотрѣть, какія земли разумѣлъ нашъ историкъ, говоря, что Хорваты поселились въ Далмаціи (въ обширномъ смыслѣ), а потомъ въ Иллирикѣ и Панноніи.

Неопредѣленность понятій, соединявшихся съ этими названіями, и отсутствіе болѣе точныхъ извѣстій были причиною важныхъ разногласій во мнѣніяхъ ученыхъ, въ особенности относительно границъ Хорватскаго племени собственно въ Далмаціи.

Гдѣ кончалось (на югѣ и на востокѣ) Хорватское племя, гдѣ начиналось Сербское—вотъ тотъ вопросъ (не безъ національно-политическаго значенія), который наиболѣе интересовалъ ученыхъ и сербскихъ, и хорватскихъ, и въ разрѣшеніи котораго иногда руководило ими, къ сожалѣнію, не столько стремленіе приблизиться къ истинѣ, сколько чувство національнаго самолюбія и узкаго патріотизма, естественно дѣлавшее ихъ выводы пристрастными. Особенно много спорили хорватскіе и сербскіе ученые о народности первоначальнаго населенія южнаго далматинскаго прибережья въ тѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ областяхъ [1]), которыя Константинъ категорически объявляетъ сербскими. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся, а теперь посмотримъ, какія были первоначальныя границы Далматинской Хорватіи на сѣверъ и на востокъ, такъ какъ относительно запада мы знаемъ, что тутъ ее ограничивало отчасти Адріатическое море, а отчасти маленькія береговыя общины далматинскихъ городовъ. Не имѣя опредѣленныхъ и точныхъ извѣстій, мы, конечно, должны довольствоваться при этомъ только приблизительными выводами.

---

[1]) Захлумцы, Травуняне и Конавляне, Дукляне, Неречане или Паганы.

Изъ свидѣтельствъ Константина видно, что Хорваты въ его время были распространены *на сѣверъ* „до предѣловъ Истріи, или до города 'Αλβοῦνον" (нынѣ Albona) [1]), и такимъ образомъ, занимали сѣверо-восточную часть этого полуострова, а въ горной части даже заходили за предѣлы Истрійской области [2]). Спрашивается: простирались ли ихъ жилища на столько же съ самаго начала, то-есть, въ VII вѣкѣ? Что тамъ было славянское населеніе [3]) въ то время, это почти несомнѣнно, но чтобы туда проникли, тотчасъ по приходѣ своемъ въ Иллирикъ, Хорваты, намъ кажется невѣроятнымъ, если не предположить особаго переселенія цѣлой хорватской колоніи; но о подобномъ переселеніи въ Истрію мы никакихъ извѣстій не имѣемъ.

Мнѣніе Шафарика [4]), что Хорваты съ самаго начала овладѣли многими далматинскими островами, кажется, не имѣетъ достаточныхъ основаній. Распространеніе Хорватовъ, безъ сомнѣнія, совершалось постепенно, и притомъ путемъ мирной колонизаціи, и только переселеніе цѣлой части Хорватскаго народа на сѣверъ, о которомъ говоритъ Константинъ,—могло встрѣтить нѣкоторое сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія [5]), если оно дѣйствительно имѣло характеръ завоеванія. На основаніи сказаннаго мы полагаемъ, что сѣверной границей Далматинской Хорватіи въ VII вѣкѣ была черта, проведенная отъ города Сеня (на Адріатическомъ морѣ) къ верхнему теченію рѣки Уны (притока Савы), то-есть, приблизительно та черта, которую Шафарикъ считаетъ [6]) границей владѣній великаго жупана Хорватскаго въ X вѣкѣ (при Константинѣ).

Что касается *восточной* границы Хорватскаго племени въ первое время по его поселеніи, то мы и о ней не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, точно также, какъ мы не знаемъ о ней ничего вполнѣ вѣрнаго и во времена Константина. Послѣдній не опре-

---

1) Cap. 30, p. 146.

2) См. объ этой границѣ R a č k i, Documenta, 410—411.

3) То были Словенцы, весьма рано проникшіе въ юго-западную Паннонію и Истрію.

4) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 5.

5) Должно быть со стороны Аваровъ; сравн. *Mikocz̀i*, Ot. Cr., 122.

6) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 34.

дѣляетъ ее, ибо вообще знаетъ внутреннія земли Иллирика хуже приморскихъ, съ которыми Византія была въ болѣе живыхъ сношеніяхъ. По мнѣнію Шафарика, восточною границей хорватскихъ владѣній въ X вѣкѣ была рѣка Вербасъ. Но если ужъ основываться на свидѣтельствахъ Константина, то какъ мы увидимъ, прійдется еще урѣзать эти владѣнія, такъ какъ между рѣками Вербасомъ, Савой и Уной нашъ историкъ не называетъ ни жупъ, ни городовъ [1]).

Что же касается этой границы Хорватіи въ болѣе раннее время, то новѣйшіе критики, въ особенности Дюмлеръ и Рачкій [2]), утверждаютъ, что эту пограничную черту надо отодвинуть гораздо далѣе на востокъ до рѣки Дрины, такъ что *Босна*, по ихъ мнѣнію, также была первоначально частью Хорватіи. Главнѣйшія доказательства, приводимыя ими [3]), заключаются, вопервыхъ, въ томъ, что Константинъ описываетъ военныя силы Хорватовъ еще въ IX вѣкѣ такими значительными, что онѣ непремѣнно предполагаютъ и территорію, гораздо бóльшую, чѣмъ та, о какой онъ самъ намъ сообщаетъ; вовторыхъ, что франкскій лѣтописецъ Эйнгардъ повѣствуетъ о Сербахъ, какъ о народѣ, который не находится ни въ какихъ отношеніяхъ къ его соотечественникамъ, чего не могло бы быть, еслибы Босна принадлежала Сербамъ; а втретьихъ, изъ Константина видно, что Болгаре (въ началѣ IX вѣка) воевали съ Хорватами безъ всякаго участія Сербовъ, слѣдовательно, они были ихъ сосѣдями. Но дѣло въ томъ, что тутъ, какъ видно, рѣчь идетъ только о *политической,* а не объ этнографической границѣ Хорватіи. Мы вовсе не оспариваемъ того, что Хорватія во времена своего могущества (въ IX вѣкѣ) могла простираться и даже, вѣроятно, простиралась довольно далеко на востокъ, но мы не можемъ допустить, чтобы вся эта страна (то-есть, Босна) *первоначально* и *исключительно* была населена Хорватами, какъ утверждаютъ нѣкоторые [4]). Вопросъ можетъ со-

---

[1]) *Dümmler*, 372.

[2]) Впрочемъ на это указалъ уже *Краузе*: *Krause*, Res Slavorum etc., p. 4,5.

[3]) *Dümmler*, 372—373; Rački, Odlomci iz d. p. chr., 18—19. Противъ нихъ *Новаковичъ*, Срп. Обл., 103—105, прим.

[4]) Что при переселеніи части Хорватскаго народа въ Посавскую Паннонію многіе Хорваты разселились и за Вербасомъ, въ Боснѣ, которую Константинъ и могъ разумѣть подъ названіемъ Иллирика, объ этомъ

стоять только въ томъ, совпадала ли первоначальная этнографическая граница Хорватіи съ тою позднѣйшею политическою, которую принималъ Шафарикъ, то-есть, была ли ею приблизительно рѣка Вербасъ, или граница проходила еще западнѣе, и хорватскія поселенія не достигали и р. Вербаса.

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только съ помощью разбора показаній Константина о хорватскихъ *жупахъ*. Въ этомъ случаѣ насъ занимаютъ, конечно, только тѣ изъ нихъ, которыя, будучи самыми крайними на востокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли собою и самыя крайнія поселенія Хорватовъ въ эту сторону. Таковы двѣ жупы: Χλεβίανα и Πλέβα. До сихъ поръ вопросъ о ихъ положеніи и предѣлахъ рѣшался слишкомъ поверхностно, а оттого и выводы не могли имѣть достаточной убѣдительности. Лишь въ новѣйшее время этотъ вопросъ былъ тщательно разобранъ сербскимъ ученымъ Новаковичемъ въ его сочиненіи „Српске Области X и XII вѣка". Обыкновенно подъ округомъ Πλέβα — разумѣлась вся долина рѣки Пливы, впадающей въ Вербасъ при городѣ Яйцѣ. Новаковичъ считаетъ это ошибочнымъ; онъ основательно доказываетъ, что эта жупанія могла простираться только въ области верхней Пливы, а никакъ не нижней, и такимъ образомъ она далеко не достигала до рѣки Вербаса. По его мнѣнію, этотъ Пливинскій округъ былъ единственный, принадлежавшій Хорватіи за главною пограничною чертой Хорватскаго племени, то-есть, горнымъ хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ рѣкъ приморской Далмаціи и Уны (притока Савы), съ одной стороны, Вербаса и Саны—съ другой. Ни жупа Χλεβίανα (Хлевно), ни Πεσέντα (которую ошибочно искали на сѣверѣ отъ Яйца, у какой-то горы Везенты) не заходили за эту пограничную линію. Такимъ образомъ мнѣніе Шафарика, считавшаго рѣку Вербасъ границею Хорватіи, оказывается невѣрнымъ. Уже Дюмлеръ выразилъ сомнѣніе относительно этого взгляда, замѣтивъ, что на всемъ большомъ пространствѣ между рѣками Вер-

---

мы, конечно, не споримъ; см. *Dümmler*, 374.—*Любичъ* (O Posavskoj Hrvatskoj, *Rad* XLIII, 113—117), признавая это заселеніе Босны Хорватами, утверждаетъ, что этотъ край вошелъ въ составъ Посавской Хорватіи, вслѣдствіе чего Константинъ и не зналъ о немъ почти ничего; но доводы Любича недостаточно убѣдительны.

басомъ, Савой и Уной Константинъ не упоминаетъ никакихъ иныхъ городовъ или жупаний [1]). Слѣдовательно, ничто не побуждаетъ насъ расширять первоначальныя хорватскія владѣнія до предѣловъ Саны и Вербаса. Хорватію, по замѣчанію Новаковича, слѣдуетъ считать *приморскою* страною въ томъ же смыслѣ, въ какомъ считаются приморскими и сербскія области Дукля, Требинье, Захолміе и Неретва. Этому ея географическому опредѣленію—какъ приморской страны, конечно, не препятствуетъ то, что въ своихъ крайнихъ восточныхъ, горныхъ предѣлахъ, непосредственно связанныхъ съ приморьемъ, она имѣла одну жупанію (Пливу), можетъ быть, и не всегда впрочемъ ей принадлежавшую. Такое понятіе о Хорватія согласуется какъ съ показаніями Дуклянскаго пресвитера, такъ и съ опредѣленіемъ западной границы сербской Босніи. Всѣ эти доводы Новаковича на столько убѣдительны, что съ ними нельзя не согласиться [2]).

Вопросъ о первоначальныхъ границахъ Хорватскаго племени *на югъ* особенно подробно разобранъ Рачкимъ. Этотъ ученый горячо доказываетъ [3]), что населеніе всѣхъ южныхъ приморскихъ областей Далмаціи, причисляемыхъ Константиномъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, къ Сербскому племени, было сначала исключительно *хорватскимъ*, и что такимъ образомъ границей этого племени была не рѣка Цетинья, какъ свидѣтельствуетъ нашъ историкъ, а рѣка Бояна (Bojana) или окрестности города Антивара (Бара). Излишне было бы приводить здѣсь всѣ доказательства Рачкаго; мы должны признаться, что между ними нѣтъ ни одного достаточно убѣдительнаго. Упомянемъ здѣсь только о двухъ слѣдующихъ: 1) свидѣтельство венеціанской хроники (Іоанна Діакона), которая будто бы страну князя Захлумскаго Михаила, называетъ хорватскою [4]), и 2) распространенность тамъ въ

[1]) *Dümmler*, I. c. S. 372. Впрочемъ онъ имѣлъ при этомъ въ виду Хорватію временъ Константина.

[2]) *Новаковичъ*, Срп. Обл., 89—93 и слѣд.

[3]) Rački, Odlomci etc., 13—18.

[4]) Здѣсь идетъ рѣчь о задержаніи Михаиломъ Петра, сына Венеціанскаго дожа (Ursus II) ...Qui dum Chroatorum fines rediens transire vellet, a Michaele Sclavorum duce fraude deceptus... etc. (Johan. Chron. venet. *Pertz*, Monum. germ. SS. VII, 22—23). Но изъ этого мѣста рѣшительно не видно, чтобы земля Ми-

въ старину хорватскаго языка. Но эти доводы никакъ не могутъ поколебать яснаго свидѣтельства Константина [1]). По нашему мнѣнію, нѣкоторыя поселенія Хорватовъ *первоначально* дѣйствительно могли простираться и на югъ отъ Цетиньи; но съ приходомъ Сербовъ въ Иллирикъ часть этого племени проникла въ южную приморскую Далмацію [2]), такъ какъ хорватскія поселенія были тутъ очень рѣдки, и поселившись въ ней, мало по малу слились съ хорватскимъ элементомъ. Впослѣдствіи сербскій элементъ окончательно возобладалъ здѣсь, вѣроятно, отъ новаго прилива этого племени изъ собственной Сербіи [3]). Впрочемъ мы и не думаемъ настаивать на безусловной вѣрности нашей мысли, а приводимъ ее только въ видѣ предположенія, къ которому привело насъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ нашего писателя и сопоставленіе всѣхъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній. Рѣшительно *утверждать* можно бы только на основаніи спеціальнаго изученія вопроса; но послѣднее находится внѣ нашей задачи [4]).

Итакъ, изъ разбора первоначальныхъ границъ Хорватскаго племени слѣдуетъ, что въ VII вѣкѣ ихъ составляли: на западѣ—Адріатическое море и далматинскіе города, на сѣверѣ—черта, проведенная приблизительно отъ г. Сеня до верхняго теченія Уны, на востокѣ—горная цѣпь между Уной и Вербасомъ, а на югѣ—жилища Хорватовъ шли, можетъ быть, и за р. Цетинью, но постепенно рѣдѣли и врядъ ли простирались далѣе предѣловъ позд-

---

хаила была названа Хорватскою. Выходитъ напротивъ, что Михаилъ схватилъ Петра тогда, когда этотъ собирался только вступить въ хорватскіе предѣлы; поэтому излишне даже предполагать здѣсь ошибку и читать Serborum fines вмѣсто: Chroatorum fines, какъ дѣлаютъ нѣкоторые (*Dümmler*).

[1]) *Любичъ* положительно высказывается противъ мнѣнія Рачкаго; онъ полагаетъ, что Хорватское племя оканчивалось на югѣ границами жупъ Цетинской, Имотской и Хлѣванской. Ljubić, Pregled etc., 8.

[2]) Въ этомъ мы не имѣемъ причинъ не вѣрить Константину.

[3]) Не даромъ же эти области въ историческомъ отношеніи такъ тѣсно связаны съ внутренней Сербіей.

[4]) Мнѣніе *Дринова*, что Неречане, Захлумцы, Тервуняне и т. д. не были ни Сербы, ни Хорваты, а что они обитали уже въ Далмаціи задолго до прихода туда этихъ племенъ, которыя дали имъ только свои племенныя названія, ничѣмъ достовѣрнымъ не оправдывается. Засел. Балк. полуостр., стр. 116.

нѣйшей Тервунской области. Константинъ пишетъ: „Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилась и заняла Иллирикъ и Паннонію“ [1]). Какія именно страны должно понимать здѣсь? Ученые дѣлали самыя различныя предположенія о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать эту вторую хорватскую область. Особенно затрудняетъ въ въ этомъ случаѣ имя *Иллирика.* Люцій разумѣлъ подъ нимъ просто часть Далмаціи, другіе, какъ напримѣръ, Микоци, предполагаютъ—Норикъ [2]). Къ послѣднему мнѣнію примкнулъ и Шафарикъ [3]), предполагая, что хорватская жупа, являющаяся впослѣдствіи въ нынѣшней Штиріи—и была хорватская колонія, поселившаяся „въ Иллирикѣ“. Дюмлеръ понимаетъ подъ Иллирикомъ страну, простиравшуюся на сѣверъ и на востокъ до Савы и Дрины, (слѣдовательно, главнымъ образомъ Босну) [4]); это мнѣніе дѣйствительно кажется довольно вѣроятнымъ, если понимать дѣло такъ, что Хорваты, распространяясь на сѣверъ, въ Посавскую Хорватію, не могли совершенно обойти землю между рѣками Врбасомъ и Дриной [5]). Напротивъ того, предположеніе Рачкаго [6]), что Константинъ разумѣлъ подъ Иллирикомъ землю въ Македонскомъ округѣ, на востокъ отъ провинціи Диррахія (Драча), очень мало правдоподобно, такъ какъ о жилищахъ Хорватовъ въ этой мѣстности мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій. Относительно того, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ *Панноніей*, ученые болѣе или менѣе сходятся. Эта хорватская область находилась между Савой и Дравой въ такъ-называемой *Посавской Панноніи* (Pan-

---

¹) C. 30, p. 144.

²) *Lucius*, l. I, стр. XII; *Mikoczi* Ot. Cr., 120—121.

³) *Шафарикъ*, Сл. Др., II, кн. 2, стр. 4.

⁴) *Dümmler*, 374.

⁵) *Новаковичъ*, Срп. Обл. 103 — 105, прим., хотя прямо не возражаетъ противъ такого пониманія Иллирика, не придаетъ однако важнаго значенія этому показанію Константина и рѣшительно стоитъ за то, что этотъ край (то-есть, главнымъ образомъ Босна) никогда не былъ заселенъ Хорватами. *Любичъ*, какъ мы видѣли, впадаетъ въ другую крайность: считаетъ, что Босна была исключительно занята Хорватами и вошла въ составъ Посавской Хорватіи (O Posav. Hrvat., *Rad*, XLIII, 114 и дал.).

⁶) Rački, Ocjena etc. K. P., 63.

nonia Savia) [1]). О существованіи такого самостоятельнаго хорватскаго княжества въ южной Паннонiи мы знаемъ и изъ франкскихъ источниковъ. Значительная (западная) часть этого междурѣчья была ужь издавна населена Словенцами, вслѣдствіе чего и страна получила позднѣе названіе Славоніи. Поэтому надо думать, что Хорваты заняли преимущественно восточную часть [2]) Савіи, то-есть, пространство между р. Дравой, Савой и Дунаемъ. Западную ихъ границу мы точно опредѣлить не можемъ. Сремъ (τὸ Σέρμιον) или византійскій Frankochorion, безъ сомнѣнія, также входилъ въ эту хорватскую область [3]). Когда Франки покорили ее, имъ достался и Сремъ; впослѣдствіи здѣсь господствовали то Сербы, то Болгаре, а послѣ паденія Болгарской державы (1019 г.) этою землею овладѣла Византія [4]). Къ Паннонско-хорватскому княжеству, какъ не безъ основанія замѣтилъ Шафарикъ [5]),—принадлежали, можетъ быть, и сѣверные края Далмаціи по правую сторону р. Савы (то-есть, средняго ея теченія). Но отъ такого предположенія еще очень далеко до утвержденія Любича, который безъ достаточнаго основанія причисляетъ къ Посавской Хорватіи и Босну: по его мнѣнію, Посавская Хорватія заключала въ себѣ въ „Паннонiи" восточную часть нынѣшней Хорватіи, Славонію и Сремъ между рѣками Дравой, Дунаемъ и Савой, а въ „Иллирикѣ"—всю Босну до болгарской и сербской границъ на Station Дринѣ [6]).

Разсмотрѣвъ границы Хорватскаго племени въ VII в., перейдемъ къ современной Константину Хорватіи (X в.). По его свидѣтельству,

---

[1]) Это между прочимъ оказывается и изъ другого упоминанія Константиномъ Паннонiи въ соч. „О Провинціяхъ", какъ указалъ Rački, Ocjena etc., 62; срвн. *Zeuss*, Die Deutschen, 612.

[2]) Срвн. Ljubić, 8.

[3]) Такимъ образомъ восточною границей Посавской Хорватіи былъ Дунай, а сѣверною—Дунай и Драва. Впослѣдствіи, въ началѣ X в., эти рѣки отдѣляли Хорватовъ отъ Мадьяръ, распространившихся на югъ послѣ покоренія ими великой Моравской державы Святополка; Rački, Odlomci etc., 28—30.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 39–40; *Dümmler*, 374; Rački, Odlomci etc., 29; срвн. *Zeuss*, 612. Впрочемъ *Любичъ* (*Rad*, XLIII, 127—136) не признаетъ, чтобы Посавская Хорватія когда-либо до конца XI в. принадлежала Болгарамъ.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 38.

[6]) Ljubić, o Pos. Hrv., *Rad*, XLIII, 114—117.

крайними пунктами ея были: на сѣверѣ—городъ или крѣпость Albunon (Alvona, Albona, Labin) [1]) на восточномъ берегу полуострова Истріи, или рѣка Arsia (Raše), а на югѣ—р. Цетинья. На сѣверѣ, въ горной сторонѣ граница даже заходила за предѣлы Истрійской области. Но это показаніе о сѣверной границѣ Хорватіи не соотвѣтствуетъ тому объему, который можно себѣ представить по перечисленнымъ Константиномъ жупамъ, такъ какъ на сѣверѣ онъ не называетъ никакихъ мѣстностей [2]). На этомъ основаніи, какъ уже было упомянуто, Шафарикъ считаетъ границей Хорватіи во времена Константина черту, соединяющую г. Сень (Zengg) съ устьемъ р. Уны. Мы не можемъ сказать, на сколько точно это опредѣленіе, но во всякомъ случаѣ врядъ ли сѣверные предѣлы Хорватіи шли въ X в. далѣе р. Кульпы (нынѣ Купы) [3]). Что касается восточной границы того времени, мы уже высказали мнѣніе, что она, по всей вѣроятности, приблизительно совпадала съ первоначальною этнографическою границей Хорватскаго племени. Мы видѣли, что, по Шафарику [4]), этою границею были р. Вербасъ и затѣмъ погорье, идущее отъ ея истоковъ по самое Имотское озеро; однако серьезныя возраженія, которыя дѣлаетъ на это Новаковичъ, побуждаютъ принять взглядъ послѣдняго, что Хорватія X в. не простиралась до р. Вербаса, и что крайнимъ ея предѣломъ на востокѣ была Пливинская жупа — по верхнему теченію р. Пливы. При такомъ взглядѣ становится понятнымъ, почему Константинъ не называетъ ни жупъ, ни городовъ въ пространствѣ между рр. Вербасомъ, Савой и Уной [5]). Наконецъ, относительно южной границы, которую при Константинѣ составляла р. Цетинья, надо замѣтить, что въ юго-восточныхъ своихъ предѣлахъ хорватскія владѣнія простирались нѣсколько и за рѣкой

---

[1]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 8—9, прим.

[2]) *Lucius*, l. I. c. XIII.

[3]) Изъ Эйнгарда видно, что владѣнія Хорватовъ на сѣверѣ не могли простираться за Кульпу, *Dümmler*, 372, прим. 3.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 34.

[5]) Противъ этого *Любичъ*, Pregled etc., 7. Онъ, какъ мы видѣли, объясняетъ это молчаніе принадлежностью Босны къ Посавской Хорватіи (O Posav. Hrvat. p. 117).

Цетиньей: тутъ находились жупы Chleviana (нынѣ Ливно) и Imota (Имота) [1]).

Перейдемъ теперь къ обзору перечисляемыхъ Константиномъ жупъ (ζουπανία) и городовъ хорватскихъ въ томъ порядкѣ, какъ ихъ называетъ самъ авторъ. Жупъ было всего 14. Изъ нихъ 11 имѣли, каждая, своего жупана, а 3 сѣверныя (Κρίβασα, Λίτζα и Γοντζηκᾶ) находились подъ управленіемъ „бана". Положеніе этихъ жупъ можно опредѣлить, конечно, только приблизительно. Хотя со времени Шафарика [2]) и были добыты наукой нѣкоторые новые результаты, какъ напримѣръ, вышеприведенныя поправки Новаковича, все же въ общемъ его выводы остаются и до сихъ поръ въ силѣ. Кое-какія указанія относительно положенія этихъ жупъ сообщаетъ Рачкій въ своихъ: Odlomci iz drzavnoga práva hrvatskoga [3]).

1. Жупа Χλεβίανα (Chelwiana, хорв. ž. Hlievanska) на востокъ отъ рѣки Цетиньи (текущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ), въ нынѣшней Босніи и частью Герцеговинѣ, заключала въ себѣ, безъ сомнѣнія, окрестности нынѣшняго города Ливно (Livno, Lievno, прежде Hlievno) [4]). Эта жупа подъ именемъ Cleonia, Cleunensis встрѣчается и въ хорватскихъ грамотахъ (892, 1078 гг.).

2. Жупа Τζέντζηνα (Centina, хорв. ž. Cetinska) по рѣкѣ Цетиньѣ (Tilurus) [5]). Она встрѣчается уже въ позднѣйшихъ грамотахъ (1066 и 1067 гг.).

3. Жупа Ἥμοτα (Imota, ž. Imotska) находилась на юго-востокъ отъ р. Цетиньи, у самой сербской границы, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Имотска (Imotski, то-есть, grad), лежащаго на границѣ Герцеговины, около озера того же имени (Imotski). По словамъ Шафарика, въ средніе вѣка довольно часто говорится объ Имотской крѣпости.

---

[1]) На этомъ основаніи *Рачкій* утверждаетъ, что Хорватія въ X в. занимала большую часть нынѣшней сѣверной Герцеговины; см. Rački, Odlomci etc., 27.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 30—33.

[3]) Odlomci, 26—28 и 114—116, а также въ Documenta Historiae Chroatiae etc., стр. 413.

[4]) *Люцій* (l. I, c. XIII) и *Бандури* (Animadv., ed. Bonn. 349).

[5]) Эта рѣка беретъ начало въ Динарскихъ Альпахъ, 3 мили сѣвернѣе горы Verlicca, и течетъ сначала на юго-востокъ, а потомъ круто поворачиваетъ на западъ (*Petter*, Dalm., I, 39).

*

4. Жапа Πλέβα (Pleba, Plewa, ž. Plievanska или Plivanska) въ нынѣшней Боснѣ, на сѣвѣръ отъ Хлѣванской жупы, по р. Пливѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Вербасъ (при горѣ Яйцѣ) [1]. По справедливому мнѣнію Новаковича, здѣсь слѣдуетъ разумѣть не всю долину р. Пливы, а только верхнюю ея часть, которая составляла крайній предѣлъ Хорватіи на востокѣ [2].

5. Жупа Πεσέντα (Pesenta, хорв. ž. Vezentska), по мнѣнію однихъ, также въ нынѣшней Боснѣ еще сѣвернѣе Пливанской жупы, около горы Везенты (Шафарикъ), а по другимъ (Лучичъ, Фарлати, Рачкій, Новаковичъ)—гораздо западнѣе, рядомъ съ Книнскою жупой (Τνήνα) [3]; послѣднее мнѣніе болѣе вѣроятно.

6. Жупа Παραθαλασσία (Maritima, ž. Primorska, Приморье)—приморскій край на сѣверъ отъ Цетиньи до р. Керки (Titius); его не надо смѣшивать съ краемъ, носившимъ то же имя (Primorje) и лежавшимъ между Цетиньей и Неретвой (тамъ, гдѣ—по Константину—земля Неречанъ).

7. Жупа Βρέβερα (Brebera, ž. Bribirska) [4] на сѣверъ отъ Приморской, къ западу отъ р. Керки, заключала въ себѣ окрестности г. Брибира на ручьѣ Брибирштицѣ [5]. Есть еще г. Bribir (Berbir) на Савѣ, нѣсколько на западъ отъ устья Вербаса, близь г. Градишки. Но, по всей вѣроятности, здѣсь разумѣется не этотъ Брибиръ.

8. Жупа Νόνα (Nona, ž. Ninska)—окрестности г. Нина, лежащаго нѣсколько сѣвернѣе Задра, у залива [6], и бывшаго одно время резиденціей Хорватскихъ кралей.

9. Жупа Τνήνα (Tnina, Tinninium (Lucius), ž. Kninska) по р. Керкѣ, около г. Книна, лежащаго на правомъ берегу этой рѣки.

10. Жупа Σίδραγα (Sidraga, ž. Sidražka) на западъ отъ Бри-

---

[1]) Itinerarium Antonini полагаетъ здѣсь гор. Pelva. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 30.

[2]) *Новаковичъ*, Срп. Обл., 89—90.

[3]) По *Люцію* (l. I, c. XIII): Πεσέντα postea in dioecesi Tinninien. Онъ имѣлъ въ виду сел. Pset (Пьсата) въ Книнской епархіи. Срвн. R a č k i, Odlomci, 27—28; *Новаковичъ*, Спр. Обл., 90.

[4]) Въ позднѣйшихъ грамотахъ Breberistiti, Breberstiti.

[5]) Отъ сл. бреберъ, бобръ (*Шафарикъ*).

[6]) На этомъ мѣстѣ стоялъ древній городъ Aenona или Anona (Plinius). разрушенный, какъ полагаютъ, Аварами; см. *Petter*, Dalm., II, S. 19.

бирской жупы и отъ г. Скрадина [1]), въ окрестностяхъ города Бѣлграда (Beograd).

11. Жупа Νίνα (Nina, ž. Nijska). Шафарикъ сближаетъ ее съ городомъ Νενία, упоминаемымъ Страбономъ. Если такъ, то эта жупа находилась по обѣимъ сторонамъ р. Зермани, Zrmanje (древній Tedanius); здѣсь, по Шафарику, городъ Бѣлина въ окольѣ, называемомъ Буковицей. Однако Рачкій, полагая, что Νινία Страбона тожественна съ Aenona Плинія и Αἴνωνα Птоломея, дѣлаетъ конъектуру, что Νίνα Константина стоитъ вмѣсто Σμίνα, то-есть, župania Smina, о которой, какъ о мѣстности въ Сплѣтскомъ діоцезѣ, упоминаетъ грамота Свиниміра 1083 года [2]).

Затѣмъ слѣдуютъ три сѣверныя жупы подъ управленіемъ бана (Βοάνος):

12. Жупа Κρίβασα (Kribasa, или Kriwasa, Ž. Krbavska, Крьбавa), кажется—на западъ отъ г. Бигача (на Унѣ), тамъ, гдѣ теперь рѣка Крбава; это—позднѣйшее графство Karbava (Corbavia); въ грамотѣ 1078 г. есть имя Corbaustuci (Корбавштица) [3]).

13. Жупа Λίτζα (Litza, ž. Lika), тамъ, гдѣ теперь рѣка того же имени и пограничный Личанскій полкъ на востокъ отъ Крбавской жупы.

14. Жупа Γουτζηκᾶ (иначе Γουτζησκᾶ, Gutzika, Ž. Gadska, Гатьско) самая сѣверная, въ горной странѣ, нынѣшнее Гацко поле съ рѣкой Гацкой и Гаштицей въ окрестностяхъ г. Оточца [4]). Нѣкоторые разумѣли подъ Гуцикой селеніе Gotse, Gočevje въ нынѣшней Крайнѣ [5]), но это не вѣрно.

Кромѣ названныхъ нашимъ историкомъ жупъ, въ хорватскихъ памятникахъ XI в. есть упоминанія еще о нѣкоторыхъ другихъ [6]).

Хорватскіе города, перечисляемые Константиномъ, суть слѣдующіе:

---

[1]) *Lucius*: Σίδραγα postea in dioecesi Scardonen.

[2]) См. Rački, Documenta, 413.

[3]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 32.

[4]) Rački, Docum., 321.

[5]) Krčelić въ Odlomci *Рачкаго*, стр. 28, прим. 1; также *Zeuss*, 612, прим.; см. еще *Rad*, XXV, 31—52.

[6]) Rački, Odlomci, 114—115.

Νόνα, Nona, сл. Nin, Нинъ (древняя Aenona у Плинія) въ жупѣ того же имени.

Βελόγραδον, Belgradum, Bielograd, Бѣлградъ, нынѣ Biograd [1]), приморскій городъ въ жупѣ Сидрагѣ, на юго-востокъ отъ Задра; иноземцы называютъ его неправильно Zaravecchia (Starizadar). Это была столица Хорватскихъ князей и королей, „kraljevski grad" [2]). Теперь это небольшое мѣстечко [3]).

Βελίτζειν, Belitzin, Bjeličin, Бѣличинъ. Гдѣ лежалъ этотъ городъ— достовѣрно неизвѣстно. По Люцію, это г. Belina въ окрестностяхъ Буковицы въ прежней Нинской жупѣ. Шафарикъ высказалъ предположеніе, что подъ этимъ именемъ, можетъ быть, разумѣется Белай или Билай (древн. Baloie), древній городъ въ нынѣшней турецкой Хорватіи. Рачкій сопоставляетъ его съ названіями горъ Biočić, Bjelčić, Biljane, Velić [4]).

Σκόρδονα, Skordona (рим. Scardona), Σκάρδων Страбона, сл. Skradin, Скрадинъ въ Брибирской жупѣ, на правомъ берегу р. Керки [5]).

Χλεβένα, Chlewena, Chlebna, Hlievno, Lievno, Livno, Ливно въ жупѣ того же имени.

Στόλπον, Stolpon [6]), Stplin, у Птоломея civitas Stlupi, у Плинія жители его „Stulpini". О положеніи этого города мнѣнія ученыхъ расходятся. Нѣкоторые разумѣютъ подъ нимъ нынѣшній Слуинъ, но Шафарикъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и указываетъ на какую-то гору Ступъ, положенія которой онъ впрочемъ не умѣетъ опредѣлить [7]). Рачкій сближаетъ съ Stilbiza, Stilpiza, Stlpica (въ актахъ) [8]).

Τενήν (Τνήνα), Tenin, Tinninium, сл. Knin, Книнъ въ Книнской жупѣ.

---

[1]) *Lucius* (l. I, c. XIII): Belgradum vel Alba maris ad differentiam tam Albae Ungaricae, quae Regalis, quam Serviae, quae Graeca dicebatur.

[2]) Rački, Odlomci etc., 108—9.

[3]) *Petter*, Dalm., II, 20—21.

[4]) Documenta, loc. cit.

[5]) *Petter*, II, 37; *Forbiger*, Handbuch der alten Geographie, III, 841 (въ Documenta *Рачкаго*).

[6]) *Lucius*, l. I, c. XIII: forsan Stulba prope Bistrizam, flumen Hliuni.

[7]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 33.

[8]) Documenta, тамъ же.

Κόρι, Kori, Corinium, Κόρινιον (у Плинія и Птоломея), нынѣ Karin, Каринъ, по всей вѣроятности—въ Нинской жупѣ (Nona), на соименномъ озерѣ.

Κλαβώκα, Klawoka (въ актахъ: ecclesia S. Petri de Clobuco, см. Documenta Рачкаго); думаютъ, что это нынѣшній Glamoč въ Хлѣванской жупѣ, въ нынѣшней Боснѣ [1]).

Безъ сомнѣнія, кромѣ этихъ городовъ были въ древней Хорватіи и многіе другіе; Константинъ привелъ только главнѣйшіе, а можетъ быть, онъ и не зналъ другихъ [2]). Столицей Хорватіи, какъ мы видѣли, былъ долгое время Бѣлградъ у моря. Также и Нинъ (Νόνα) былъ впослѣдствіи нѣкоторое время резиденціей Хорватскихъ королей (король Petar Krešimir).

II.

Обратимся теперь къ извѣстіямъ Константина, относящимся прямо къ исторической жизни Хорватскаго племени на Балканскомъ полуостровѣ.

Нельзя не сознаться, что эти свидѣтельства въ сущности весьма скудны и ничтожны для трехвѣковаго періода, который они обнимаютъ. Но тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе первостепеннаго и драгоцѣннѣйшаго источника древней исторіи Сербо-Хорватовъ, безъ котораго это племя знало бы очень мало о судьбахъ своихъ древнѣйшихъ предковъ. Таково значеніе этихъ свидѣтельствъ; однако критика должна идти своимъ путемъ, и ея обязанности остаются неизмѣнны, какъ ни былъ бы для насъ дорогъ разбираемый ею матеріалъ. Существованіе нѣкоторыхъ другихъ, хотя и очень скудныхъ источниковъ, преимущественно франкскихъ и венеціанскихъ [3]) лѣто-

---

1) *Lucius* (ibid.): forsan Klapaz (!) prope fontes Unae.

2) Изъ болѣе важныхъ мы не находимъ у Константина—Бигача (Bihač) и Шибеника (Šibenik); см. Rački, Odlomci etc., 116. Перечень древнихъ мѣстъ у *Шафарика*, II, кн. 2, 34—37,

3) Главные источники—франкскій лѣтописецъ *Эйнгардъ* (Einhardi annal., *Pertz*, I.) и венеціанскій *Іоаннъ Діаконъ* (Iohannis chron. venet., *Pertz*, VII). Ихъ свидѣтельства о далматинскихъСлавянахъ, вмѣстѣ съ извѣстіями Константина и др., тщательно собраны и снабжены примѣчаніями въ прекрасномъ

писей, нѣкоторыхъ другихъ документовъ и кое-какихъ отечественныхъ памятниковъ, даетъ намъ возможность иногда повѣрять и дополнять свидѣтельства Константина. Это касается особенно такъ называемаго Паннono-Хорватскаго княжества, о которомъ Константинъ зналъ весьма немного [2]); его извѣстія почти исключительно относятся къ Далматинской (Приморской) Хорватіи.

Ради удобства, мы раздѣлимъ свидѣтельства Константина о Хорватахъ на два отдѣла: 1) до царствованія императора Василія Македонянина (867 г.); 2) съ этого императора до конца, то-есть, до половины X в., когда Константинъ писалъ свое сочиненіе.

1. Хорватія до царствованія императора Василія (867 г.).

Слѣдуя принятой нами системѣ, приведемъ сначала самыя свидѣтельства Константина, соединивъ ихъ въ одну группу, такъ какъ они изложены у него безпорядочно и разбросаны по разнымъ главамъ. Разказавъ объ изгнаніи Аваровъ Хорватами изъ Далмаціи, Константинъ продолжаетъ:

„Хорваты имѣли въ то время княземъ отца Порги. Императоръ Ираклій, отправивъ посольство, которое привело бы изъ Рима священниковъ, и назначивъ изъ числа послѣднихъ архіепископа, епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, крестилъ Хорватовъ. Въ то время княземъ у Хорватовъ былъ Порга..... Эти крещеные Хорваты не любятъ воевать съ другими (народами) внѣ собственной земли, такъ какъ они получили какой-то оракулъ и постановленіе отъ Римскаго папы, пославшаго въ царствованіе Ираклія священниковъ и окрестившаго ихъ; эти Хорваты послѣ своего крещенія заключили и собственноручно подписали обязательство [2]) и дали нерушимую клятву св. апостолу Петру — не вторгаться въ чужія земли, а жить мирно со всѣми желающими; а Римскій папа обѣщалъ имъ, что если другіе народы пой-

изданіи Загребской академіи подъ редакціей *Рачкаго*: Documenta Historiae Chroaticae periodum antiquam illustrantia, Zagrabiae. 1877 г. Критическая статья *Рачкаго* къ этому изданію помѣщена въ *Rad*, кн. LI, 1880, p. 140.

[1]) Историческія извѣстія объ этомъ княжествѣ изъ всѣхъ источниковъ собраны *Любичемъ:* O Posavskoj Hrvatskoj etc. *Rad*, XLIII, 1878, p. 107—148.

[2]) συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο.

дутъ войною на ихъ землю, то за нихъ будетъ воевать и заступится самъ Богъ, даруя имъ побѣду черезъ Петра, ученика Христова" (с. 31, р. 148—149).

„Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилаеь и заняла Иллирикъ и Паннонію; они имѣли самостоятельнаго князя, посылавшаго къ князю Хорватіи посольство ради дружбы. Черезъ нѣсколько лѣтъ и жившіе въ Далмаціи Хорваты подчинились Франкамъ, какъ и прежде, когда были въ ихъ землѣ. Франки такъ жестоко поступали съ ними, что убивали грудныхъ младенцевъ и бросали ихъ псамъ. Не будучи въ состояніи переносить это, Хорваты отпали отъ нихъ, убивъ поставленныхъ ими властителей. Вслѣдствіе того изъ Франціи двинулось противъ нихъ большое войско, и послѣ семи лѣтъ войны Хорваты наконецъ съ трудомъ одолѣли, истребили всѣхъ Франковъ и убили ихъ вождя Коцилина (Κοτζίλιν). Сдѣлавшись съ тѣхъ поръ самовластны и независимы, онѣ потребовали св. крещенія отъ Римскаго папы, и вотъ были посланы епископы, которые окрестили ихъ въ правленіе Порина (ἐπὶ Πορίνου) (с. 30, р. 144—145).

„Со времени царствованія Римскаго императора Ираклія какъ будетъ сказано въ повѣствованіи о Хорватахъ и Сербахъ, вся Далмація и окружающіе ее народы, какъ Хорваты, Сербы и т. д... (*были подвластны Римскому*, то-есть, Византійскому, *императору*) [1]), но когда Римская имперія, вслѣдствіе бездѣйствія и нерадѣнія въ то время царствовавшихъ, едва не зачахла, въ особенности же при Михаилѣ Косноязычномъ (Бальбѣ, τοῦ τραυλοῦ), сынѣ Аморія, жители далматинскихъ городовъ достигли самоуправленія, не будучи подчинены ни Римскому императору, ни другому кому-либо; а также и сосѣдніе народы, Хорваты, Сербы, Захлумцы, Тервуняне и проч., отпавъ отъ Римской имперіи, сдѣлались самовластны и независимы. Князей (ἄρχοντες), какъ говорятъ, эти народы не имѣютъ, кромѣ жупановъ - старшинъ (ζουπάνους γέροντας), подобно

---

[1]) Такое именно сказуемое, по нашему убѣжденію, должно предположить на мѣстѣ пропущеннаго въ греческомъ текстѣ, а не выраженіе „dicioni Romanae se subtraxerunt", какъ дополнилъ латинскій переводчикъ. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ ниже.

тому, какъ это въ обычаѣ и у остальныхъ Славянъ“ [1]) (c. 29, p. 128).

„Въ правленіе князя Терпиміра, отца князя Красиміра, пришелъ изъ Франціи, лежащей между Хорватіей и Венеціей, какой-то мужъ, по имени Мартинъ, въ высшей степени благочестивый, но въ свѣтской одеждѣ, про котораго сами Хорваты говорили, что онъ совершалъ много чудесъ. Этотъ благочестивый мужъ былъ слабъ и хромъ, такъ что четверо людей переносили его, куда онъ хотѣлъ. Онъ совѣтовалъ Хорватамъ до конца дней сохранять договоръ со святѣйшимъ папой, заклиная ихъ и самъ также, какъ папа. И оттого ни сагины (σαγῆναι), ни кондуры (κοντοῦραι) этихъ Хорватовъ никогда не снаряжаются на войну, развѣ когда кто-нибудь нападетъ на ихъ край. Но на такихъ судахъ ѣздятъ тѣ изъ Хорватовъ, которые посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по Паганіи и Далматинскому заливу до самой Венеціи. Князь Хорватіи съ самаго начала, то-есть, съ царствованія императора Ираклія, былъ подчиненъ Римскому императору [2]; но Болгарскому князю—никогда. И никогда Болгаре не ходили на войну противъ Хорватовъ, исключая Болгарскаго князя Михаила-Бороса (Μιχαὴλ ὁ Βορώσης), который, предпринявъ походъ противъ нихъ, но не успѣвъ ни въ чемъ, заключилъ съ ними миръ, при чемъ обѣ стороны одарили другъ друга. И никогда Хорваты не платили дани Болгарамъ, но часто взаимно обмѣнивались подарками ради дружескаго расположенія.... Крещеная Хорватія выставляетъ 60,000 конницы и 100,000 пѣхоты, до 80 сагинъ, и до 100 кондуръ; сагины заключаютъ въ себѣ по 40 человѣкъ, кондуры же—большія по 20, а меньшія по 10.

„Всю эту силу и массу войска имѣла Хорватія до князя Красиміра. По смерти его, когда процарствовалъ 4 года сынъ его Мирославъ и былъ убитъ баномъ Прибуніей (Πριβουνία), и когда въ странѣ возникли несогласія и раздоры, то умень-

[1]) Ἄρχοντας δὲ, ὥς φασι, ταῦτα τὰ ἔθνη μὴ ἔχει, πλὴν ζουπάνους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίνιαι ἔχουσι τύπον.

[2]) Ὁ ἄρχων Χρωβατίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων.

шилось и количество конницы и пѣхоты, равно какъ и сагинъ и кондуръ. Теперь же Хорваты имѣютъ 30 сагинъ, большія и малыя кондуры, конницу и пѣхоту"... (с. 31, р. 149—151).

Вотъ все, что мы знаемъ изъ Константина о первыхъ двухъ вѣкахъ исторической жизни Хорватовъ въ предѣлахъ Византійской имперіи. Хотя эти свидѣтельства касаются очень немногихъ фактовъ этой жизни, однако тѣ событія, о которыхъ они упоминаютъ, такъ существенны и важны, что даютъ намъ полную возможность уяснить себѣ главнѣйшіе моменты исторіи Хорватовъ за это время, особенно если мы дополнимъ, а гдѣ нужно—тамъ и исправимъ раскрываемую нашимъ историкомъ картину еще нѣкоторыми извѣстіями, находящимися въ другихъ источникахъ и часто не лишенными значенія и интереса.

Самыя крупныя, выдающіяся событія изъ исторіи Хорватовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Константинъ, суть слѣдующія: 1) принятіе христіанской вѣры Хорватами (договоръ съ папой); 2) поселеніе части ихъ въ Посавской Паннонiи; 3) подчиненіе Хорватовъ власти Франковъ и освобожденіе изъ-подъ нея; 4) достиженіе ими независимости относительно Византіи; 5) какой-то внутренній и политическій переворотъ, имѣвшій слѣдствіемъ уменьшеніе ихъ территоріи, и съ этимъ вмѣстѣ, и ихъ военныхъ силъ. Къ этимъ главнымъ историческимъ фактамъ присоединяются вопросы о ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и о ихъ внутреннемъ политическомъ устройствѣ. Около этихъ центральныхъ пунктовъ группируются всѣ остальныя, болѣе второстепенныя показанія Константина.

Нѣкоторая запутанность въ изложеніи Константина и отсутствіе хронологическихъ указаній, какъ и въ другихъ его свидѣтельствахъ, особенно касающихся древнѣйшаго времени, были причиной того, что изслѣдователи должны были пройдти черезъ рядъ ошибокъ и заблужденій, прежде чѣмъ установился болѣе вѣрный взглядъ на дѣло, и были добыты сравнительно точные и достовѣрные выводы. Вопросы о времени крещенія Хорватовъ, о времени и продолжительности ихъ подчиненія Франкамъ представляли всего болѣе затрудненій и были предметомъ значительныхъ разногласій во мнѣніяхъ прежнихъ критиковъ.

Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ [1]) Константинъ говоритъ дважды о крещеніи Хорватовъ. Онъ разказываетъ, вопервыхъ, о томъ, какъ Ираклій, выписавъ духовенство изъ Рима, крестилъ Хорватовъ въ правленіе князя Порги, и вовторыхъ, что Хорваты, освободившись изъ-подъ власти Франковъ, обратились къ Римскому папѣ съ просьбою прислать имъ священниковъ для крещенія, которое и было совершено въ правленіе князя Порина [2]). Въ этомъ второмъ извѣстіи время крещенія Хорватовъ опредѣляется другимъ событіемъ, время котораго также достаточно не выясняется изъ словъ Константина; слѣдовательно, естественно, что ученые, дѣлая ошибку въ одномъ изъ этихъ вопросовъ, неизбѣжно ошибались и въ другомъ. При этомъ упоминаніе князя, въ правленіе котораго совершилось это событіе, нисколько не служитъ къ разъясненію дѣла, ибо ни изъ Константина, ни изъ другихъ источниковъ мы точно не знаемъ времени этого княженія. Люцій [3]) и нѣкоторые другіе изъ прежнихъ критиковъ Константина, совершенно невѣрно относя подчиненіе Хорватовъ Франкамъ къ первому времени по ихъ поселеніи въ новыхъ жилищахъ, то-есть, еще къ VII в. [4]), смѣшивали и крещеніе ихъ по сверженіи франкскаго ига съ крещеніемъ, относимымъ Константиномъ къ царствованію Ираклія: Люцій разумѣлъ подъ этимъ послѣднимъ не того Ираклія, при которомъ Сербо-Хорваты заняли Иллирикъ, а Юстиніана II Ринотмета, называвшагося будто бы также Иракліемъ (Младшимъ) [5]). Къ его-то

---

[1]) Что Хорваты по своемъ переселеніи тотчасъ подчинились верховной власти Византіи,—это уже само собою слѣдуетъ изъ признанія *договора* съ Византіей, по которому Хорваты (и Сербы) заняли свои новыя земли. Впрочемъ, нашъ добросовѣстный писатель нѣсколько разъ повторяетъ о существованіи этой зависимости „съ самаго начала, со времени императора Ираклія“ (ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως). Мы еще вернемся къ этому нѣсколько ниже.

[2]) Въ третій разъ Константинъ говоритъ, какъ мы увидимъ, о крещеніи оставшихся еще въ язычествѣ Хорватовъ и Сербовъ—при Василіи Македонянинѣ.

[3]) *Lucius*, l. I, c. XI.

[4]) Они считали это подчиненіе продолженіемъ ихъ зависимости отъ Франковъ еще въ Бѣлохорватіи. Такъ думалъ между прочимъ и *Энгель* (Dalm., 453).

[5]) О подобной же ошибкѣ см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 6, прим. 10.

царствованію (685—711 гг.) онъ относилъ, какъ освобожденіе Хорватовъ отъ франкскаго владычества, такъ и ихъ крещеніе. Князя Порина онъ считалъ отцомъ князя Порги [1]). Понятно, что эти предположенія Люція, ни на чемъ достовѣрномъ не основанныя, не могли удержаться въ наукѣ и были вскорѣ отвергнуты. Уже Микоци призналъ [2]), что Хорваты не были подвластны ни Франкамъ, ни вообще кому-либо до самаго Карла Великаго. Итакъ, оба извѣстія Константина о крещеніи Хорватовъ никакъ не должны быть смѣшиваемы, такъ какъ очевидно, что онъ говоритъ въ нихъ о двухъ разныхъ фактахъ, бывшихъ въ совершенно разное время. Первое крещеніе Константинъ прямо приписываетъ Ираклію, который, „отправивъ посольство, чтобы привести изъ Рима священниковъ, и назначивъ изъ числа ихъ архіепископа, епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, крестилъ Хорватовъ“. Нѣтъ, кажется, никакихъ причинъ сомнѣваться въ достовѣрности самаго событія, передаваемаго Константиномъ. Естественно, что Ираклій, допустивъ поселеніе языческаго народа на территоріи имперіи, позаботился прежде всего о его обращеніи въ христіанскую вѣру, какъ о лучшемъ средствѣ упрочить надъ нимъ свою власть и вліяніе. Такова уже была политика Византіи со всѣми варварами, селившимися въ предѣлахъ имперіи.

Другой вопросъ—на сколько привилось на этотъ разъ у Хорватовъ христіанство; безъ всякаго сомнѣнія, оно первоначально не могло быть особенно прочно, и вѣроятно, коснулось даже не всего населенія; это видно изъ того, что впослѣдствіи были не разъ возобновляемы мѣры для его распространенія. Итакъ, отрицать попытку Ираклія ввести христіанство у Славянъ тотчасъ по ихъ переселеніи, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Дюмлеръ [3]), по нашему мнѣнію, неосновательно.

Какъ же—спрашивается—произошло это первое крещеніе? По свидѣтельству Константина, для этой цѣли было вызвано духовенство

---

[1]) По мнѣнію *Люція,* Константинъ имѣлъ въ виду Порина, когда говоритъ въ гл. 31-й (p. 148): Εἶχον οἱ Χρωβάτοι τῷ τοῖς καιρῷ ἄρχοντα τὸν πατέρα τοῦ Ποργά; ср. *Banduri*, ed. Bonn., 350.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., p. 227.

[3]) *Dümmler*, 376.

изъ Рима. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ Иллирикъ и Далмація хотя уже давно принадлежали восточной половинѣ имперіи, однако въ церковномъ отношеніи имѣли по прежнему своею метрополіей Римъ. Притомъ же въ то время (VII в.) не было еще церковнаго разрыва между Римомъ и Византіей, и востокъ былъ въ религіозномъ общеніи съ западомъ. При рѣшеніи вопроса о призваніи учителей изъ Рима, необходимо принять во вниманіе свидѣтельство архидіакона Сплѣтскаго Ѳомы, который разказываетъ, что около того времени былъ посланъ папой легатъ Іоаннъ Равенскій, для возстановленія въ Далмаціи пострадавшей отъ варварскихъ нашествій христіанской церкви. Архіепископскій престолъ былъ перенесенъ изъ разрушенной Салоны въ Сплѣтъ (Аспалатъ), и Іоаннъ Равенскій былъ сдѣланъ первымъ архіепископомъ Сплѣтскимъ. Дюмлеръ [1]) полагаетъ, что это-то событіе и послужило основаніемъ разказу Константина о прибытіи римскихъ священниковъ въ Далмацію; намъ однако кажется, что извѣстіе Ѳомы, будучи само по себѣ вполнѣ вѣрно, вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не исключаетъ факта, о которомъ свидѣтельствуетъ нашъ историкъ. Очень возможно, что однимъ изъ поводовъ путешествія Іоанна Равенскаго въ Далмацію и было обращеніе императора Ираклія къ папѣ (Іоанну IV, 640—642 гг.) съ просьбой способствовать распространенію христіанства среди Славянъ. Папа исполнилъ желаніе императора: послалъ сначала проповѣдниковъ, а затѣмъ назначилъ архіепископа въ Сплѣтъ, подчинивъ ему и новопоставленное духовенство въ Хорватіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ Равенскій способствовалъ утвержденію христіанства у Хорватовъ [2]), но первыя сѣмена вѣры, по всей вѣроятности, были посѣяны у нихъ еще до смерти Ираклія, то-есть, между 638—641 годами.

Константинъ разказываетъ, что Хорваты по своемъ крещеніи заключили какой-то договоръ съ папой, по которому они обязывались жить въ мирѣ съ сосѣдями и не предпринимать никакой войны, за что̀ Богъ, въ случаѣ надобности, защититъ ихъ отъ враговъ черезъ св. Петра, ученика Христова [3]). Этотъ разказъ, хотя

---

[1]) *Dümmler*, 380.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 8.

[3]) Хорваты и впослѣдствіи смотрѣли на св. Петра, какъ на своего патрона и защитника; см. *Dümmler*, 381; Rački, Odlomci etc., 40.

его и называютъ многіе баснословнымъ и наивнымъ [1]), все-таки имѣетъ, можетъ быть, какое-нибудь историческое основаніе и въ такомъ случаѣ характеризуетъ тогдашнія обстоятельства и отношенія.

Трудно сказать, какая именно могла быть побудительная причина подобнаго обязательства передъ папскимъ престоломъ: внушеніе ли византійской политики, какъ думаетъ Шафарикъ [2]), или желаніе самого папы обезопасить Италію отъ Хорватовъ, какъ думаютъ другіе; быть можетъ, тутъ крылась и та, и другая причина. Въ этомъ разказѣ Константина есть обстоятельство, которое обращаетъ на себя особенное вниманіе; это—то, что Хорваты скрѣпили свое условіе съ папой собственными подписями [3]). На это свидѣтельство Константина опираются нѣкоторые для доказательства древности славянскихъ письменъ; слѣдуетъ однако признать, что на немъ нельзя основывать никакихъ выводовъ, ибо совершенно невѣроятно, чтобы Хорваты въ условіи съ Римскимъ папой употребили свои *славянскія* письмена (еслибы таковыя и были), а латинскихъ они не знали. Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе, что Хорваты возлѣ своихъ именъ, подписанныхъ чужою рукою, ставили просто какіе-нибудь значки, напримѣръ, кресты [4]).

Княземъ Хорватовъ при первомъ ихъ крещеніи, по свидѣтельству Константина, былъ Порга. Мы уже видѣли, что нѣкоторые ученые несправедливо считали его сыномъ упомянутаго Константиномъ въ другомъ мѣстѣ Порина [5]). Но, отвергая это мнѣніе, мы

---

[1]) *Рачкій* полагаетъ, что такая *наивная* мысль могла явиться у Константина вслѣдствіе того, что онъ у своихъ предшественниковъ не нашелъ извѣстій о войнахъ, въ которыхъ были бы замѣшаны Хорваты; см. *Rad.*, кн. LI, 1880, p. 142. Однако нашъ взглядъ на добросовѣстность Константина не позволяетъ намъ допустить, чтобъ онъ сталъ прибѣгать къ такимъ выдумкамъ для объясненія факта, который къ тому же долженъ былъ быть для него вполнѣ понятенъ при его взглядѣ на Хорватовъ VII вѣка, какъ на народъ подвластный Византіи.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, стр. 7.

[3]) C. 31, p. 149: συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο.

[4]) Мнѣніе, слышанное нами отъ покойнаго И. И. Срезневскаго (на его лекціяхъ).

[5]) Такъ думали *Люцій* и *Бандури*; *Энгель* (Dalm., 453) хотя и сомнѣвался въ такомъ родствѣ этихъ князей, все-таки ставилъ Порина ранѣе Порги.

однако не можемъ сказать ничего положительнаго о личности этого Порги [1]). Его многіе считаютъ сыномъ Клукаса, бывшаго Хорватскимъ княземъ во время утвержденія Хорватовъ въ Далмаціи [2]). Но это одна догадка, ничѣмъ не подтверждаемая.

Вскорѣ по приходѣ Хорватовъ въ Иллирикъ, часть ихъ, по словамъ Константина, отдѣлилась и заняла Посавскую Паннонію (Savia, между рѣками Дравой и Савой). О границахъ этой Хорватіи уже было нами говорено выше. Что касается времени, когда совершилось это событіе, то объ этомъ были высказаны различныя мнѣнія прежними критиками, но они особеннаго вниманія не заслуживаютъ [3]). Шафарикъ думаетъ [4]), что это отдѣленіе совершилось около 638—640 годовъ, то-есть, весьма скоро послѣ побѣды Хорватовъ надъ Аварами. Очень вѣроятно, что поселеніе Хорватовъ въ Панноніи случилось еще до перваго крещенія Хорватовъ, такъ какъ оно не могло обойдтись безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны туземцевъ (Аваровъ?), а послѣ вышеупомянутаго договора съ папой (если таковой дѣйствительно былъ) врядъ ли Хорваты стали бы завоеваніемъ расширять свою территорію. Впрочемъ утверждать этого нельзя. Отдѣлившіеся Хорваты образовали самостоятельное княжество и имѣли своего независимаго князя, который, по свидѣтельству Константина, посылалъ къ князю Далматинской Хорватіи посольство ради дружбы. Объ этомъ Паннонскомъ княжествѣ Константинъ ничего болѣе не сообщаетъ. Все, что̀ мы знаемъ о его судьбахъ, исходитъ изъ западныхъ источниковъ.

Важнѣйшее событіе послѣ крещенія Хорватовъ, упоминаемое Константиномъ, было подчиненіе ихъ власти Франковъ. Мы уже замѣтили, что эта перемѣна не могла произойдти до Карла Великаго (то-есть, до конца VIII в.), какъ предполагали иные [5]). Такимъ

---

[1]) Что касается имени этого князя, то *Рачкій* предполагаетъ Ποργά, можетъ быть, вмѣсто Βοργά, или Βορχά, слав. Борька, Борика (аналог. Πορίνος вмѣсто Βορίνος—Borna); Documenta, 291.

[2]) *Mikoczi*, 357; *Шафарикъ*, II, к. 2, 6. *Любичъ* между Клукасомъ и сыномъ его Поргой ставитъ еще княземъ младшаго брата Клукаса—Хорвата (Ljubić, 9), но кажется, безъ всякаго основанія.

[3]) Разборъ ихъ см. у *Mikoczi*, 122—128.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 4.

[5]) *Люцій* (I. I, с XI и с XV) полагалъ, что Франки два раза покоряли Хорватовъ: первый разъ при королѣ Дагобертѣ (въ первой половинѣ VII в.), а второй разъ при Карлѣ Великомъ (въ концѣ VIII в.). Въ дѣйствительности было только покореніе Карломъ.

образомъ въ продолженіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ исторія Хорватовъ для насъ совершенно темна. Ни одно извѣстіе Константина не касается этого періода. Шафарикъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что Хорваты въ царствованіе слабыхъ Византійскихъ императоровъ отъ Константина II (преемника Ираклія) до Михаила II Косноязычнаго мало по малу сбросили съ себя власть Грековъ и сдѣлались вполнѣ свободными [1]). Но такое предположеніе не выдерживаетъ критики уже потому, что самое мнѣніе о полной независимости Хорватовъ въ теченіе этого продолжительнаго періода времени несправедливо. Мнѣніе это основано на неправильномъ пониманіи одного мѣста въ текстѣ Константина. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ въ одномъ мѣстѣ есть пропускъ: недостаетъ сказуемаго у слѣдующаго предложенія: „Со времени царствованія Римскаго императора Ираклія, какъ будетъ сказано въ повѣствованіи о Хорватахъ и Сербахъ, вся Далмація и окружающіе ее народы, какъ Хорваты, Сербы и т. д...“ [2]), а затѣмъ начинается (словами τῆς δὲ τῶν Ρωμαίων...) другое предложеніе. Латинскіе переводчики дополнили это мѣсто словами: „dicioni Romanae se subtraxerunt“, то-есть, „освободились изъ-подъ римской власти“. Этого чтенія держались и всѣ критики. Но такая конъектура кажется намъ совершенно произвольною и неосновательною. Здѣсь, очевидно, должно быть сдѣлано дополненіе, по смыслу совершенно противоположное вышеприведенному, а именно слѣдуетъ читать: съ царствованія Ираклія вся Далмація и окружающіе ее народы „*были подвластны Римскому императору*“ [3]). Такое чтеніе, съ одной стороны, какъ нельзя болѣе согласуется съ общимъ ходомъ

---

1) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 8.

2) Cap. 29, p. 128: Ὅτι ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, καθ'ὃν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφῇ, πᾶσα ἡ Δελματία καὶ τὰ περὶ αὐτὴν ἔθνη, οἷον Χρωβάτοι Σέρβλοι Ζαχλοῦμοι Τερβουνιῶται Καναλεῖται Διοκλητιανοὶ καὶ Ἀρεντανοὶ καὶ οἱ Παγανοὶ προσαγορευόμενοι... (пропускъ), τῆς δὲ τῶν Ῥωμαίων βασιλείας διὰ τὴν τῶν τότε κρατούντων νωθρότητα καὶ ἀφέλειαν εἰς τὸ μηδὲν παράπαν μικροῦ δεῖν ἐναπονευσάσης καὶ μάλιστα δὲ ἐπὶ Μιχαὴλ τοῦ ἐξ Ἀμορίου τοῦ τραυλοῦ, οἱ τὰ τῆς Δελματίας κάστρα οἰκοῦντες γεγόνασιν αὐτοκέφαλοι... etc.

3) То-есть: δουλικῶς εἰσὶν ὑποτεταγμένοι τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων.

мысли и подходитъ къ слѣдующему затѣмъ предложенію [1]), а съ другой—дѣлается совершенно понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на вставочныя слова Константина: „какъ будетъ сказано въ повѣствованіи ѳ Хорватахъ и Сербахъ". Дѣйствительно, если мы обратимся къ главамъ 31-й и 32-й, посвященнымъ исключительно исторіи Хорватовъ и Сербовъ, то найдемъ въ нихъ слѣдующія соотвѣтствующія нашему мѣсту выраженія: въ гл. 31-й (р. 150): „Князь Хорватіи съ самаго начала, то-есть, съ царствованія императора Ираклія, былъ подвластенъ Римскому императору, но никогда не подчинялся Болгарскому князю" [2]), а въ гл. 32-й (р. 159) то же, слово въ слово, говорится и про Сербскаго князя [3]). Слѣдовательно, очевидно, эти-то мѣста своего сочиненія имѣлъ въ виду нашъ авторъ въ словахъ: καθ'ὃν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφῇ; ибо въ этихъ глазахъ нѣтъ и рѣчи объ отпаденіи Хорватовъ и Сербовъ отъ византійской власти. Итакъ, не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія, — Константинъ говоритъ здѣсь о Хорватахъ и другихъ племенахъ, что съ царствованія Ираклія они были въ постоянной зависимости отъ Византіи и только впослѣдствіи, въ правленіе Михаила II Косноязычнаго и другихъ слабыхъ императоровъ, славянскія племена Далмаціи достигли значительной свободы. Такое пониманіе этого мѣста вполнѣ согласно съ основнымъ положеніемъ въ извѣстіяхъ Константина—о поселеніи Сербо-Хорватовъ въ Иллирикѣ *по договору* съ византійскимъ правительствомъ, главнымъ условіемъ котораго должно было быть, конечно, политическое подчиненіе новыхъ пришельцевъ Византіи. Такимъ образомъ, всѣ заключенія ученыхъ, выводимыя изъ первоначальнаго ложнаго возстановленія греческаго текста, теряютъ всякое значеніе и должны быть совершенно отвергнуты [4]). Надо замѣтить, что въ пользу нашего мнѣ-

[1]) Въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить безъ всякой надобности повтореніе рядомъ одной и той же мысли.

[2]) Ὅτι ὁ ἄρχων Χρωβατίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων, καὶ οὐδέποτε τῷ ἄρχοντι Βουλγαρίας καθυπετάγη...

[3]) Ὅτι ὁ ἄρχων Σερβλίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ Ῥωμαίων βασιλεῖ καὶ οὐδέποτε... etc.

[4]) Сравн. *Dümmler*, 379, прим. 2.

нія говоритъ и одно показаніе архидіакона Сплѣтскаго Θомы. Если въ его разказахъ о нападеніяхъ Готовъ и Славянъ на граждань далматинскихъ городовъ (особенно Салоны) можно видѣть преданіе о поселеніи въ Далмаціи Хорватовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ римскимъ городамъ, то для насъ имѣетъ большое значеніе слѣдующее его извѣстіе: населеніе Салоны, выведенное изъ терпѣнія своимъ ненадежнымъ положеніемъ, обратилось наконецъ съ просьбою къ Греческому императору о возвращеніи ему правъ на прежнюю землю. Императоръ вслѣдствіе того предписалъ князьямъ Готовъ и Славянъ (то-есть, Хорватовъ) не безпокоить болѣе салонскихъ гражданъ въ Спѣлтѣ, что̀ и было исполнено [1]). Ясно изъ этого, что Хорваты признавали тогда верховную власть Византіи.

Итакъ, причиной молчанія источниковъ о событіяхъ въ Хорватіи до конца VIII вѣка не могла быть независимость Хорватовъ отъ Византіи, какъ полагалъ Шафарикъ,—были какія-либо другія обстоятельства, которыя впрочемъ остаются для насъ неизвѣстными [2]). Разказъ Константина о подчиненіи Хорватовъ Франкамъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, относится ко времени Карла Великаго, а именно къ концу VIII вѣка. Константинъ ничего намъ не говоритъ о томъ, какъ совершилась эта перемѣна въ политическомъ положеніи Хорватовъ; онъ разказываетъ намъ только нѣкоторыя подробности о возмущеніи Хорватовъ противъ франкскихъ властей вслѣдствіе ихъ невѣроятной жестокости и объ освобожденіи ихъ силой оружія. Кромѣ Константина, никто болѣе не сообщаетъ этихъ подробностей, и чтобы судить о нихъ, намъ необходимо разсмотрѣть вопросъ о властвованіи Франковъ надъ Хорватами на основаніи другихъ ис-

---

[1]) Thomas archid., cap. X (въ концѣ): Jussio etiam ad Duces Gothorum et Sclavorum missa est, districte praecipiens, ut nullam Salonitanis civibus in Spalato degentibus molestiam irrogarent. *Accepta ergo jussione Principum non fuerunt ausi ulterius contra Spalatenses arma movere.* Tunc inter eos pace composita, coeperunt Spalatenses cum Sclavis paullatim conversari, communionum negotia exercere... etc.

[2]) *Любичъ* выражаетъ мысль, что это время было употреблено Хорватами для внутренняго устройства ихъ княжества, для развитія промышленности и торговли и т. д. Они жили въ мирѣ съ сосѣдями и все болѣе укрѣпляли и развивали свои государственныя силы; только напоръ извнѣ и гнетъ иноземцевъ заставилъ ихъ поднять оружіе. Ljubić, Pregled... etc., 10.

точниковъ [1]). Мы не будемъ систематически описывать всѣ событія, совершившіяся здѣсь со времени распространенія власти Карла Великаго на земли Панноніи и Далмаціи (791—799 гг.); исторія отношеній Франковъ къ Византіи и къ подвластнымъ ей до тѣхъ поръ народамъ сѣверо-западныхъ окраинъ имперіи подробно разобрана учеными [2]), и тотъ, кто хочетъ ближе познакомиться съ нею, можетъ обратиться къ ихъ изслѣдованіямъ. Мы же укажемъ только на нѣкоторые важные для насъ факты изъ исторіи этого франкскаго господства и коснемся тѣхъ только вопросовъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ свидѣтельствамъ Константина.

Точно опредѣлить время подчиненія Хорватовъ, какъ Паннонскихъ, такъ и Далматинскихъ, власти Франковъ, рѣшительно не возможно. Въ 774 г., какъ извѣстно, Карлъ Великій разрушилъ Лангобардское королевство, и съ этой минуты начинается рядъ его успѣховъ на границахъ Византійской имперіи, въ земляхъ Аваровъ и Южныхъ Славянъ. Признаніе его власти Паннонскими и Далматинскими Хорватами должно было совершиться между 774 и 799 гг., когда погибъ маркграфъ Фріульскій Эрикъ въ войнѣ съ Хорватами [3]); но когда именно было это подчиненіе—сказать трудно; полагаютъ, что въ 791 г., во время похода сына Карла, Пипина, противъ Аваровъ. Власть Франковъ простиралась тогда на востокѣ, кажется, до средняго Дуная; въ Сремѣ (Sirmium) была въ то же время поставлена франкская пограничная стража, отчего этотъ уголъ Панноніи и получилъ у Византійцевъ названіе Francochorion [4]). Хорваты были подчинены маркграфамъ Фріуля (Фурляніи) и Истріи; они сохранили своихъ князей, и обязанности ихъ состояли, вѣроятно, въ признаніи верховной власти Франковъ и въ уплатѣ годичной дани [5]). Между тѣмъ могущество Франковъ не переставало рости, и вотъ въ началѣ IX вѣка далматинскіе го-

---

[1]) Объ отношеніяхъ Франковъ къ южнымъ Славянамъ всего болѣе сообщаетъ франкскій лѣтописецъ Эйнгардъ. (Einhardi annal., *Pertz*, I).

[2]) *Lucius*, De r. D. et. Cr. LI, c XV; *Mikoczi*, Ot. Cr., 224—283; *Шафарикъ*, Слав. Др., II, кн. 2, 8—15; *Dümmler*, 382—395; Rački, Odlomci etc., 20—24.

[3]) Такъ опредѣляетъ время этого событія уже *Микоци*, Ot. Cr., 228—230.

[4]) Тамъ нынѣ есть мѣстечко Franca-villa, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 10, прим. 18.

[5]) Срв. Rački, Odlomci, 22; *Dümmler*, 385.

рода добровольно отдаются подъ покровительство Карла Великаго (805—806 гг.); но этотъ ударъ былъ уже слишкомъ чувствителенъ для Византіи; она давно съ негодованіемъ и страхомъ смотрѣла на расширявшуюся власть Франковъ, не будучи въ силахъ ей противодѣйствовать [1]). Теперь императоръ Никифоръ послалъ флотъ подъ начальствомъ патриція Никиты для возстановленія византійской власти въ Далмаціи; послѣ продолжительныхъ переговоровъ и столкновеній между враждебными сторонами смерть короля Пипина въ 810 г. положила конецъ неопредѣленнымъ отношеніямъ; былъ заключенъ сначала договоръ, а затѣмъ (въ 812 г.) формальный миръ съ Византіей, по которому Карлъ уступалъ Венецію и далматинскіе города Грекамъ, но разумѣется, оставлялъ за собою Хорватію [2]). Послѣ смерти Карла, при его слабомъ преемникѣ Людовикѣ Благочестивомъ, дѣла нѣсколько измѣнились. Намѣстники императора дѣйствовали совершенно произвольно и притѣсняли новыхъ славянскихъ подданныхъ Франкской державы. Особенною жестокостью отличался маркграфъ Фріульскій Кадолахъ. Угнетаемые долго терпѣли, но наконецъ рѣшились принять мѣры, и Людевитъ, великій жупанъ Посавскихъ Хорватовъ, въ 818 г. жаловался Людовику на Кадолаха; но жалоба эта осталась безъ послѣдствій, и Людевитъ рѣшился открыто возстать, чтобы силой освободить свой народъ отъ нестерпимаго гнета иноземцевъ: тутъ начинается знаменитая геройская борьба этого князя съ ненавистными Франками, которая, по замѣчанію Рачкаго [3]), могла окончиться полнымъ торжествомъ славянства и основаніемъ единой юго-славянской державы отъ верховьевъ Дравы и Сочи до Бояны, еслибы присоединились къ возстанію и Далматинскіе Хорваты. Но, къ сожалѣнію, вѣчная рознь и взаимная вражда, этотъ коренной недостатокъ Славянъ, проявился и при этомъ случаѣ.... Князь Далматинской Хорватіи Борна открыто сталъ на сторону враговъ Посавскаго князя. Упорная борьба продолжалась до 822 г. Людевитъ съ сво-

---

[1]) Въ 803 г. былъ заключенъ Карломъ миръ съ Византіей, по которому Хорватія оставалась за Карломъ.

[2]) Rački, Documenta, 311—315; *Dümmler*, 386—387. Срвн. *Дриновъ*, Южн. Славяне и Византія въ X в. (*Чтенія въ Общ. Ист. и Др.*, 1875, кн. 3, 36).

[3]) Rački, Odlomci etc., 24.

ими сравнительно малыми средствами не могъ устоять и принужденъ былъ бѣжать къ Сербамъ, а оттуда въ Далмацію, гдѣ въ 823 г. былъ предательски убитъ Лютомысломъ, дядей ранѣе умершаго Борны. Такимъ образомъ съ помощью Далматинскихъ Хорватовъ было подавлено возстаніе Паннонскихъ, и Франки, кажется, вновь утвердились въ ихъ землѣ; впрочемъ восточною частью края, лежащаго между Дравой и Савой, то-есть, именно большею частью Посавской Хорватіи овладѣли на время Болгары (около 827 г.). Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что мы знаемъ о господствѣ Франковъ надъ Хорватами — по извѣстіямъ франкскихъ лѣтописцевъ. Возвратимся къ свидѣтельствамъ Константина.

Онъ разказываетъ, что Хорваты (Далматинскіе), вынужденные возстать вслѣдствіе ужасной жестокости Франковъ [1]), умертвили правителей, поставленныхъ послѣдними. Затѣмъ, когда выступило противъ нихъ большое войско, они вели упорную войну въ теченіе семи лѣтъ, наконецъ одержали побѣду и даже лишили жизни франкскаго предводителя Коцилина. Сдѣлавшись независимыми, Хорваты тотчасъ же просили пастырей изъ Рима для крещенія, и прибывшіе епископы крестили ихъ въ правленіе князя Порина.

Если принимать вмѣстѣ съ новѣйшими учеными, что подъ Поринымъ Константина надо разумѣть Борну [2]) (а это во всякомъ случаѣ довольно правдоподобно), то становится очевиднымъ противорѣчіе разказа Константина съ тѣмъ, что мы знаемъ о князѣ Борнѣ, бывшемъ на сторонѣ Франковъ и умершемъ еще въ 821 году. Шафарикъ [3]) не отожествлялъ этихъ князей и помѣщалъ княженіе Порина въ 825—830 гг., но и это опредѣленіе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Мы не беремся рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе, но должны признаться, что вообще разказъ Константина, не только не под-

---

[1]) „Франки", говоритъ Константинъ,—„до того жестоко поступали съ ними, что убивали даже грудныхъ младенцевъ и бросали ихъ псамъ". Cap. 30, p. 144.

[2]) Настоящая форма этого имени, по мнѣнію Гильфердинга, была Боренъ; она нѣсколько искажена Константиномъ въ формѣ Поринъ (Πορίνος). *Гильфердингъ*, Письма, I, 42, прим.—Πορίνος вмѣсто Βορίνος, то-есть, Борьна, Borena, Borin, Borna. *Новаковичъ*, Српски споменици, стр. 45; *Miklosich*, Die Bildung der Slav. Personalnamen, Nr. 37; Documenta, Rački, 291.

[3]) *Шафарикъ* II, кн. 2, 14.

твърждаемый никакими другими извѣстіями, но даже противорѣчащій нѣкоторымъ изъ нихъ, возбуждаетъ сомнѣнія, особенно относительно подробностей войны Хорватовъ съ Франками. За достовѣрное въ этомъ разказѣ должны быть принимаемы только причины возстанія, то-есть, непомѣрная жестокость Франковъ, и затѣмъ вторичное крещеніе Хорватовъ призваннымъ изъ Рима священствомъ. Первый изъ этихъ фактовъ [1]) станетъ для насъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, какъ Нѣмцы вообще обращались со своими славянскими подданными, не только здѣсь, но и на сѣверѣ [2]), и что возстаніе Людевита было вызвано единственно жестокостью франкскихъ намѣстниковъ; естественно, что послѣ подавленія этого возстанія, ненависть и чувство мести побуждали Франковъ къ еще болѣе жестокому обращенію со Славянами не только въ Посавской Хорватіи, но и въ сосѣднихъ областяхъ. Эти-то притѣсненія, вѣроятно, вскорѣ по смерти Людевита вызвали возстаніе и у Далматинскихъ Хорватовъ, по свидѣтельству Константина—окончившееся для нихъ успѣшно; но когда именно оно началось, когда кончилось, какими обстоятельствами сопровождалось,—это покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ.

Многіе изслѣдователи утверждаютъ [3]), что въ это время не было никакого освобожденія Хорватовъ отъ франкской власти, а что оно произошло только спустя полстолѣтія; по ихъ мнѣнію, Константинъ смѣшалъ здѣсь Далматинскихъ Хорватовъ съ Паннонскими. Нельзя не признать, что это утвержденіе имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятности въ виду того, что—какъ мы увидимъ ниже—еще въ 852 и 871 гг. есть признаки верховной власти Франковъ надъ Далматинскими Хорватами; но вопросъ этотъ на столько теменъ и запутанъ, что никакого рѣшительнаго заключенія, кажется намъ, произнести нельзя [4]).

---

[1]) Можно допустить, что у Константина онъ изображенъ, можетъ быть, въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ.

[2]) Франки вообще были извѣстны своими жестокостями и въ другихъ странахъ. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 14, прим. 27.

[3]) *Dümmler*, 391; то же утверждаетъ *Краузе*, Res Slavorum etc., 51 и Ljubić, O Posav. Hrv., *Rad*, XLIII, 120—21.

[4]) Г. *Дриновъ* (Южн. Слав. и Византія, стр. 38) и здѣсь, какъ вездѣ, высказывается слишкомъ рѣшительно и рѣзко противъ свидѣтельства Константина.

По поводу имени Коцилина было сдѣлано нѣсколько догадокъ [1]), но всѣ онѣ остаются пока только догадками; всего правдоподобнѣе сближеніе Коцилина (Κοτζίλιν, можетъ быть, вмѣсто Κοδίλιν) съ Кадолахомъ (Cadolach, Cadolaus) [2]).

Въ борьбѣ Хорватовъ съ Франками должно быть отмѣчено еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія изслѣдователей. Мы разумѣемъ ту роль, которую играла Византія въ этомъ славянскомъ возстаніи. Многое убѣждаетъ насъ въ томъ, что Греки, будучи непримиримыми врагами Франкской монархіи, не только сочувствовали предпріятію Хорватовъ, но даже, побуждаемые своими собственными интересами, разными путями участвовали въ немъ и помогали Хорватамъ одолѣть общаго врага. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого факта служитъ эпизодъ изъ исторіи возстанія Людевита [3]). Разказываютъ, что патріархъ Града, Фортунатъ (Fortunatus), помогалъ Людевиту при построеніи крѣпостей. Обвиненный въ этомъ беззаконномъ поступкѣ передъ Франкскимъ императоромъ, онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Какъ будто исполняя приказъ явиться къ императору, онъ отправился въ Истрію, а оттуда бѣжалъ въ городъ Задръ, гдѣ прямо обратился къ греческому префекту. Послѣдній немедленно препроводилъ его въ Константинополь, гдѣ онъ и оставался до окончанія войны [4]). Очевидно, слѣдовательно, Византія держала сторону Хорватовъ. Все, что разказываетъ Константинъ о событіяхъ этого времени, нисколько не противорѣчитъ этому положенію.

Второй достовѣрный фактъ, сообщаемый Константиномъ, есть обращеніе Хорватовъ въ Римъ по достиженіи независимости, съ просьбою прислать вторично священниковъ, которые крестили бы ихъ. Этотъ поступокъ Хорватовъ не заключаетъ въ себѣ ничего неестественнаго [5]). Сознавая пользу христіанства и выгоду союза

---

[1]) *Шафарикъ* (II, кн. 2, 14) сближаетъ Коцилина съ какимъ-то Госилиномъ, обезглавленнымъ въ 834 г. по повелѣнію императора, *Микоци* (Ot. Cr.) 274)—съ Salacho Comes, и т. д.

[2]) *Dümmler*, 391, пр. 4; Rački, Docum., p. 329.

[3]) Намъ сообщаетъ о немъ Эйнгардъ въ своихъ Анналахъ подъ 821 г.

[4]) Срвн. *Dümmler*, 390.

[5]) *Дюмлеръ*, 392, подобно *Дринову*, смотрящій вообще, по нашему мнѣнію, уже слишкомъ недовѣрчиво на свидѣтельства нашего историка, также не отрицаетъ этого вторичнаго крещенія.

съ папой [1]), они хотѣли скорѣе возстановить и то, и другое, такъ какъ смутное время борьбы съ Франками заставило забыть и о христіанствѣ, еще не успѣвшемъ пустить корни въ массѣ народа, и о заключенномъ когда-то договорѣ съ папой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращеніемъ къ Римской церкви нисколько не нарушались еще продолжавшіяся дружественныя отношенія между Хорватами и Византіей. Первая попытка распространенія христіанства у Иллирскихъ Славянъ была произведена тѣмъ же римскимъ духовенствомъ по распоряженію самого Византійскаго императора. Церковнаго разрыва между восточною и западною церквами тогда еще не было, и Хорваты могли, по прежнему примѣру, не боясь возбудить неудовольствіе Византіи, обратиться къ Римскому папѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что въ то время Византія уже начинала терять свое вліяніе и авторитетъ у Иллирскихъ Славянъ и Далматинцевъ.

Какъ мы видѣли, Константинъ—если вѣрно понимать его свидѣтельство—относитъ достиженіе Хорватами независимости и свободы по отношенію къ Византійской имперіи особенно ко времени царствованія слабаго императора Михаила II Косноязычнаго (820—829 гг.), а также ближайшихъ его преемниковъ; однако справедливѣе, кажется, относить окончательное отпаденіе Далматинскихъ племенъ отъ Византіи не къ Михаилу II, а къ Михаилу III (842—867 гг.) [2]). Критики, отвергающіе освобожденіе Хорватовъ изъ-подъ власти Франковъ, какъ его передаетъ Константинъ, само собою находятся въ необходимости отвергать [3]) и это свидѣтельство нашего писателя о постепенномъ освобожденіи Хорватовъ отъ византійской верховной власти, ибо не могли же эти послѣдніе въ одно и то же время находиться въ подчиненіи у Франковъ и пріобрѣтать независимость по отношеніи къ Византіи! Этотъ вопросъ, какъ мы замѣтили выше, такъ запутанъ и неясенъ, что прійдти къ какому-либо рѣшительному выводу въ высшей степени трудно. На основаніи свидѣтельствъ Константина можно себѣ представить дѣло такимъ образомъ: до Карла Великаго Хорваты вполнѣ признавали верховную

---

[1]) *Шафарикъ* II, и 2, 14—15.

[2]) Продолжатель Θеофана также относитъ его къ царствованію Михаила II., но „Жизнеописаніе Василія" въ этомъ случаѣ даетъ болѣе вѣрное показаніе. См. *Hirsch*, Byzantin. Studien, Leipzig, 1876, S. 198—199.

[3]) *Dümmler*, 390; *Дриновъ*, Южные Славяне и Византія въ X в., стр. 36.

власть Византіи; въ концѣ VIII вѣка они подпали подъ власть Франковъ, и такое зависимое положеніе продолжалось до ихъ возмущенія, бывшаго приблизительно около 825 г.; тутъ они освободились изъ-подъ иноземнаго гнета. Мы видѣли, что Византія сочувствовала ихъ возстанію, и можетъ быть, даже помогала имъ, что̀ совершенно естественно, ибо Франки, подчинивъ Хорватовъ, захватили цѣлую греческую область, издавна принадлежавшую Римской (то-есть, Восточной) имперіи. Свергнувъ (при нѣкоторомъ содѣйствіи Византіи) иго Франковъ, Хорваты, очевидно, возвращались въ прежнее свое положеніе, зависимое отъ Византіи. Но именно въ то время Византія менѣе чѣмъ когда-либо могла поддержать прежній авторитетъ у своихъ славянскихъ подданныхъ. Императоры того времени до самаго Василія Македонянина отличались, по выраженію самого Константина, „бездѣйствіемъ и нерадѣніемъ" [1]). Понятно, что такое безсиліе имперіи было причиною того, что̀ Хорваты и другіе Славяне, а также и далматинскіе города, стали мало по малу добиваться самостоятельности. Таково могло быть положеніе Хорватовъ въ половинѣ IX вѣка, если вѣрить Константину [2]). Однако, съ другой стороны, какъ мы выше упомянули, есть данныя, которыя дѣйствительно не могутъ не обратить на себя вниманія, и которыя казались многимъ столь убѣдительными, что заставляли ихъ безусловно отвергать извѣстіе нашего автора. Дѣло въ томъ, что до 871 г. [3]) есть признаки властвованія Франковъ въ Хорватіи: вопервыхъ, указываютъ на грамоту князя Терпиміра (852 г.), которая начинается словами: „Regnante in Italia piissimo Lothareo Francorum rege" [4]); вовторыхъ, въ письмѣ Людовика II къ императору Василію Македонянину (871 г.) по поводу опустошеній произведенныхъ византійскимъ полководцемъ въ земляхъ примор-

---

[1]) διὰ τὴν τῶν τότε κρατούντων νωθρότητα καὶ ἀφέλειαν.

[2]) Такъ приблизительно понималъ эти отношенія и *Шафарикъ* II, кн. 2, 14 — 17.

[3]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 279.

[4]) *Farlati*, Illiricum Sacrum, III, 51. Г. *Дриновъ* считаетъ это мѣсто „блистательнымъ опроверженіемъ" разказа Константина. (Южн. Слав. и Византія, 38). Нѣкоторые однако находятъ возможнымъ объяснять его только покровительствомъ, которое оказывалъ король Франкскій Далматинскимъ Хорватамъ, *Mikoczi*, ibid., 281.

скихъ Сербовъ (Неречанъ), Людовикъ говоритъ объ этихъ опустошеніяхъ, употребляя выраженіе „Sclavenia nostra“ [1]). Наконецъ, втретьихъ, указываютъ, что славянская помощь изъ Далмаціи для отнятія города Бара у Сарацинъ явилась по приказу Людовика II, а не императора Василія (какъ будто бы ошибочно думалъ Константинъ) [2]). Вотъ главнѣйшіе факты, противорѣчащіе свидѣтельствамъ Константина. Впрочемъ послѣдній изъ нихъ, какъ мы покажемъ ниже, не можетъ считаться достовѣрнымъ; остаются другіе два. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что они безусловно опровергаютъ свидѣтельство Константина о сверженіи Хорватами франкскаго ига около 825 г., но ничто не мѣшаетъ намъ признать, что эти Далматинскіе Славяне могли позже, особенно съ половины IX в., когда они стали совершенно свободны по отношенію къ Византіи, признавать нѣкотораго рода верховное покровительство со стороны короля Франковъ [3]). Оттого и грамота Терпиміра могла быть означена временемъ царствованія Лотаря; въ этомъ смыслѣ и Людовикъ II могъ употребить выраженія „Sclavenia nostra“. Впрочемъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ при существующихъ данныхъ не представляется возможности.

Обратимся теперь къ остальнымъ извѣстіямъ Константина, касающимся этого періода времени.

Отъ Порина (Борны?) до Терпиміра Константинъ не называетъ ни одного князя. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ это время Хорватскими князьями были: Ладиславъ (821 г.) [4]), при коемъ, какъ думаютъ, начались тѣ страшныя жестокости Франковъ, о которыхъ говоритъ Константинъ [5]), и которыя вызвали возстаніе Далматинскихъ Хорватовъ, и затѣмъ Миславъ (Mislavus, около 839 г.) [6]). Пре-

---

[1]) *Dümmler*, 402, прим. 1.

[2]) Cap. 29, p. 131: οὗτοι γὰρ πάντες βασιλικ ἤκελεύσει παρῆσαν.

[3]) Срв. Rački, Odlomci etc., 24.

[4]) Ladasclavus—то же, что Владиславъ, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 13, (прим. 24).

[5]) *Шафарикъ,* тамъ же, Ljubić,. Pregl., 12. Любичъ не отожествляетъ Борну съ Пориномъ и считаетъ послѣдняго преемникомъ Ладислава.

[6]) Иначе Моиславъ, у Дандула Muysclavus. Кажется, при этомъ князѣ, именно въ 840 г., Сарацины взяли въ Далмаціи города: Будву, Росу и Которъ; объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

емникомъ [1]) его былъ извѣстный и изъ Константина Терпиміръ (Tirpimirus). Онъ далъ въ 852 г. грамоту Сплѣтской церкви, древнѣйшій до насъ дошедшій хорватскій памятникъ (на латинскомъ языкѣ). При Терпимірѣ, по разказу нашего историка, пришелъ „изъ Франціи, лежащей между Хорватіей и Венеціей", то-есть, изъ Истріи или Хорутаніи, благочестивый мужъ Мартинъ, совершавшій много чудесъ, но „хромой и слабый, такъ что его носили четыре человѣка"; онъ утвердилъ Хорватовъ въ христіанской вѣрѣ и въ договорѣ, заключенномъ или когда-то съ папой. „Вслѣдствіе того", продолжаетъ Константинъ,—„ни сагины, ни кондуры [2]) Хорватовъ никогда не снаряжаются на войну, развѣ когда кто-нибудь первый нападетъ на Хорватію. Но на такихъ судахъ ѣздятъ тѣ изъ Хорватовъ, которые посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по землѣ Пагановъ и Далматинскому заливу [3]) до самой Венеціи".

Однако, если мы и не видимъ, чтобы Хорваты вели съ кѣмъ-либо наступательную войну, то конечно, причиной ихъ мирнаго настроенія уже не могло быть въ то время какое-либо обязательство передъ папой, а скорѣе вообще ихъ миролюбивый характеръ и отсутствіе повода ссориться съ сосѣдями.

Извѣстіе о мореходствѣ Хорватовъ съ торговыми цѣлями доказываетъ намъ, что ихъ промышленность и внѣшняя торговля достигли уже въ ту пору значительной степени развитія [4]). Вообще въ правленіе князя Терпиміра Хорватія, кажется, находилась на вершинѣ своего могущества и блеска [5]). Тогда, вѣроятно, она расширила свои владѣнія на востокъ присоединеніемъ *Босны* [6]);

---

[1]) *Любичъ*, 13, между Миславомъ и Терпиміромъ ставитъ еще Людевита (?).

[2]) *Бандури*, Animadv., ed. Bonn., 351.

[3]) Адріатическое море, см. *Бандури*, ibid.

[4]) Мореплаваніе вообще съ давнихъ поръ процвѣтало по берегамъ Далмаціи, богатой удобными природными портами. Хорваты должны были застать его уже достаточно развитымъ. Срвн. объ этомъ ст. *В. Богишича:* Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адріатики, въ *Запискахъ Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этнографіи*, т. III, 1873 стр. 150, 151.

[5]) Срв. Ljubić, Pregl., 13—14.

[6]) Это предположеніе подтверждается показаніемъ Дуклянскаго пресвитера (Regnum Slavorum, с. XXIII), приписывающаго присоединеніе Босны стар-

тогда именно, по свидѣтельству самого Константина, ея силы на сушѣ и на морѣ достигли наибольшихъ размѣровъ; эти силы состояли изъ 60.000 конницы, 100.000 пѣхоты, 80 сагинъ (по 40 чч.) и 100 кондуръ (по 10 и 20 чч.). Такъ продолжалось до князя Кресиміра, сына и наслѣдника Терпимірова [1]).

По его смерти, какъ сообщаетъ намъ тотъ же Константинъ, положеніе вещей быстро измѣнилось къ худшему. Что же было причиной этой перемѣны? На этотъ вопросъ отчасти отвѣчаетъ самъ Константинъ, говоря, что „по смерти Красиміра, когда процарствовалъ четыре года сынъ его Мирославъ [2]) и былъ убитъ баномъ Прибуніей (Πριβουνία), и когда возникли въ странѣ несогласія и раздоры, уменьшилось и количество конницы и пѣхоты, равно какъ и сагинъ и кондуръ. Теперь же Хорватія имѣетъ 30 сагинъ, большія и малыя кондуры, конницу и пѣхоту"…. [3]) По числу 30 сагинъ уже видно, какъ незначительны должны были быть военныя силы Хорватовъ при Константинѣ (въ X в.) сравнительно съ прежнимъ; но конечно, такое ослабленіе могущества Хорватовъ произошло не сразу, а постепенно, въ теченіе цѣлаго столѣтія. Изъ свидѣтельствъ Константина видно, что онъ приписывалъ это явленіе внутреннему перевороту, совершившемуся по смерти Кресиміра. Переворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что сынъ Кресиміра, Мирославъ, послѣ четырехлѣтняго правленія былъ умерщвленъ баномъ Прибуніей. Это злодѣяніе повело за собою, вѣроятно, цѣлый рядъ волненій и междоусобій, которыя дѣйствительно могли причинить значительный разгромъ

шему Кресиміру (преемнику Терпиміра). Существуетъ также предположеніе что Далматинская Хорватія составляла въ то время одно съ Посавскою (*Mikoczi*, 283; Rački, *Rad*, XVII, 85), но оно не имѣетъ основанія, какъ показалъ *Любичъ* (O Posav. Hrv., *Rad*, XLIII, 136, 137, и д.). Надо имѣть въ виду, что по крайней мѣрѣ восточною частью послѣдней (Сремомъ), кажется, владѣли тогда Болгары. Срвн. *Дриновъ*, Южн. Слав. и Византія, стр. 38—39.

[1]) Объ отнесеніи г. *Дриновымъ* этого свидѣтельства Константина о силахъ Хорватовъ и княженія Кресиміра, Мирослава и Прибуніи къ первой половинѣ X в. поговоримъ ниже.

[2]) *Bandūri*, ed. Bonn., 352—353.

[3]) Неопредѣленность послѣдняго предложенія очевидно показываетъ, что тутъ долженъ быть пропускъ: числовыхъ данныхъ недостаетъ. По всей вѣроятности, Константинъ не имѣлъ ихъ подъ рукой, когда писалъ эти строки.

и упадокъ государственныхъ силъ страны; но этого мало: не безъ основанія находятъ новѣйшіе ученые [1]), что кромѣ этой причины для объясненія ослабленія Хорватіи необходимо предположить и другую, еще болѣе существенную, то-есть, какую нибудь важную территоріальную потерю вслѣдствіе неудачной войны [2]). Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, воевали ли Хорваты съ кѣмъ-нибудь около этого времени, и если воевали, то каковъ былъ результатъ этой войны, должны ли были Хорваты дѣйствительно уступить непріятелю часть своей земли?

Объ отношеніяхъ Хорватовъ къ сосѣдямъ, то-есть, главнымъ образомъ къ Сербамъ и Болгарамъ, до половины IX вѣка мы почти ничего не знаемъ. Первое свидѣтельство Константина по этому вопросу относится ко времени Болгарскаго князя Михаила-Бориса (844—889 гг.). Говоря о зависимости Болгарскаго князя [3]) отъ Византіи, Константинъ считаетъ нужнымъ прибавить, что Болгарскому князю онъ (то-есть, Хорватскій князь) не былъ никогда подчиненъ [4]); затѣмъ Константинъ продолжаетъ: „Никогда Болгаре не вели войны съ Хорватами, исключая князя Михаила-Бороса (Бориса) [5]), который, предпринявъ походъ противъ нихъ, но, не успѣвъ ни въ чемъ, заключилъ съ ними миръ, при чемъ обѣ стороны одарили другъ друга. И никогда Хорваты не платили дани Болгарамъ, но часто обмѣнивались подарками ради дружбы“. Не имѣя никакихъ указаній о времени этой войны, мы и не можемъ его точно опредѣлить. Весьма возможно, что она относится къ

---

[1]) *Dümmler*, 373; Rački, Odlomci, 24.

[2]) Одни внутреннія неустройства могли причинить только временное безсиліе, и по возстановленіи порядка должны были бы возвратиться княжеству и прежнія силы, а этого не было.

[3]) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ то же самое относительно Сербскаго князя.

[4]) Изъ этого мѣста выясняется, между прочимъ, взглядъ Константина на Болгарію, доказывающій степень могущества этого государства въ его время, а также то, что Византія признавала за собою какъ бы *историческія* права на Далматинскихъ Славянъ, совершенно отрицая подобныя права у Болгаръ. Г. Дриновъ, дѣлающій это замѣчаніе, упускаетъ изъ виду, что оно прямо говоритъ противъ него, то-есть, въ пользу вѣрности извѣстій Константина о способѣ поселенія Сербовъ и Хорватовъ въ Далмаціи, которыя г. Дриновъ такъ рѣшительно отвергаетъ (Южн. Сл. и Виз., стр. 47).

[5]) См. *Banduri*, Animadv., ed. Bonn., 351.

началу второй половины IX вѣка, то-есть, именно ко времени внутреннихъ смутъ въ Хорватіи, начавшихся вскорѣ послѣ смерти Терпиміра [1]). Вѣроятно, Болгарскій князь хотѣлъ воспользоваться неурядицей у Хорватовъ, чтобы на ихъ счетъ расширить свои владѣнія. По свидѣтельству Константина, Борисъ не имѣлъ успѣха, такъ что состоялся миръ, при чемъ обѣ стороны обмѣнялись подарками. Итакъ, эта война, по видимому, не имѣла въ результатѣ никакой территоріальной уступки со стороны Хорватовъ. Однако новѣйшіе ученые, какъ мы видѣли, довольно основательно искавшіе причину ослабленія Хорватіи въ стѣсненіи ея границъ, какъ слѣдствіи неудачной войны, не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Дѣло въ томъ, что древнюю область Босну (между рр. Вербасомъ и Дриной), какъ было уже говорено, слѣдуетъ считать пріобрѣтеніемъ Хорватовъ въ эпоху ихъ могущества, а между тѣмъ впослѣдствіи (въ концѣ IX вѣка) Босна оказывается частью Сербіи. Такая перемѣна, очевидно, заставляетъ предположить отвоеваніе этой страны у Хорватовъ. На этомъ основаніи Дюмлеръ предполагаетъ [2]), что Босна была отнята у нихъ Болгарами именно въ вышеупомянутую войну, предпринятую Борисомъ, и что извѣстіе Константина о неудачѣ послѣдняго несправедливо, будучи почерпнуто изъ хорватскаго источника [3]). Впослѣдствіи Босна окончательно досталась Сербамъ послѣ войны съ ними того же Болгарскаго князя Бориса. Приблизительно того же мнѣнія держится и Рачкій. Онъ полагаетъ, что или Босна была уступлена Хорватами Борису [4]), у котораго въ свою очередь отняли ее Сербы, или же—что Сербы, вмѣстѣ съ побѣдою надъ Болгарами, завоевали Босну именно въ то время, когда

---

[1]) *Любичъ* (Pregled, 14) относитъ эту войну къ княженію Терпиміра; но неправдоподобно, чтобы Болгаре рѣшились воевать съ Хорватами именно во время наибольшаго могущества послѣднихъ.

[2]) *Dümmler*, 397.

[3]) „Можетъ быть“, говоритъ *Дюмлеръ* (тамъ же),—„національное чувство Хорватовъ, разказывавшихъ эти событія Константину, не позволяло имъ открыто признать завоеваніе, вслѣдствіе котораго они съ тѣхъ поръ должны были довольствоваться одною береговою страной“.

[4]) Rački, Odlomci, 25—26. Онъ указываетъ на слова Константина: muneribus datis et acceptis pacem fecit.

въ Хорватіи господствовали внутреннія междоусобія. Слѣдовательно, по мнѣнію обоихъ названныхъ ученыхъ, причина упомянутаго Константиномъ поразительнаго уменьшенія военныхъ средствъ Хорватовъ со времени правленія князя Кресиміра заключалась главнымъ образомъ въ потерѣ Хорватами Босны, отнятой у нихъ либо Болгарами (при Борисѣ), либо Сербами, во время войны этихъ послѣднихъ съ тѣмъ же княземъ Борисомъ.

Хотя эти предположенія и не подтверждаются положительными свидѣтельствами, нельзя однако не признать за ними большой доли вѣроятности [1]). Въ пользу предположенія о завоеваніи Босны Болгарами говоритъ между прочимъ и то обстоятельство, что Болгаре, владѣвшіе тогда, какъ выше было замѣчено, землей между Дравой, Савой и Дунаемъ, то-есть, Сремомъ, могли воевать съ Хорватами только въ этой сторонѣ, то-есть, именно въ Боснѣ, ибо на югѣ ихъ раздѣляла Сербія [2]). Такъ рѣшается обыкновенно вопросъ о причинѣ перемѣны, совершившейся въ политическомъ положеніи Хорватіи въ половинѣ IX вѣка, и объяснить эту перемѣну другимъ путемъ, кажется, не возможно. Что касается названныхъ Константиномъ князей, преемниковъ Терпиміра [3]), то надо замѣтить, что изслѣдователи (Люцій, Микоци и др.) долгое время относили ихъ къ началу X вѣка, помѣщая ихъ между князьями Мутиміромъ и Томиславомъ, то-есть, приблизительно отъ 900 до 920 гг. Въ этомъ же заблужденіи находились позднѣе Шафарикъ и Гфререрь [4]), тогда какъ Энгель [5]) въ порядкѣ князей держался разказа Константина, которому и мы считаемъ возможнымъ слѣдовать. Правда, въ послѣднее время г. Дриновъ представилъ довольно важную попытку исправить показанія Константина въ этомъ вопросѣ, относя правленіе князей Кресиміра, Мирослава и Прибуніи къ первой

---

[1]) *Любичъ* (O Posavskoj Hrvatskoj, *Rad*, XLIII, 117, прим.), высказывается противъ этого предположенія, но его мнѣніе, будучи основано на неправильномъ взглядѣ на Босну, какъ на часть Посавской Хорватіи, не имѣетъ для насъ большого значенія.

[2]) Rački, Odlomci, 19; *Шафарикъ*, II, кн. 2, 39.

[3]) То-есть, Кресиміра, Мирослава и Прибуніи.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 20; см. также *Rambaud*, 465; *Гфререрь*, Byzantin. Gesch., II, 110 и далѣе.

[5]) *Engel*, Gesch. v. Dalm., 460-462.

половинѣ X вѣка, но не къ началу его (до 920 г.), а ко времени, слѣдовавшему за княземъ Томиславомъ; Рачкій (въ Documenta Hist. Croat., стр. 399), принимая эту поправку, считаетъ даже возможнымъ относить къ этой позднѣйшей эпохѣ и Терпиміра, названнаго у Константина - отцомъ Кресиміра, слѣдовательно, не отожествляетъ его съ извѣстнымъ Терпиміромъ, издателемъ грамоты 852 года. Но для насъ—признаемся—доводы этихъ изслѣдователей не вполнѣ убѣдительны, хотя вообще ихъ мысль, особенно на первый взглядъ, кажется довольно правдоподобною. Вопервыхъ, они ссылаются на грамоту короля Петра Кресиміра (царствовавшаго въ XI вѣкѣ), въ которой послѣдній упоминаетъ о прадѣдѣ своемъ Кресимірѣ старшемъ (отцѣ Держислава); однако то могъ быть другой Кресиміръ, царствовавшій въ первой половинѣ X вѣка, и о которомъ Константинъ не упоминаетъ, такъ какъ вообще почти ничего не разказываетъ о современныхъ ему событіяхъ въ Хорватіи. Этотъ же Кресиміръ имѣется, очевидно, въ виду и въ Римскомъ каталогѣ Сплѣтскихъ архіепископовъ, который особенно служитъ опорой г. Дринову въ его соображеніяхъ. Впрочемъ, Рачкій не находитъ возможнымъ ссылаться на этотъ документъ, какъ на позднѣйшій и мало надежный [1]). Тотъ доводъ г. Дринова, что Хорватія достигла значительнаго могущества только во времена Томислава, неоснователенъ, такъ какъ есть причины думать, что при Терпимірѣ, въ половинѣ IX вѣка, владѣнія Хорватовъ были обширнѣе, и могущество ихъ, слѣдовательно, не могло быть меньше. Далѣе изслѣдователямъ кажется невѣроятнымъ молчаніе Константина о современномъ ему политическомъ положеніи Хорватіи. Не споримъ, что это обстоятельство нѣсколько странно, но съ нимъ, какъ съ фактомъ, остается только примириться [2]). Надо имѣть въ виду, что Константинъ въ своемъ сочиненіи особенно интересуется тѣми народами и племенами, которыя или внушали Византіи опасенія своею силой и могли угрожать ей, или находились съ нею въ непосредственныхъ сношеніяхъ зависимости, дружбы, мирнаго союза и т. д. Хорваты же въ половинѣ X вѣка не подходили подъ эти

---

[1]) Documenta, ibid., 399.

[2]) Объ этомъ молчаніи говоритъ самъ *Рачкій* — *Rad,* LI, стр. 164, 165; также *Rad,* кн. XVII, стр. 85.

условія: они не состояли въ прямыхъ связяхъ съ Византіей, не зависѣли отъ нея, и послѣдняя не имѣла причинъ чего-либо опасаться съ ихъ стороны, въ виду того упадка ихъ силъ, о которомъ говоритъ нашъ историкъ [1]). Невѣроятнымъ представляется г. Дринову и промежутокъ въ десять лѣтъ (отъ 852—853 гг. до 863) для правленія трехъ князей; однако и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, не необъяснимо. Почему не предположить, что правленіе этого Кресиміра было кратковременно (лѣтъ пять или шесть)? Мирославъ, по свидѣтельству самого Константина, княжилъ всего четыре года, а Прибунія, захватившій престолъ посредствомъ убійства князя, едва ли могъ удержаться на немъ долѣе года. Наконецъ, главное наше возраженіе противъ мнѣнія г. Дринова заключается въ томъ, что такой значительный упадокъ могущества Хорватіи, какой представленъ у Константина, то-есть, сокращеніе сухопутныхъ и морскихъ силъ ея, по видимому, болѣе чѣмъ на половину (изъ 80 сагинъ оставалось при Константинѣ 30), не могъ произойдти почти внезапно, въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ оказывается по вычисленію г. Дринова, безъ какой-либо чрезвычайной катастрофы. А подобной катастрофы въ то время (въ первой половинѣ X вѣка) мы не имѣемъ основанія предполагать, не находя въ источникахъ ровно никакихъ намековъ на нее. Такое политическое ослабленіе могло совершиться только мало по малу, въ теченіе многихъ лѣтъ; такъ, вѣроятно, и было въ дѣйствительности: Хорватія, ослабленная во второй половинѣ IX вѣка внутренними смутами и внѣшнимъ пораженіемъ, не могла уже долго оправиться, хотя при Томиславѣ и достигала временно значительной силы. Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться, что мы не выдаемъ своего мнѣнія за непреложную истину. Вышеизложенныя соображенія имѣютъ цѣлью показать только, что доводы гг. Дринова и Рачкаго въ пользу представленнаго ими домысла не могутъ считаться вполнѣ не опровержимыми.

---

[1]) Вообще насъ нѣсколько удивляетъ, что г. Дриновъ, во всемъ такъ скептически относящійся къ свидѣтельствамъ Константина, въ настоящемъ случаѣ—для пополненія пробѣла въ исторіи Хорватовъ — такъ охотно принимаетъ его извѣстія, не только не думая пріобщить ихъ къ числу *домысловъ* императора, но даже считая ихъ „любопытными и въ высшей степени важными“ (Южн. Сл. и Виз., стр. 124—125).

О банѣ Прибуніи, или иначе—Прибинѣ (Pribinna) [1]), похитившемъ княжескую власть чрезъ убійство князя Мирослава, мы ничего болѣе не знаемъ; онъ, какъ кажется, не могъ удержаться на престолѣ, ибо около 864 года великимъ жупаномъ Хорватскимъ является уже Демогой, современникъ императора Василія Македонянина (съ 867 г.). Такимъ образомъ мы переходимъ къ свидѣтельствамъ Константина о событіяхъ въ Хорватіи со времени вступленія на престолъ этого императора.

2. Хорватія со вступленія на престолъ Василія до половины X вѣка.

По утвержденіи на византійскомъ престолѣ Македонской ди настіи въ лицѣ императора Василія, произошла значительная п ремѣна въ судьбѣ Сербо-Хорватскаго племени.

Византія мало по малу возстановила во всѣхъ концахъ имперіи свою поколебленную власть и авторитетъ, между прочимъ и у Славянъ. Казалось бы, этотъ періодъ исторіи Хорватовъ, какъ болѣе близкій ко времени Константина, долженъ быть лучше ему знакомъ, тѣмъ болѣе, что императору Василію Константинъ посвятилъ, какъ мы знаемъ, цѣлое сочиненіе; слѣдовательно, совершенно справедливо было бъ ожидать отъ нашего автора болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній и въ исторіи Хорватовъ этого времени. Но на дѣлѣ оказывается, что свидѣтельства Константина относительно этого періода не отличаются ни большею полнотой, ни большею опредѣленностью и точностью, чѣмъ его свидѣтельства о предшествующей эпохѣ. Они по прежнему имѣютъ отрывочный характеръ, и источники Константина остаются, по видимому, все также ограничены.

Сведемъ же въ одно цѣлое всѣ его разказы по этому предмету:

„.....Въ царствованіе славнаго и приснопамятнаго императора Василія Сарацины, прибывъ изъ Африки, а именно Солданъ (Σολδανός), Саба (Σάβα) и Кальфонъ (Κλαφῶ), съ

---

[1]) *Lucius*, L. II, cap. I; *Banduri*, Anim., 353. Нѣкоторые отожествляютъ его, впрочемъ неосновательно, съ Привиной, властвовавшимъ въ Панновіи, см. Rački, Ocjena etc., 75—76.

*

36 кораблями явились въ Далмаціи и завоевали города Бутобу (Βούτοβα), Россу (Ῥῶσσα) и Декатеры (Δεκάτερα); затѣмъ они пошли и на Рагузу и осаждали ее 15 мѣсяцевъ. Тогда Рагузинцы, приведенные въ крайность, обратились къ приснопамятному императору Василію со словами: „Сжалься надъ нами и не дай намъ погибнуть отъ невѣрныхъ". Растроганный императоръ послалъ патриція Никиту, друнгарія флота, по прозванію Оорифа (Ὠορύφας), съ 100 судами („хеландіями"), а Сарацины, узнавъ о прибытіи патриція Никиты, бѣжали, оставивъ Рагузу; переправившись въ Лангобардію, они осадили и взяли городъ Баръ (τὸ κάστρον Βάρεως). Тогда Солданъ, построивъ тамъ дворецъ, властвовалъ надъ всею Лангобардіей до самаго Рима въ продолженіе сорока лѣтъ. Вслѣдствіе этого императоръ отправилъ посольство къ королю Франціи Людовику (Λοδόϊχος) и къ Римскому папѣ, прося ихъ помочь посланному императоромъ войску. Они оба, то-есть, и король, и папа, исполняя требованіе императора, пришли съ большою силою, и присоединившись къ императорскому войску, а также къ Хорватамъ, Сербамъ, Захлумцамъ, Травунянамъ, Каналитамъ и Рагузинцамъ, со всѣми жителями далматинскихъ городовъ (ибо всѣ они прибыли по повелѣнію императора) [1]), вступили въ Лангобардію, осадили городъ Баръ и взяли его. Рагузинцы на своихъ судахъ переправили въ Лангобардію хорватскихъ и другихъ славянскихъ князей. Городъ Баръ и землю, и всю добычу захватилъ Римскій императоръ, а Солдана съ остальными Сарацинами взялъ король Франковъ Людовикъ, и отвелъ ихъ въ Капую и Беневентъ" (c. 29, p. 130—131).

Въ этой же главѣ о Хорватахъ, Сербахъ и другихъ племенахъ славянскихъ Константинъ говоритъ такъ:

„Бо́льшая часть этихъ Славянъ долго оставались некрещеными. Въ царствованіе христолюбиваго императора Василія они отправили пословъ, требуя и вызывая его крестить некрещеныхъ между ними и желая быть, какъ съ самаго начала, подъ властью Римской имперіи. Выслушавъ ихъ,

---

[1]) Οὗτοι γὰρ πάντες βασιλικῇ κελεύσει παρῆσαν.

тотъ блаженный и славный императоръ отправилъ царскаго посла (βασιλικός) со священниками и крестилъ всѣхъ некрещеныхъ у названныхъ народовъ, а послѣ крещенія назначилъ имъ князей, которыхъ они желали и сами избрали изъ наиболѣе почитаемаго и любимаго ими рода; и съ тѣхъ поръ донынѣ избираются для нихъ князья изъ этого самаго рода, а не изъ иного" (c. 29, p. 128—129).

Въ главѣ 30-й Константинъ, опредѣливъ границы отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ Далмаціи, сообщаетъ слѣдующее о далматинскихъ городахъ:

„......А римскіе города воздѣлывали острова и ими существовали, но такъ какъ они (Римляне) были безпрерывно плѣняемы и истребляемы Паганами (Παγάνοι), то они оставили эти острова, желая воздѣлывать материкъ. Но имъ мѣшали Хорваты, такъ какъ они еще не платили послѣднимъ податей, а все, что они нынѣ платятъ Славянамъ, получалъ ихъ стратигъ. Не будучи въ состояніи болѣе терпѣть, они обратились къ славному императору Василію, изложивъ ему все вышеупомянутое; а императоръ распорядился, чтобы все, что ранѣе уплачивалось стратигу, они платили Славянамъ и жили бы съ ними въ мирѣ, а стратигу платили бы какую-нибудь бездѣлицу, чтобы только видна была ихъ зависимость и подчиненность Римскимъ императорамъ и своему стратигу. Съ того времени всѣ эти города сдѣлались подданными Славянъ и платили имъ подати: городъ Аспалатъ (Сплѣтъ)—200 червонцевъ (νομίσματα), городъ Трогиръ—100, городъ Діадора—110, городъ Опсара—100, городъ Арбе—100, городъ Бекла—100, и того—710 червонцевъ, а кромѣ того, вино и различные другіе продукты. Рагуза расположена между двумя странами Захлумьемъ и Тервуніей. Жители ея имѣютъ виноградники въ обѣихъ земляхъ и платятъ князю Захлумцевъ 36 червонцевъ и князю Тервуніи—тоже 36 червонцевъ" (c. 30, p. 146—147).

Выше уже была рѣчь о томъ, почему Константинъ не сообщаетъ почти ничего о современной ему Хорватіи; между тѣмъ о событіяхъ въ Сербіи въ свое время онъ разказываетъ довольно подробно. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что при Констан-

тинѣ Византія находилась въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Сербіи, которая, будучи враждебна Болгаріи и воюя съ нею, этимъ самымъ возбуждала сочувствіе къ себѣ византійскаго правительства. Относительно Хорватіи того времени мы знаемъ изъ Константина только о неудачномъ походѣ противъ нея Болгаръ, подъ начальствомъ Алоготура ('Αλογοβότουρ) [1]), и о томъ, что во время междоусобій въ Сербіи, князья, терпѣвшіе неудачу, находили всегда убѣжище въ Хорватіи [2]). Сюда же спаслась, по показанію Константина, значительная часть сербскаго населенія во время страшнаго разгрома Сербіи, произведеннаго Болгарами при царѣ Симеонѣ [3]).

Всѣ эти свидѣтельства касаются собственно немногихъ, но за то самыхъ существенныхъ фактовъ исторической жизни Хорватовъ приблизительно со второй половины IX до половины X вѣка. Эти факты суть слѣдующіе: 1) нападеніе Сарациновъ на Далмацію, и затѣмъ участіе Иллирскихъ Славянъ, а между ними и Хорватовъ, во взятіи города Бара; 2) возвращеніе Хорватовъ подъ верховную власть Византійскаго императора (Василія); 3) крещеніе остававшихся еще некрещеными Славянъ при императорѣ Василіи; 4) отношенія Хорватовъ къ далматинскимъ городамъ и перемѣна въ этихъ отношеніяхъ; наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ объ отношеніяхъ Хорватовъ за это время къ сосѣдямъ, то-есть, къ Сербамъ и Болгарамъ.

Если вникнуть въ разказъ Константина о нападеніи Сарациновъ на Далмацію, о ихъ утвержденіи въ Лангобардіи и объ отнятіи у нихъ города Бара, то не можетъ не броситься въ глаза явное противорѣчіе двухъ показаній, изъ которыхъ одно, слѣдовательно, должно быть ложно. Съ одной стороны, взятіе Сарацинами нѣкоторыхъ городовъ Далмаціи, неудачная осада Рагузы, взятіе ими въ Италіи города Бара, и наконецъ, отнятіе у нихъ этого города общими силами короля Франкскаго Людовика, папы, императора Василія и Иллирскихъ Славянъ все это относитъ Константинъ къ царствованію императора Василія и излагаетъ подъ рядъ, какъ со-

---

1) Cap. 32, p. 158.
2) Ibid., p. 155, 158.
3) Ibid., p. 158.

бытія, непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшія; а съ другой стороны, онъ же сообщаетъ, что Солданъ, повелитель Сарациновъ, утвердившись въ Барѣ, властвовалъ оттуда надъ всею Лангобардіей 40 лѣтъ. Несообразность этихъ показаній очевидна. Однако изслѣдователи долго не обращали на нее вниманія и оттого естественно впадали въ ошибки. Эти событія Константинъ описываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ [1]). Но и другой разказъ его не разъясняетъ намъ дѣла, ибо отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что тутъ Константинъ относитъ нападеніе Сарациновъ на Далмацію къ концу царствованія Михаила III (857—867 гг.) и говоритъ, что послы, отправленные Рагузинцами въ Византію съ просьбой о помощи, застали уже на престолѣ императора Василія, который и исполнилъ тотчасъ же ихъ просьбу [2]). Вопросъ о времени этихъ происшествій былъ подробно разобранъ и разъясненъ Дюмлеромъ [3]). До него всѣ ученые, не исключая и Шафарика, на основаніи свидѣтельствъ Константина, относили нападеніе Сарациновъ на Далмацію къ 867 или 868 году. Но Дюмлеръ основательно указываетъ на то, что Константинъ относя это событіе къ царствованію Василія, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ его прежде взятія Сарацинами г. Бара, что̀ было въ 841 году, слѣдовательно, очевидно самъ себѣ противорѣчитъ; по мнѣнію Дюмлера, гораздо вѣрнѣе принимать, что дѣйствительно опустошеніе Далмаціи предшествовало взятію г. Бара и должно быть отнесено къ 840 году [4]); это предположеніе, какъ онъ думаетъ, подтверждается и тѣмъ, что Сарацины около того времени уже не разъ появлялись въ Адріатическомъ морѣ и въ 50-хъ годахъ IX вѣка вели борьбу съ Венеціанцами. Итакъ, по Дюмлеру, взятіе города Будвы, Росы и Котора должно было произойдти въ

---

[1]) De themat., II, c. 11; также въ Basil. vita, 53.

[2]) De themat., II, p. 61–62: .....εὗρον ὑπὸ θεοῦ τὴν αὐτοκρατικὴν ἀρχὴν Βασίλειον τὸν ἀοίδιμον βασιλέα ἤδε λαβόντα, ὃς καὶ τὰ τῆς αὐτῶν πρεσβείας καὶ δεήσεως ἐπακούσας καὶ στόλον ἱκανὸν καὶ δρατήριον ἄρχοντα πρὸς τὴν τούτων βοήθειαν εὐθὺς ἐξαπέστειλε.

[3]) *Dümmler*, 398—403 и прим.

[4]) Съ ними согласенъ и *Рачкій*, Documenta, 354 г.; срв. *Rad*., кн. LI, стр. 160.

840 году, и притомъ въ началѣ этого года [1]); затѣмъ осада Рагузы продолжалась приблизительно до половины слѣдующаго (841) года, а въ концѣ этого же года Сарацины переправились въ Италію и взяли городъ Баръ, которымъ владѣли до 871 года, слѣдовательно, только 30 лѣтъ, а не 40, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ [2]). Однако Гиршъ въ своихъ „Byzantinische Studien" держится другого мнѣнія; онъ полагаетъ, что вся ошибка Константина состоитъ въ томъ, что утвержденіе Арабовъ въ нижней Италіи онъ помѣщаетъ непосредственно за экспедиціей противъ Далмаціи; по мнѣнію Гирша, это утвержденіе состоялось совершенно независимо отъ послѣдней и произошло гораздо раньше; онъ не находитъ причинъ отвергать извѣстіе Константина, что далматинскій походъ случился во времена Василія, и помѣщать его двадцатью шестью годами ранѣе, то-есть, еще въ царствованіе Ѳеофила [3]).

По толкованію Дюмлера, вождями Сарациновъ во время опустошенія ими Далмаціи были только Кальфа (Καλφοῦς) и Саба (Σάβα) [4]), но не Солданъ [5]), который является только 30 лѣтъ спустя защитникомъ г. Бара [6]). Напротивъ того, Гиршъ, относящій нападеніе на Далмацію въ 867 году, считаетъ вѣрнымъ показаніе Константина по отношенію къ Солдану и невѣрнымъ относительно другихъ двухъ (Calfus и Saba), дѣйствовавшихъ въ событіяхъ 840—841 гг. На чьей сторонѣ правда—рѣшить трудно за неимѣніемъ другихъ положительныхъ данныхъ, но намъ лично мнѣніе Дюмлера кажется болѣе вѣроятнымъ. Если это такъ, то слѣдовательно, въ 840 г. подъ предводительствомъ Кальфы и Сабы африканскіе Сарацины

---

[1]) Княземъ Хорватіи былъ тогда, по всей вѣроятности, какъ мы уже выше замѣтили, Миславъ, предшественникъ Терпиміра.

[2]) Подтвержденіе тридцати лѣтъ мы находимъ въ Joh. Chron. venet. и въ chron. Casin.; см. *Dümmler*, 399, прим. 1. Того же мнѣнія и Rački, Ocjena etc. К. Р., 49.

[3]) *Hirsch*, Byzant. Stud., Leipzig., 254—55.

[4]) Первое имя въ соч. De themat. является въ видѣ Καλφοῦς, то-есть, Kalfon или Caffo, а второе—въ видѣ Σάμαν, въ Basil. vita—Samban; см. *Banduri*, ed. Bonn., 338. Объ именахъ этихъ сарацинскихъ вождей см. Rački, Documenta, 374 (Σολδανὸς и Σάβα суть почетные титулы).

[5]) Sultan Mofarey ibn Salem, *Rad*, LI, 1880, 160.

[6]) *Dümmler*, 398, прим. 2; Rački, Ocjena etc., 49; также *Rad*, LI, 1880, стр. 160.

съ 36 кораблями [1]) явились къ берегамъ Далмаціи и овладѣли, по Константину, городами Будвой (Βούτοβα), Россой (Ῥῶσσα) и Которомъ (Δεκάτερα). Городъ Бутоба [2]) есть нынѣшняя Budua (Butua) или Budva, небольшой приморскій городъ на югѣ отъ Которскаго залива [3]). Россу (Ῥῶσσα, въ сочиненіи De themat.—Ῥῶσα) прежніе ученые считали за нынѣшній городъ Risan, Rhisena на сѣверо-восточномъ берегу Которскаго залива [4]), но Дюмлеръ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе, и кажется, совершенно основательно. Гораздо правдоподобнѣе его предположеніе, что подъ Росой надо разумѣть нынѣшнюю гавань Rose при входѣ въ Которскій заливъ, противъ города Castelonova [5]). Городъ Которъ намъ извѣстенъ. Въ сочиненіи „О провинціяхъ" Константинъ употребляетъ выраженіе τὰ κάτω Δεκάτερα; это доказываетъ, что Сарацины заняли только нижній городъ, расположенный внизу у моря, а верхняя его часть на высокой горѣ, гдѣ нынѣ крѣпость, уцѣлѣла [6]). Взявъ эти три города, Сарацины пошли къ Рагузѣ [7]) и осадили ее; осада, по Константину, длилась 15 мѣсяцевъ. Рагузинцы обратились за помощью въ Византію, но только не къ Василію Македонянину, какъ говоритъ нашъ историкъ, ибо это было въ 841 г., а Василій вступилъ на престолъ только въ 867. Императоромъ въ то время былъ еще Өеофилъ († 842 г.). Константинъ сообщаетъ, что былъ посланъ противъ Сарациновъ патрицій Никита друнгарій (то-есть, начальникъ) флота, по прозванію Оорифъ. Но это свидѣтельство должно быть, кажется, отвергнуто, какъ происшедшее изъ ложнаго мнѣнія, что помощь была

---

1) То же самое число означено и въ вышеупомянутомъ мѣстѣ De themat.,

2) У Кедрина Βουτάμα, *Banduri*, 338.

3) Подробности о немъ см. *Petter*, II, 277; *Forbiger*, Handbuch der Geographie, III, 842.

4) Такъ думалъ и Rački, Ocjena etc., 49.

5) *Dümmler*, 398, прим. 3; срв. *Petter*, II, 277 и 258—259; Rački, Docum., 354. Сближеніе этого имени (Ῥῶσσα) съ другими мѣстными того же корня (въ Сербіи рѣка Рась и г. Раса), съ племеннымъ *Русь* и ему сродными словами въ славянскомъ языкѣ см. у *Ламанскаго*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д., Истор. Замѣчанія, стр. 87 (*Уч. Зап. II-го отд. Имп. Акад. Наукъ*, кн. V).

6) Срвн. *Dümmler*, 398, прим. 3; *Lucius* l. I, c. XIV; *Banduri*, ed. Bonn., 338.

7) πρὸς τὴν τούτων μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται. De them. II 61.

послана Василіемъ [1]). Сарацины, узнавъ отъ перебѣжчика о греческой помощи, тотчасъ бросили осаду Рагузы и переправились въ Италію, гдѣ овладѣли городомъ Баромъ. Оттуда они пошли далѣе и завоевали множество городовъ по всей Лангобардіи и Калабріи до самаго Рима [2]). Какъ мы видѣли, 30 лѣтъ владѣли Сарацины Баромъ. По свидѣтельству Константина, императоръ Василій первый снарядилъ войско и флотъ (100 кораблей) противъ Сарацинъ и обратился къ королю Франкскому Людовику и къ Римскому папѣ, прося ихъ прислать вспомогательныя войска. И тотъ, и другой исполнили просьбу императора и присоединились къ его войску и къ отрядамъ, выставленнымъ „по приказанію императора" Иллирскими Славянами, то-есть, Хорватами, Сербами, Захлумцами и т. д., а также и далматинскими городами. Городъ Баръ былъ взятъ общими силами.

Прежде всего спрашивается: дѣйствительно ли Василію принадлежитъ инціатива въ этомъ предпріятіи? Это весьма сомнительно. Интересы запада были тутъ гораздо болѣе затронуты; по всей вѣроятности, король Людовикъ пригласилъ Византійскаго императора принять участіе въ войнѣ съ Сарацинами. Такъ представляетъ дѣло и Салернская хроника, единственный западный источникъ, сообщающій объ этомъ [3]). То же подверждается и самимъ ходомъ событій, ибо Людовикъ началъ осаду Бара въ 867 г., а греческій флотъ прибылъ въ 869 г. [4]) Во всякомъ случаѣ въ этой войнѣ не могла не быть заинтересована и Византія, и безъ сомнѣнія, и та, и другая сторона одновременно готовились къ ней. Общая осада Бара была предпринята уже въ 869 г., но флотъ, посланный Василіемъ, долженъ былъ вскорѣ возвратиться вслѣдствіе какихъ-то несогласій между союзниками; только въ 870 г.

---

[1]) Императоръ Василій въ 870 г. дѣйствительно посылалъ патриція Никиту къ берегамъ Далмаціи, но совершенно съ иною цѣлью. См. *Dümmler*, 398, прим. 2.

[2]) De Thomat., II, p. 62. Нельзя предполагать, чтобы Сарацины систематически брали всѣ встрѣчавшіеся города: они просто опустошали страну и грабили жителей. Городъ Тарентъ былъ ими дѣйствительно взятъ нѣсколько позже Бара; тамъ утвердился упомянутый выше Саба.

[3]) Chron. Salernit., c. 107. въ Mon. G. SS. III, S. 521.

[4]) Hincmari Ann. 869; см. *Hirsch*, B. S., стр. 257.

король Людовикъ дѣятельно повелъ осаду [1]). Вспомогательныя войска Византіи и другихъ союзниковъ, то-есть, Славянъ и далматинскихъ городовъ, прибыли, кажется, нѣсколько позже, въ 871 г. [2]). Баръ былъ взятъ и возвратился подъ власть Франковъ. Константинъ очевидно ошибается, говоря, что городъ Баръ и земля достались императору Василію [3]). Только пять лѣтъ спустя, по смерти Людовика II, Баръ перешелъ въ руки Грековъ (876 г.).

Въ осадѣ Бара, какъ мы видѣли, участвовали и Славяне вмѣстѣ съ гражданами далматинскихъ городовъ. Естественно возникаетъ вопросъ: кто вызвалъ это участіе? Константинъ замѣчаетъ весьма опредѣленно, что причиной помощи Славянъ было приказаніе императора (то-есть, разумѣется—Василія) [4]). Но ученые, настаивающіе на томъ, что Хорватія въ то время была еще подвластна Франкамъ, объявляютъ это извѣстіе невѣрнымъ и утверждаютъ [5]), что славянская помощь явилась по требованію Людовика II, не отдѣляя однако Хорватовъ отъ прочихъ Славянъ [6]), а между тѣмъ мы положительно знаемъ (и въ этомъ никто не сомнѣвается), что только одни Хорваты могли быть въ то время подчинены Франкамъ, слѣдовательно, о другихъ Славянахъ, то-есть, о сербскихъ племенахъ, не можетъ быть и рѣчи, ибо на нихъ франкское владычество никогда не простиралось. Такимъ образомъ свидѣтельство Константина можетъ быть невѣрнымъ во всякомъ случаѣ только по отношенію къ Хорватамъ. По нашему мнѣнію гораздо вѣроятнѣе, что и послѣдніе участвовали въ войнѣ съ Сарацинами не по требованію Людовика (который если и признавалъ себя ихъ верховнымъ покровителемъ [7]), то все-же не могъ ими произвольно распоряжаться), а скорѣе изъ желанія не отставать отъ своихъ сосѣдей Сербовъ, посылавшихъ свою помощь по вызову императора Василія. Безъ сомнѣнія, они тѣмъ охотнѣе присоединялись къ сво-

---

[1]) *Dümmler*, 401.

[2]) О времени взятія Бара *Banduri*, ed. Bonn., 339—340.

[3]) Срвн. *Banduri*, ibid., 340—341.

[4]) C. 29, p. 131.

[5]) Къ этому мнѣнію примыкаетъ и *Hirsch*, ibid., 257—258.

[6]) *Dümmler*, 401, прим. 2.

[7]) А это мы видимъ изъ извѣстнаго письма его къ Василію, гдѣ онъ называетъ приморскую Далмацію Sclavenia nostra.

имъ сербскимъ братьямъ, что не менѣе ихъ подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ Сарациновъ и были довольны случаемъ отомстить этимъ послѣднимъ [1]). Въ свидѣтельствахъ Константина обращаетъ на себя вниманіе еще показаніе, что „Рагузинцы на своихъ судахъ переправили въ Италію хорватскихъ и другихъ князей". Хотя мы и не можемъ принимать это свидѣтельство буквально, такъ какъ въ этой переправѣ, безъ сомнѣнія, участвовали также и суда приморскихъ Хорватовъ и Сербовъ, однако оно служитъ для насъ явнымъ доказательствомъ тогдашнихъ средствъ и силы Рагузинской общины [2]).

Безспорно важнѣйшими фактами исторіи Хорватовъ въ продолженіе царствованія императора Василія Македонянина должно считаться возвращеніе Хорватовъ подъ верховную власть Византіи и окончательное утвержденіе христіанской вѣры у Иллирскихъ Славянъ. Впрочемъ второе изъ этихъ событій, по видимому, болѣе относится къ Сербскому племени, въ которомъ вслѣдствіе разныхъ причинъ христіанство не успѣло еще прочно утвердиться. Константинъ разказываетъ, какъ Славяне отправили пословъ къ императору Василію, прося крестить еще некрещеныхъ между ними и выражая желаніе снова признавать надъ собою власть императора. Василій исполнилъ и ту, и другую просьбу, и послѣ крещенія назначилъ имъ князей, которыхъ они впрочемъ сами желали и избрали изъ любимаго рода. „И до нынѣ", говоритъ Константинъ,—„князья ихъ избираются изъ этого рода, а не изъ иного". Какъ мы видѣли выше, въ царствованіе слабыхъ императоровъ, предшествовавшихъ Василію, авторитетъ Византіи былъ сильно поколебленъ у Иллирскихъ Славянъ. Хорваты, освободившіеся отъ власти Франковъ, находились какъ къ нимъ, такъ и къ Византіи, въ весьма неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ сущности они пользовались

---

[1]) *Любичъ* (Pregl. 14) также полагаетъ, что если Хорваты помогали Людовику при осадѣ Бара, то не потому, что были подвластны ему, а потому, что сами охотно шли противъ враговъ своихъ Сарациновъ.

[2]) *Бандури,* уроженецъ Рагузы, съ особенною патріотическою гордостью выставляетъ это обстоятельство, см. К. Р. Animadv., ed. Bonn., 340. Флотъ Дубровника служилъ главнымъ образомъ для торговыхъ цѣлей; торговыя сношенія его съ другими странами начались очень рано. Срвн. *Ламанскій,* Слав. въ Малой Азіи и т. д., стр. 208.

независимостью, но Франки не переставали считать ихъ подъ своимъ покровительствомъ, между тѣмъ какъ Византія, по видимому, совсѣмъ отказалась отъ своихъ прежнихъ правъ на власть — не только надъ Хорватіей, но и надъ другими славянскими племенами; вслѣдствіе того и Сербія мало по малу стала пріобрѣтать независимость; однако вскорѣ по вступленіи на престолъ Василія Македонянина дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Константинъ, свидѣтельствуя объ этой перемѣнѣ, не только не сообщаетъ о ней никакихъ подробностей, но и не опредѣляетъ точно времени событій. Нѣсколько болѣе свѣдѣній о нихъ почерпаемъ мы изъ другихъ источниковъ [1]). За то нашъ историкъ сообщаетъ намъ драгоцѣнное свидѣтельство о томъ, въ чемъ собственно выжалась зависимость Славянъ отъ Византійской имперіи.

Около 865 г. послѣ междоусобій въ Хорватіи княземъ утвердился Демогой (Domogous); къ его правленію, вѣроятно, относится война съ Сарацинами въ Италіи и отнятіе у нихъ города Бара, и къ тому же времени (871 г.), принадлежитъ первая попытка Византійскаго императора вернуть свое прежнее вліяніе въ Далмаціи. Отправляя свою помощь въ Италію, Василій послалъ также патриція Никиту Оорифа[2]), съ тѣмъ, чтобъ онъ опустошилъ берега земли южныхъ Сербовъ, и именно Неречанъ, постоянно занимавшихся морскими разбоями, въ видѣ наказанія за то, что Наречане ограбили около того времени папскихъ легатовъ, возвращавшихся изъ Византіи. Вслѣдствіе этого распоряженія Василія, Людо икъ II послѣ взятія Бара написалъ ему письмо съ жалобой на беззаконныя дѣйствія его полководца въ „нашей", то-есть, Людовиковой, Склавеніи (nostra Sclavenia). Это заставляетъ предположить, что патриціи Никита побывалъ и въ предѣлахъ Хорватіи, которой король считалъ себя покровителемъ [3]). Но эта жалоба Людовика осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ на западѣ начались сильныя смуты (плѣненіе

---

[1]) Въ особенности изъ Венеціанской хроники (Johanni Chron. Venet.).

[2]) Константинъ, какъ мы видѣли, ложно приписываетъ этому полководцу начальство надъ флотомъ, посланнымъ въ 841 г. на помощь Рагузѣ.

[3]) По мнѣнію г. *Дринова*, этотъ поступокъ Василія доказываетъ, что „подчиненіе Далматинскихъ Славянъ Византіи не происходило такъ дружелюбно, какъ утверждаетъ Багрянородный" (Южн. Сл. и Виз., стр. 41).

Людовика)[1]. Въ 877 г. управляли Хорватіей уже сыновья Демогоя; но въ слѣдующемъ году Седеславъ (или Сдеславъ) изъ рода Терпиміра прибѣгъ къ помощи императора Василія, и изгнавъ ихъ, захватилъ власть. Онъ самъ отправился въ Византію, гдѣ императоръ утвердилъ его княземъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Седеславъ порвалъ всякую связь съ Римскою церковью и папой и перешелъ въ Византійскій патріархатъ. Примѣру Хорватовъ послѣдовали не только Сербы, но и далматинскіе города, такъ какъ и тѣ, и другіе при предшественникахъ Василія, какъ мы сказали, пріобрѣли почти полную независимость. Также и въ церковномъ отношеніи весь Иллирикъ, со включеніемъ далматинскихъ городовъ, призналъ своимъ духовнымъ главою патріарха Византійскаго. Все это вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство нашего историка[2]; его извѣстіе о томъ, что Славяне просили Василія крестить еще некрещеныхъ между ними несомнѣнно должно считаться, да и всѣми считается достовѣрнымъ. Но интересно знать, чѣмъ вызвано было такое знаменательное явленіе, и притомъ въ то время, когда уже начался серіозный разрывъ между западной и восточной церквами. Одни полагаютъ[3], что причиной того было исключительно исканіе покровительства Византійскаго императора, который своими мудрыми распоряженіями сумѣлъ расположить къ себѣ населеніе Иллирика, а другіе[4] утверждаютъ, что, кромѣ этой причины, была еще болѣе важная, а именно желаніе Славянъ, то-есть, Хорватовъ и Сербовъ, видѣть у себя славянское богослуженіе, уже утвердившееся тогда въ Болгаріи и Панноніи, гдѣ дѣйствовали первоучи-

---

[1]) *Dümmler*, 402—403; Ljubić, 14.

[2]) О возстановленіи византійской власти въ Иллирикѣ Константинъ свидѣтельствуетъ и въ Basil. Vita, c. 52, 54. О томъ же свидѣтельствуетъ Левъ VI (отецъ Константина) въ своей „Тактикѣ“: Ταῦτα δὲ (scil. σκλαβικὰ ἔθνη) ὁ ἡμέτερος ἐν θεία τῇ λήξει γενόμενος πατὴρ καὶ Ῥωμαίων αὐτοκράτωρ Βασίλειος τῶν ἀρχαίων ἐθῶν ἔπεισε μεταστῆναι καὶ γραικώσας καὶ ἄρκουσι κατὰ τὸν ῥωμαϊκὸν τύπον ὑποτάξας καὶ βαπτίσματι τιμήσας τῆς τε δουλείας ἐλευθέρωσε τῶν ἑαυτῶν ἀρχόντων καὶ στρατεύεσθαι κατὰ τῶν Ρωμαὶοις πολεμούντων ἐθνῶν ἐξεπαίδευσεν. Leonis imper Tactica (*Meursii* Op., VI, S. 806); см. *Hirsch*, ibid. 255—6.

[3]) Rački въ своемъ сочиненіи: Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskich Apoštoluv, 1859; *Голубинскій*, Кратк. Очеркъ ист. правосл. церквей и т. д., 1871, стр. 699 и примѣч.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 17; *Лавровскій*, Кириллъ и Меѳодій, стр. 501—505.

тели Кириллъ и Меѳодій. Предполагаютъ даже, что Меѳодій, путешествовавшій въ Римъ по смерти брата, проходилъ черезъ Далмацію. Это второе мнѣніе кажется довольно правдоподобнымъ, но очевидно, что причина эта никакъ не можетъ относиться къ далматинскимъ городамъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ славянскаго богослуженія; такимъ образомъ мотивы послѣднихъ въ ихъ разрывѣ съ Римомъ довольно неясны [1]).

Что касается извѣстія Константина объ окончательномъ крещеніи Славянъ при Василіи православными священниками, то повторяемъ—оно относится почти исключительно къ Сербскому племени, ибо между Хорватами въ то время врядъ ли оставались еще некрещеные. Съ княземъ Седеславомъ утвердился въ Хорватіи родъ Терпиміра, который дѣйствительно, какъ говоритъ Константинъ,—и при немъ еще имѣлъ своего представителя на престолѣ (въ лицѣ Томислава). Зависимость Хорватовъ отъ Византіи состояла, по свидѣтельству Константина, лишь въ томъ, что императоръ утверждалъ князей Хорватскихъ, не нарушая однако основного народнаго права избирать себѣ князя „изъ наиболѣе любимаго и почитаемаго рода“ [2]).

Посмотримъ теперь, что̀ намъ сообщаетъ Константинъ объ отношеніяхъ Хорватовъ къ далматинскимъ городамъ. Константинъ разказываетъ, что эти города существовали главнымъ образомъ обработкой земли сосѣднихъ островорвъ. Но занимавшіеся морскимъ разбоемъ Неречане или Паганы рѣшительно не давали имъ покою, такъ что они наконецъ оставили острова и стали воздѣлывать прибрежную землю на материкѣ; но тутъ имъ мѣшали Хорваты.

Такъ продолжалось до императора Василія; когда жители далматинскихъ городовъ жаловались ему на свое безвыходное положеніе, то онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ они не платили болѣе византійскому стратигу, какъ было до сихъ поръ, а платили бы Хорватамъ. Стратигу же они должны были платить только бездѣлицу для доказательства ихъ зависимости отъ Римскаго императора. Затѣмъ Константинъ перечисляетъ, какъ велика была дань, платимая Хорватамъ какъ каждымъ городомъ отдѣльно, такъ и всѣми вмѣстѣ.

---

[1]) *Лавровскій*, тамъ же, стр. 504—505.

[2]) Rački, Odlomci, 87; *Rambaud*, 462.

Замѣтимъ кстати, что судьба далматинскихъ городовъ имѣла довольно много общаго съ судьбой Хорватовъ. Впрочемъ развитію силъ и дѣятельности этихъ городовъ обстоятельства особенно благопріятствовали. Они очень недолго оставались подъ владычествомъ Франковъ (до 810 г.), и вслѣдствіе того, очень рано достигли внутренняго благоденствія и политической самостоятельности. Во время царствованія слабыхъ императоровъ первой половины IX в. эта самостоятельность еще болѣе окрѣпла. Но когда на Адріатическомъ морѣ появились Сарацины и стали опустошать берега Далмаціи, то и римскіе города должны были пострадать отъ ихъ нападеній, къ которымъ присоединились еще нападенія славянскихъ моряковъ (Хорватовъ и Неречанъ); тогда-то города почувствовали отсутствіе сильной руки, которая защитила бъ ихъ. Мы видѣли, что Рагуза уже въ 841 г. обращалась за помощью къ Византіи и получила ее.

Неудивительно, что когда славянскіе сосѣди этихъ городовъ, Хорваты и Сербы, вновь признали покровительство Византіи при Василіи (878 г.), то и города, особенно дорожившіе своимъ спокойствіемъ въ виду своихъ торговыхъ предпріятій, рѣшились добровольно послѣдовать ихъ примѣру, сознавая важныя преимущества находиться подъ защитой и покровительствомъ великой державы.

Что касается взаимныхъ отношеній Далматовъ и Хорватовъ, то отношенія эти никогда не были, да и не могли быть особенно дружественны. Свидѣтельство Константина, что Хорваты мѣшали жителямъ римскихъ городовъ пользоваться землею, находившеюся въ предѣлахъ ихъ владѣній, весьма характеристично, и достовѣрность его не можетъ быть заподозрѣна. Императоръ Василій, по свидѣтельству Константина, сдѣлалъ весьма мудрое распоряженіе, чтобы примирить враждовавшія стороны: онъ постановилъ, чтобы притѣсняемые жители городовъ платили Хорватамъ ту дань, которая шла прежде Грекамъ.

Безъ сомнѣнія, за это города получали право безпрепятственно обрабатывать тѣ земли, изъ за которыхъ до тѣхъ поръ были ссоры, хотя Константинъ и умалчиваетъ объ этомъ [1]). Константинъ не опредѣляетъ и времени этого событія. Надо думать, что оно прои-

---

[1]) *Mikoczi*, 384—385.

изошло еще при Седеславѣ [1]), то-есть, вслѣдъ за признаніемъ всѣмъ Иллирикомъ зависимости отъ Византіи. Подать была распредѣлена такимъ образомъ: Сплѣтъ платилъ 200 червонцевъ, Трогиръ—100, Задаръ—110, Осоръ—100, Рабъ—100, Кркъ—100, всего 710. Рагуза, какъ самая могущественная и самостоятельная община, платила всѣхъ меньше; она находилась среди сербскихъ владѣній, имѣла свои виноградники въ двухъ областяхъ (Захлумьѣ и Тервуніи) и платила каждой изъ нихъ по 36 червонцевъ [2]). Этими извѣстіями о городахъ далматинскихъ завершаются свидѣтельства Константина о Хорватахъ. Только нѣсколько упоминаній о нихъ встрѣчаются въ его повѣствованіи о событіяхъ въ Сербіи и Болгаріи. Но эти упоминанія относятся преимущественно уже къ эпохѣ, современной нашему писателю. А о положеніи вещей въ Хорватіи еще въ IX в. мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что дѣло князя Седеслава не упрочилось. Въ 879 г. онъ былъ убитъ Браниміромъ [3]), который отложился отъ Восточной церкви и отдался подъ покровительство Римскаго папы. Съ тѣхъ поръ Хорватія навсегда примкнула къ Риму. Въ политическомъ отношеніи Браниміръ также не хотѣлъ зависѣть отъ Византіи. Браниміру наслѣдовалъ Мутиміръ (Muncimirus), младшій сынъ Терпиміра, извѣстный своею грамотой, а послѣ него, около 915 г.—Томиславъ, отчасти современникъ Константина [4]).

Впродолженіе всего этого времени, какъ видно изъ сохранившихся свидѣтельствъ, Хорваты находились въ дружескихъ отношеніяхъ къ Сербамъ, и напротивъ того, во враждѣ съ Болгарами. По Константину, какъ мы увидимъ подробнѣе въ главѣ о Сербахъ, многіе князья сербскіе, вслѣдствіе междоусобицы въ своемъ отечествѣ, часто преслѣдуемые Болгарами, находили убѣжище въ

---

[1]) Съ этихъ поръ начинается особенное сближеніе элемента романскаго со славянскимъ; можетъ быть, города и не были вполнѣ довольны своимъ положеніемъ, но надо было помириться съ нимъ. Постепенное ослабленіе далматинскихъ городовъ было слѣдствіемъ этого сближенія.

[2]) Замѣчательно, что данниками Хорватовъ около того времени сдѣлались добровольно Венеціанцы; см. *Dümmler*, 405.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ, это былъ сынъ Терпиміра.

[4]) Константинъ не упоминаетъ объ этомъ князѣ потому, кажется, что онъ не былъ въ зависимости отъ Византіи.

Хорватіи. Хорваты также давали пріютъ у себя многимъ Сербамъ, бѣжавшимъ отъ опустошительнаго нашествія Болгаръ на ихъ страну. Вѣроятно, вслѣдствіе такого участія Хорватовъ въ бѣдствіяхъ Сербовъ, грозный царь Болгарскій Симеонъ (427 г.) отправилъ войско подъ начальствомъ Алогоботура противъ Хорватовъ, но походъ этотъ былъ совершенно неудаченъ. „Всѣ Болгары", говоритъ Константинъ,—„были перебиты Хорватами" [1]). Это свидѣтельство очевидно преувеличено, но оно во всякомъ случаѣ доказываетъ, что побѣда Хорватовъ была рѣшительная [2]).

---

[1]) Cap. 32, p. 158.

[2]) Уже во время печатанія нашего сочиненія мы имѣли случай познакомиться съ „Очеркомъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ" *И. Н. Смирнова* (Казань, 1880). Къ сожалѣнію, мы увидѣли изъ этого очерка, что предвзятое и неосновательное отношеніе къ нашему историку, проникшее недавно въ науку благодаря печальному заблужденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и г. Дринова, въ прекрасныхъ и вообще строго-научныхъ изслѣдованіяхъ котораго этотъ несправедливый взглядъ на Константина Багрянороднаго составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ,—что это отношеніе не осталось безъ послѣдователей.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе воззрѣній г. Смирнова, ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями. Г. Смирновъ не отнесся къ извѣстіямъ Константина Багрянороднаго съ подобающимъ вниманіемъ, осмотрительностью и безпристрастіемъ. Какъ можно заключить изъ его ссылокъ, онъ даже не имѣлъ въ рукахъ сочиненій Константина, а пользовался извлеченіями изъ него въ латинскомъ переводѣ у Штриттера. Такой способъ пользованія писателемъ, конечно, не только не ведетъ къ правильному уразумѣнію его свидѣтельствъ, но и не даетъ возможности составить себѣ о немъ сколько-нибудь ясное понятіе какъ о писателѣ и источникѣ. Уже на основаніи одного этого можно судить о томъ, имѣлъ ли авторъ право такъ рѣзко и докторально, такъ рѣшительно и развязно отвергать большинство извѣстій Константина Багрянороднаго, не называя ихъ иначе, какъ „сказками, не заслуживающими ни малѣйшаго довѣрія" (стр. 113). Слѣпо слѣдуя г. Дринову въ общей оцѣнкѣ трудовъ Константина, г. Смирновъ даже превзошелъ его отрицательнымъ отношеніемъ къ отдѣльнымъ показаніямъ и свидѣтельствамъ нашего писателя, такъ что извѣстіямъ Константина почти не дается мѣста въ очеркѣ древнѣйшей исторіи Хорватскаго племени, и авторъ почти исключительно держится западныхъ лѣтописцевъ. Очевидно, г. Смирновъ приступилъ къ своей работѣ съ готовымъ, предвзятымъ взглядомъ на Константина, какъ на фантазера, не заслуживающаго даже добросовѣстной критики, и не потрудился подвергнуть ни одного

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сербы. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго: I. О ихъ новыхъ жилищахъ. II. О ихъ судьбѣ съ VII по X вѣкъ.

I.

Къ Сербскому племени, согласно справедливому свидѣтельству Константина, мы причисляемъ, кромѣ собственныхъ Сербовъ, и остальныя небольшія славянскія племена, занимавшія южное Далматинское приморье отъ рѣки Цетиньи до рѣки Бояны и извѣстныя изъ Константина подъ слѣдующими названіями: Захлумцы (Ζαχλοῦμοι), Тервуняне или Травуняне и Конавляне (Τερβουνιῶται καὶ Καναλεῖται), Дукляне (Διοκλητιανοί), Нарентаны (Неречане) или Паганы (Арентаны, Ἀρεντανοί, Παγανοί) [1]). Мы видѣли, что доводы, приводимые нѣкоторыми хорватскими учеными въ доказательство того,

---

его свидѣтельства самостоятельному критическому разбору. Не пощадивъ Константина, авторъ не щадитъ и его лучшихъ критиковъ. Съ тою же легкостью и развязностью онъ объявляетъ, что всѣ они (Лучичъ, Шафарикъ, Голубинскій и др.) заблуждались и „безъ критики" вѣрили баснямъ Константина. Къ тому же множество ученыхъ трудовъ, разбирающихъ извѣстія Константина, остались, очевидно, вовсе неизвѣстны г. Смирнову (изъ прежнихъ: Бандури, Энгель, Микоци, Цейсъ и др.; изъ новыхъ: Дюмлеръ, Любичъ, Краузе, Рамбо и др.). Уже и этихъ немногихъ замѣчаній достаточно для читателя, чтобы видѣть „на сколько авторъ"- выражаясь его собственными словами въ предисловіи—„овладѣлъ предметомъ, удовлетворительны ли его научные пріемы, выборъ, группировка и освѣщеніе фактовъ".

[1]) Къ нимъ собственно можно отнести и Босняковъ, такъ какъ Босна (τὸ χωρίον Βόσωνα) упоминается Константиномъ, какъ отдѣльная область.

*

что эти племена принадлежать не Сербскому, а Хорватскому племени, слишкомъ мало убѣдительны, чтобъ опровергнуть ясное свидѣтельство Константина [1]) и другія соображенія, его подкрѣпляющія. Во всякомъ случаѣ, въ историческомъ отношеніи эти славянскія области такъ тѣсно связаны съ Сербскимъ княжествомъ, что ихъ судьбы естественно должны быть разсматриваемы рядомъ.

Константинъ, по своей страсти къ этимологическимъ производствамъ, не забываетъ остановиться и на имени Сербовъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ: „Сербы (Σέρβλοι) на римскомъ (то-есть, латинскомъ) языкѣ прозываются рабами (servi, δοῦλοι). Оттуда и *сербулами* (σέρβουλα) въ общемъ употребленіи называются башмаки рабовъ, а *цербуліанами* (τζερβουλιανοί) — тѣ, кто носятъ дешевую и бѣдную обувь. Это прозвище Сербы получили потому, что были рабами Римскаго императора“ [2]). Такое сближеніе славянскаго имени *Сербъ* съ латинскимъ servus, весьма распространенное въ древнее время и между современниками Константина, разумѣется, совершенно противно здравому смыслу, такъ что никто изъ ученыхъ не трудился и опровергать его. Однако, напрасно многіе приписывали это сближеніе самому Константину [3]). Послѣдній приводитъ только объясненіе этого имени у Римлянъ: рабами (servi) прозвали-де Сербовъ Римляне потому, что они были подвластны Римскому императору [4]). Для насъ это мѣсто Константина представляетъ нѣкоторый интересъ и въ другомъ отношеніи. Здѣсь мы находимъ сближеніе имени *Сербовъ* съ основой „сербул“, которая является у Ко̀нстантина разъ въ формѣ σερβουλ, а другой разъ въ формѣ τζερβουλ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе уже Добровскій, и его соображеніе на столько любопытно, что считаемъ не лишнимъ привести его собственныя слова [5]): „Константинъ“, говоритъ Добровскій,— „производитъ имя σερβλοι“ не непосредственно отъ славянскаго *сер*-

---

[1]) Оно повторяется въ началѣ каждой изъ главъ, посвященныхъ этимъ племенамъ: 33-й, 34-й, 35-й, 36-й.

[2]) De adm. imp., c. 32, p. 152—153.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др. I, кн. 1, 160; *Rambaud*, 76 и друг.

[4]) Такъ понималъ это мѣсто и *Гедеоновъ* въ своемъ сочиненіи: О Варяжскомъ вопросѣ; см. *Зап. Имп. Акад. Н.*, т. I, кн. 2, стр. 28.

[5]) *Dobrowski* въ *Engel's* Gesch. v. Serb., 153.

була, но отъ латинскаго servus, servi [1]); а отъ „серблovъ" происходитъ родъ обуви „сербула" и „сербуліаны" [2]); но такъ какъ онъ пишетъ τζερβοὐλ, то видно, что онъ смѣшалъ два совершенно различные корня srb (serb) и crew. Притомъ τζερβοῦλα есть очевидно иллирское zrevglja. Константинъ и въ другихъ случаяхъ пишетъ βου вмѣсто w, такъ какъ у Грековъ нѣтъ звука w, по крайней мѣрѣ—славянскаго, который заключаетъ въ себѣ еще призвукъ u [3]). Послушайте только, какъ Краинецъ произноситъ слово zreul, башмакъ. Наше trewic, strewic и польское trzewik происходитъ также отъ črew, crew. Константинъ переставляетъ только гласную и пишетъ τζερβοῦλα вмѣсто τζρεβοῦλα".

Что касается настоящаго происхожденія имени Сербъ (у Константина: Σέρβλοι, Иллирскіе Сербы; Σέρβιοι Русскіе Сербы; Σερβλια—земля) [4]), то оно очень темно и принадлежитъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ народнымъ названіямъ Славянъ. Мы встрѣчаемъ его уже у Плинія (Serbi) и Птоломея (Serbi, Sirbi) [5]). Затѣмъ, почти нѣтъ болѣе сомнѣнія, что подъ „Спорами" Прокопія [6]) слѣдуетъ также разумѣть „Сербовъ". Надъ объясненіемъ этого имени трудились очень много, какъ древніе, такъ и новые ученые, но всѣ ихъ попытки оставались тщетными [7]). Довольно сказать, что всегда проницательный и остроумный Добровскій не могъ прійдти ни къ какому удовлетворительному выводу, въ чемъ и самъ сознавался [8]).

---

[1]) Итакъ, и Добровскій тутъ ошибался, приписывая это толкованіе самому Константину.

[2]) Это замѣчаніе Добровскій дѣлаетъ на слова Энгеля (тамъ же, 144), который, не вникнувъ хорошенько въ объясненіе Константина, говоритъ, что „онъ производитъ имя Сербовъ отъ serbula, обуви, которую носили рабы".

[3]) Дѣйствительно, примѣръ такого же употребленія звука βου вмѣсто w (или wъ) мы находимъ у Константина еще хотя бы въ названіи днѣпровскаго порога 'Οστροβουνίπραχ вм. Ostrowniprach=Островъни—прагъ.

[4]) У Кедрина Σέρβιοι, у Анны Комниной Σέρβοι.

[5]) *Шафарикъ*, I, 162, 289.

[6]) Объ этимологическомъ объясненіи Прокопіемъ этого имени см. *Гедеоновъ*, въ назв. соч., стр. 28—29.

[7]) Сравн. *Коларъ* (Rospr., 180); *Энгель*, Gesch. v. Serb., 144—146; догадка *Zeuss*'a, 607—608.

[8]) Institut. l. Slav., 154—155; *Шафарикъ*, I, кн. 1, 288—299. Тутъ же подробный перечень всѣхъ формъ имени Сербовъ.

Послѣ него этотъ вопросъ подвергся тщательному изслѣдованію Шафарика [5]). Знаменитый ученый пришелъ къ выводу, который, если и не можетъ считаться послѣднимъ словомъ науки, все-таки долженъ быть признанъ весьма вѣроятнымъ. Этотъ выводъ есть производство слова „Сербъ" отъ корня *сер* (ser), являющагося также въ русскомъ *пасербокъ*, *пасербиса*, пол. pasierb, pasierbica и т. д. Всѣ эти слова сложены изъ предлога „па" и существительнаго *сербъ*, корень котораго есть *сер* (того же корня сиръ, сирый). Этотъ корень значитъ (подобно и корню „сынъ") *родить*, *производить*, а оттуда сл. Сербы—родъ, племя. Однако Даничичъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и производитъ имя Сербовъ отъ того же корня *sar*, отъ котораго, какъ мы видили, выводитъ и имя Хорватовъ [1]).

Перейдемъ теперь къ разбору свидѣтельствъ Константина о *жилищахъ* Сербовъ въ Иллирикѣ. Съ начала займемся собственной Сербіей, а затѣмъ отдѣльно каждымъ изъ остальныхъ племенъ, приводя каждый разъ извѣстія Константина его собственными словами:

Сербія (въ тѣсномъ смыслѣ).

Въ 30-й главѣ, перечисливъ подъ-рядъ, начиная съ сѣвера, всѣ земли Далмаціи, Константинъ продолжаетъ:

> „Сербія же находится на челѣ (то-есть, къ востоку) всѣхъ другихъ земель, къ сѣверу она граничитъ съ Хорватіей, къ югу съ Болгаріей" (c. 30, p. 146).

Въ концѣ 32-й главы, посвященной исключительно Сербамъ, онъ говоритъ:

> „Въ крещеной Сербіи находятся слѣдующіе обитаемые города: Дестиникъ (Δεστινίκον), Цернабуска (Τζερναβουσκεή), Мегюретъ (Μεγυρέτους), Дреснеикъ (Δρεσνεήκ), Лесникъ (Λεσνήκ), Салинесъ (Σαληνές), а въ области Босны (Βόσωνα)— Катера (Κάτερα), Десникъ (Δεσνήκ)" (c. 32, p. 159).

Надо также принять во вниманіе показаніе Константина въ той же главѣ, что сыновья Сербскаго князя Мунтиміра проводили Бориса, князя Болгарскаго, „до границы, то-есть, до Расы" (ἕως τῆς Ῥάσης, c. 32, p. 154-5).

Какъ мы видѣли, Сербы, прибывъ въ Иллирикъ нѣсколько позже

---

[1]) Daničić, Osnove srb. ili hrv. jez., p. 370; см. выше, стр. 88.

Хорватовъ (635—640 гг.), расположились главною своею массою на востокъ отъ нихъ, а затѣмъ нѣкоторыя части ихъ племени распространились на юго-западъ къ морю и постепенно заняли все пространство на югъ отъ р. Цетиньи до Антибара, гдѣ хотя уже и были хорватскія поселенія, но столь рѣдкія, особенно далѣе къ югу, что сербскій элементъ, несравненно болѣе многочисленный, легко возобладалъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ различныхъ преимущественно территоріальныхъ условій, и образовались отдѣльныя области, получившія мѣстныя названія отъ своего положенія (Наречане отъ рѣки, Захлумцы отъ гористой мѣстности, Дукляне отъ города и т. д.). Такъ, по крайней мѣрѣ, всего естественнѣе объяснять себѣ происхожденіе этихъ областей.

Мы постараемся, на основаніи свидѣтельствъ Константина, на сколько возможно, опредѣлить границы прежде всего внутренней Сербіи. Задача эта представляетъ не мало затрудненій, такъ какъ показанія Константина о нихъ очень скудны и неопредѣленны. О границахъ собственной Сербіи онъ говоритъ только, что она лежитъ на востокъ отъ прочихъ земель, то-есть, Хорватіи и приморскихъ (сербскихъ) областей, къ сѣверу граничитъ съ Хорватіей, а къ югу съ Болгаріей. О восточной границѣ онъ не говоритъ ни слова.

Итакъ, *на сѣверъ* Сербія прилегала къ Хорватіи, подъ которою, конечно, можно разумѣть только Посавскую Хорватію и Славонію. Границею между ними была рѣка Сава, приблизительно отъ впаденія въ нее Вербаса до устьевъ Савы, то-есть, до Дуная; впрочемъ, владѣнія Сербовъ не простирались до самаго Дуная, и Бѣлградъ со своимъ округомъ принадлежалъ сначала Грекамъ, потомъ Болгарамъ, а Сербамъ достался только въ XIV вѣкѣ. Другихъ поясненій эта сѣверная граница, кажется, не требуетъ.

На западъ Сербія граничила съ Хорватіей и остальными сербскими областями—Неретвой, Захлумьемъ, Тервуніей и Дуклей, которыхъ отдѣляли отъ нея Динарскія горы. На вопросъ о границѣ между Сербіей и Хорватіей было уже отвѣчено при опредѣленіи восточной границы второй изъ нихъ. Остается прибавить, что съ высказаннымъ нами мнѣніемъ согласуется и то, что̀ мы почерпаемъ изъ разныхъ источниковъ относительно западной границы Сербіи или въ частности Босны. Тѣ доказательства и со-

ображенія, которыя приводятся Новаковичемъ въ пользу этого мнѣнія (что поселенія Сербовъ издавна простирались на западъ и за рѣку Вербасъ), заслуживаютъ полнаго вниманія [1]). Только относительно позднѣйшей судьбы этого края мы не раздѣляемъ его взгляда. Мы считаемъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что эта сербо-хорватская граница не была одна и та же въ VII и IX вв. Какъ мы выше видѣли, надо полагать [2]), что Босна, то-есть, земля между Вербасомъ и Дриной [3]), составляла одно время (въ эпоху могущества Хорватіи) часть владѣній Хорватовъ, а потомъ уже (во второй половинѣ IX вѣка) обратно перешла въ руки Сербовъ. Итакъ, повторяя вкратцѣ все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующему общему заключенію: Хорватское племя первоначально (около 635 г.) не простиралось на востокѣ далѣе горнаго хребта, идущаго съ сѣвера на югъ между Унной и Вербасомъ. На востокъ отъ этой границы расположились Сербы (638 г.), но вѣроятно, поселенія ихъ въ этой мѣстности, то-есть, по обѣимъ сторонамъ Вербаса и до р. Босны, были не особенно многочисленны, такъ что часть отдѣлившихся (640 г.) отъ главной массы Хорватовъ могла поселиться въ этой странѣ (по Константину въ „Иллирикѣ"). Можетъ быть, отчасти благодаря этому хорватскому элементу, Хорватія въ періодъ высшаго развитія своихъ силъ и могущества (въ IX в.) овладѣла этою территоріей и нѣкоторое время имѣла границею рѣку Дрину. Однако, впослѣдствіи, какъ извѣстно, Босна окончательно возвратилась къ Сербамъ, хорватскій элементъ слился съ сербскимъ, и въ X вѣкѣ границей Сербіи была опять прежняя черта на западъ отъ р. Вербаса.

Не легче опредѣлить по Константину южную и восточную границы собственной Сербіи. *На югъ* (вѣрнѣе—юговостокѣ) Сербія граничила съ Болгаріей. Но гдѣ же начиналась Болгарія? Тутъ насъ выручаетъ нѣсколько показаніе Константина, что сыновья Сербскаго князя Мунтиміра проводили князя Болгарскаго Бориса до границы, то-есть, до Расы (ἕως τῆς Ῥάσης); то долженъ былъ

---

1) Српск. Обл., стр. 93—109.

2) *Dümmler*, 372—373; Rački, Odlomci, 18—19.

3) О границахъ Босны въ то время и позднѣе см. *Новаковичъ*, тамъ же, 125—130.

быть городъ, нынѣшній Нови-Пазаръ (Новый Базаръ), находившійся въ жупѣ Расѣ, на рѣкѣ Рашкѣ, лѣвомъ притокѣ рѣки Ибра. Съ этимъ указаніемъ вполнѣ согласны свидѣтельства Дуклянскаго пресвитера, по словамъ котораго Сербія на востокѣ (или юго-востокѣ), простиралась до *Лапіи* и *Лаба* (ad Lapiam et Lab). Лабъ, по мнѣнію Новаковича, была, можетъ быть, жупа на нынѣшней рѣкѣ Лабѣ, а Лапія, по всей вѣроятности, есть то же, что́ Липьанъ, Липлıанъ, какъ называлась нѣкогда Приштинская область [1]). Такимъ образомъ можно думать, что южною границей Сербіи была приблизительно черта, проведенная отъ устьевъ рѣки Рашки прямо на западъ къ предѣламъ Тервунской области, то-есть, она почти совпадала съ южною границей нынѣшней Босніи и отчасти Герцеговины [2]).

Что касается *восточной* границы, то опредѣлить ее при существующихъ данныхъ—всего труднѣе. Эту границу довольно подробно разбираетъ Шафарикъ [3]), доказывая, что далѣе къ сѣверу восточною границей Сербскаго племени была Нижняя Морава. Однако другіе изслѣдователи [4]) полагаютъ, что предѣлы сербскихъ владѣній не доходили до Моравы, а простирались только до рѣки Колубары. Въ этомъ случаѣ мнѣніе Шафарика кажется намъ справедливѣе, судя по положенію одного города, упоминаемаго Константиномъ (именно Μεγυρέτους), который, какъ мы увидимъ, по всей вѣроятности, находился не далеко отъ рѣки Моравы.

Здѣсь кстати упомянуть о заблужденіи Цейса и Дюмлера [5]), которые къ Сербскому племени относили нѣкоторыхъ Подунайскихъ Славянъ, а именно Бодричей, Браничевцевъ и Тимочанъ, тогда какъ можно положительно сказать, что эти племена принадлежали къ вѣтви Славянъ Мизійскихъ, и по приходѣ Болгаръ полу-

---

[1]) Нынѣ въ томъ краю есть еще село *Лабльанъ*, *Лаблье село*, которое фонетически сродно съ названіемъ *Липльанъ* (Льплıань). *Новаковичъ* тамъ же, 111—113.

[2]) Подробныя соображенія объ этой сербо-болгарской границѣ—у *Новаковича*, ibid., 113—125.

[3]) Сл. Др., II, кн. 1, 427—429.

[4]) *Гильфердингъ*, Письма, в. I, 16; съ нимъ соглашается и *Дриновъ*, 157, примѣч.

[5]) *Zeuss*, Die Deutsch., 614—615; *Dümmler*, 376.

чили общее названіе Болгарскихъ Славянъ [1]). Обращаясь къ разсмотрѣнію городовъ, называемыхъ Константиномъ въ Сербіи, мы должны замѣтить, что при отысканіи ихъ мѣстоположенія, не слѣдуетъ слишкомъ выступать изъ тѣхъ предѣловъ, которыми мы, по показаніямъ Константина, опредѣлили территорію собственной Сербіи; отысканіе этихъ городовъ внѣ означенныхъ границъ повело бы только къ большей путаницѣ и заблужденіямъ [2]).

Δεστινίκον (Destinikon), Дестиникъ, въ другомъ мѣстѣ у Константина Δοστινίκα [3]), древняя столица Сербскаго князя, по мнѣнію Шафарика, есть *Десница* (въ грамотѣ Сигизмунда 1426 г.—Thysnitza), которую надо искать у низовьевъ рѣки Дрины, гдѣ теперь селенія Деснѣ и Десна. Противъ этого опредѣленія возстаетъ Новаковичъ. Онъ приводитъ основательныя причины, по которымъ какъ этотъ, такъ и слѣдующій городъ, слѣдуетъ искать въ южныхъ частяхъ Сербіи, въ области рѣки Рашки, около Расы. Здѣсь и впослѣдствіи былъ центръ восточной Сербіи (съ столицей Расой), и по всей вѣроятности, въ этомъ же краѣ были и прежде столичные города, однимъ изъ которыхъ (въ IX—X вѣкахъ) былъ и Δεστινίκον. Можетъ быть, потому Константинъ и помѣстилъ его на первомъ мѣстѣ, что онъ былъ первымъ по порядку—на пути изъ Византіи въ Сербію. Что касается самаго его мѣстоположенія, то и Новаковичъ сознается, что ему не удалось отвѣтить на этотъ вопросъ. Его указаніе на *Дежеву* представляетъ догадку, не нашедшую себѣ еще никакого подтвержденія [4]).

Τζερναβουσκεή (Tzernabuskei), вѣроятно—Чернабуча (Црнобуча, то-есть, Црно-Бучје), но гдѣ лежалъ этотъ городъ—положительно не извѣстно [5]). Новаковичъ предполагаетъ его также въ области Рашки. Въ сѣверной Босніи есть деревня Бѣлабуча [6]).

---

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 343 и слѣд.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 137.

[3]) Cap. 32, p. 156.

[4]) *Новаковичъ*, ibid., 144—146.

[5]) *Шпрунеръ* на своей картѣ (Ист.-Геогр. Атласъ, изд. 1846) ставитъ его предположительно нѣсколько на юго-востокъ отъ устья рѣки Дрины.

[6]) Но если принять во вниманіе, что у Константина звукъ βου часто соотвѣтствуетъ слав. ѫ, то можетъ быть, подъ этимъ именемъ (Τζερναβουσκεή) надо разумѣть что-либо въ родѣ *Чернавска*.

Μεγυρέτους (Megyretus), вѣроятно—Међуречје (Межерѣчье). По весьма возможному предположенію Шафарика, этотъ городъ есть нынѣшняя слобода Међуречье въ Ягодинскомъ краѣ, на западъ отъ Моравы. Новаковичъ также не могъ подыскать никакого иного мѣстоположенія для этого города, но не считаетъ возможнымъ до тѣхъ поръ рѣшительно высказаться за него, пока не откроется въ его окрестностяхъ какихъ-нибудь очевидныхъ остатковъ стариннаго города [1]. Впрочемъ онъ указываетъ еще на другое Међуречье въ Крушевацкомъ округѣ и на *Маглич* на правомъ берегу Ибра.

Δρεσνεήκ (Dresneik). Дресникъ, какъ думаютъ, есть нынѣшній Дрежникъ въ Ужицкомъ округѣ (въ грам. Дрьсникъ). Названіе находящейся близъ него горы „Градина" свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ, вѣроятно были развалины какого-нибудь стариннаго города [2].

Λεσνήκ (Lesnik), Лесникъ или Лешникъ, по Шафарику—нынѣшній городъ Лешница на р. Ядрѣ, притокѣ Дрины, въ Шабацкомъ округѣ. Однако Новаковичъ не согласенъ съ этимъ опредѣленіемъ. Кромѣ этой Лешницы, есть еще двѣ по близости, на правомъ берегу Дрины: одна—подъ горой *Видојевице* въ Шабацкомъ округѣ, другая—рѣчка Лешница, въ Подринскомъ округѣ. Всѣ онѣ группируются около горы Видојевицы, на которой расположенъ городъ *Видинградъ*. Въ немъ-то Новаковичъ и видитъ Константиновъ Λεσνήκ [3].

Σαληνές (Salines), нынѣ Соли, по турецки Тузла, въ сѣверовосточной Босніи.

Въ Боснѣ (χωρίον Βόσωνα, у Киннама Βόσθνα), составлявшей особую область по обѣимъ сторонамъ рѣки Босны [4], Константинъ упоминаетъ два города [5].

---

[1]) *Новаковичъ*, ibid., 140—142. Предположеніе *Томашека* (Miscellen aus der alten Geographie) о названіи древней муниципіи (на мѣстѣ нын. Пожеги) *Macurete* или *Magureti* должно быть совершенно отвергнуто, какъ основанное на ошибочномъ представленіи о *рѣчкѣ* Међуречьи, которой въ дѣйствительности вовсе не было.

[2]) *Новаковичъ*, 142.

[3]) *Новаковичъ*, 140.

[4]) *Новаковичъ*, 125—130.

[5]) *Любичъ*, считающій Босну хорватскою страною, читаетъ это мѣсто такъ, что „Сербы имѣли еще въ Боснѣ два города, Которъ и Десницу" (*Rad*, XLIII, l. c., p. 114). Очевидно—это натяжка.

Κάτερα (Katera), по Шафарику нынѣшній Kotorsko на рѣкѣ Боснѣ (прежде назывался будто бы Которицей). Юкичъ въ географическомъ описаніи Босніи упоминаетъ о нѣкогда славномъ городѣ *Которъ* въ Сараевской нахіи. Есть еще городъ *Которъ* на рѣкѣ Врбаньѣ, правомъ притокѣ Вербаса. Новаковичъ полагаетъ, что такъ какъ въ Которѣ близъ Сараева нѣтъ никакихъ остатковъ старины, то скорѣе слѣдуетъ считать Κάτερα за Которъ на р. Врбаньѣ; близъ него есть и село Коториште [1]).

Δεσνήκ (Desnik), по мнѣнію Шафарика, Тешань (Дешань), на западъ отъ рѣки Босны (на рѣчкѣ, впадающей въ Усору). Въ памятникахъ среднихъ вѣковъ встрѣчается Десна (Тесна), *Деснак*. Судя по написанію Константина, имя его въ то время имѣло форму *Тесник*.

Упоминаемый Константиномъ городъ Раса [2]) (Rasa) есть нынѣшній Нови-Пазаръ на рѣкѣ Рашкѣ. Это была извѣстная столица Нѣманичей [3]).

Перейдемъ къ остальнымъ сербскимъ племенамъ, занимавшимъ отдѣльныя области въ южной Далмаціи. Разберемъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ о нихъ повѣствуетъ нашъ историкъ.

Захлумцы (Ζαχλοῦμοι).

„Отъ Рагузы начинается княжество (ἡ ἀρχοντία) Захлумцевъ и простирается до рѣки Оронтія (Неретвы) и своею приморскою частью граничитъ съ Паганами, со стороны горъ, на сѣверѣ (Πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ εἰς ἄρκτον) сосѣдитъ съ Хорватами, а на востокѣ съ Сербіей“ (с. 30, р. 145).

„....Захлумцы суть Сербы со времени того князя, который обратился къ Римскому императору Ираклію. Захлумцами они называются отъ такъ-называемой горы Хлума [3]), а иначе слово Захлумцы на славянскомъ языкѣ значитъ „живущіе за холмомъ“ (ὀπίσω τοῦ βουνοῦ), ибо въ той странѣ есть большой

---

[1]) *Новаковичъ*, 138—139.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что Раса Константина есть не городъ, а рѣка (нынѣ Рашка), но для этого нѣтъ основанія.

[3]) Перечень другихъ древнихъ топографическихъ названій Сербіи по разнымъ источникамъ у *Шафарика*, II, кн. 1, 432—434.

[4]) ἀπό ὄρους οὕτω καλουμένου Χλούμου.

холмъ, на вершинѣ котораго есть два города: Бона (Βόνα) и Хлумъ (Χλούμ); сзади холма протекаетъ рѣка по имени Бона, что значитъ καλὸν.

„Родъ проконсула и патриція Михаила, сына Βουσεβούτζη (Вышевича?), князя Захлумцевъ, пришелъ отъ некрещеныхъ жителей по р. Висласъ (Βίσλας), называемой и Дицикой (Διτζίκη), и поселился на такъ называемой рѣкѣ Захлумѣ (Ζαχλούμα)".

„Въ Захлумской области находятся слѣдующіе населенные города: Стагнъ (Σταγνόν), Мокрискикъ (Μοκρισκίκ), Іосле (Ἰοσλή), Галумайникъ (Γαλουμαΐνικ) и Добрискикъ (Δοβρισκίκ)" (c. 33, p. 160—161).

Свидѣтельства Константина даютъ слѣдующее понятіе о положеніи области Захлумья (или Захолмія) [1]. Она простиралась отъ г. Рагузы, который находился на границѣ Захлумья и Тервуніи, на сѣверъ и сѣверо-западъ до р. Оронтія, то-есть, Неретвы, занимая большую часть юго-восточной половины нынѣшней Герцеговины. Константинъ говоритъ, что со стороны моря Захлумцы граничатъ съ Паганами; дѣйствительно, морское побережье по обѣимъ сторонамъ устья Неретвы принадлежало Неречанамъ или Паганамъ. Это *Приморье* Неречанъ простиралось на югъ приблизительно до г. Стона. Далѣе, по Константину, Захлумцы сосѣдятъ *со стороны горъ съ Хорватіей*. Это опредѣленіе довольно неясно. Тутъ, пожалуй, можно бы разумѣть самый сѣверный уголъ Захлумской области, на Неретвѣ, тамъ, гдѣ эта рѣка, имѣвшая сначала направленіе отъ юго-востока на сѣверо-западъ, дѣлаетъ крутой поворотъ прямо на югъ, и гдѣ Захлумье могло на самомъ незначительномъ пространствѣ соприкасаться съ Хорватіей. Однако такое объясненіе не всѣми считается вполнѣ удовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ (въ разказѣ о границахъ Захлумья и вслѣдъ затѣмъ земли Пагановъ) перепутанъ, но съ помощью извѣстной перестановки (строкъ — въ Боннскомъ

---

[1]) Во времена Константина Захлумье простиралось только на югъ отъ р. Неретвы, но при пресвитерѣ Дуклянскомъ Паганіи или Неретвы уже не было, а большая часть ея также принадлежала къ Захлумской области. Неретвой Дуклянинъ называетъ только мѣстность по верхнему теченію рѣки этого имени. *Новаковичъ*, ibid., 61.

изданіи Константина) можно прочесть его такъ, какъ мы перевели его. Новаковичъ исправляетъ это мѣсто нѣсколько иначе, такъ что въ его чтеніи выходитъ, что Захлумье со стороны горъ граничило только съ Сербіей, а не съ Хорватіей; съ послѣднею же граничила съ сѣвера область Неречанъ [1]).

Восточною или вѣрнѣе сѣверо-восточною границей Захлумья былъ хребетъ горъ, отдѣляющій эту область отъ собственной Сербіи. Болѣе точнаго опредѣленія этой границы, на основаніи Константина, дать не возможно [2]). Наконецъ на югъ и юго-востокъ Захлумское княжество граничило съ Тервуніей.

Вникнувъ въ объясненіе Константина имени Захлумцевъ [3]) (Захолмцевъ), легко замѣтить, что онъ представляетъ въ сущности двоя-

---

[1]) Вотъ текстъ (съ перестановкой) соотвѣтствующій нашему переводу: Ἀπὸ δὲ τοῦ Ῥαουσίου ἄρχεται ἡ ἀρχοντία τῶν Ζαχλούμων καὶ παρεκτείνεται μέχρι τοῦ Ὀροντίου ποταμοῦ, καὶ πρὸς μὲν τὴν παραθαλασσίαν πλησιάζει τοῖς Παγανοῖς, πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ εἰς ἄρκτον μὲν πλησιάζει τοῖς Χρωβάτοις, εἰς κεφαλὴν δὲ τῇ Σερβλίᾳ. ἀπὸ δὲ τοῦ Ὀροντίου ποταμοῦ ἄρχεται ἡ Παγανία, καὶ παρεκτείνεται μέχρι τοῦ ποταμοῦ τῆς Ζεντίνας, τρεῖς ἔχουσα ζουπανίας, τὴν Ῥάστωτζαν καὶ τὸ Μοκρὸν καὶ τὸ Δαλέν etc. Новаковичъ (ibid., стр. 31—32) предлагаетъ такую перемѣну: въ первой половинѣ этого періода послѣ словъ: πλησιάζει τοῖς Παγανοῖς читать только: πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ τῇ Σερβλίᾳ; а предложеніе εἰς ἄρκτον μὲν πλησιάζει τοῖς Χρωβάτοις, εἰς κεφαλὴν δὲ τῇ Σερβλίᾳ онъ относитъ къ описанію границъ Паганіи, присоединяя его посредствомъ союза καὶ къ самому концу періода — послѣ словъ καὶ τὸ Δαλέν. При такомъ чтеніи выходитъ, что и Захлумье, и Паганія со стороны горъ (выраженія πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ и εἰς κεφαλὴν — тожественны по смыслу) примыкали къ собственной Сербіи, тогда какъ при первомъ чтеніи съ Сербіей граничило только Захлумье, а про Паганію этого не говорится, потому естественно, что этого и не могло быть при соприкосновеніи Захлумья съ Хорватіей. И то, и другое чтеніе, какъ намъ кажется, одинаково возможны, и мы не можемъ согласиться, чтобы второе заслуживало рѣшительнаго предпочтенія передъ первымъ.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 59. Вообще страны подъ горами, отдѣлявшими приморскія сербскія области отъ собственной Сербіи, Константинъ совсѣмъ не знаетъ. Она подъ именемъ „Подгорья" подробно описана у Дуклянскаго пресвитера; ibid., 68—87.

[3]) У Кедрина испорч. Ζαχλοῦμβοι; Пресвитеръ Дуклянскій называетъ эту область также Chelmaniana или Chelmania, у Мавро Орбини—Chelmo, въ сербскихъ памятникахъ Захльмиıа, Хльмьска земліа.

кое объясненіе. Съ одной стороны, онъ производитъ Захлумцевъ отъ горы, которой собственное имя „Хлумъ“ (Χλοὺμ), такъ что Захлумцами называется народъ, живущій за горой Хлумомъ, съ другой стороны Константинъ объясняетъ, что Захлумцами, то-есть, Захолмцами называются на славянскомъ языкѣ тѣ, которые живутъ за холмомъ, то-есть, горой (ὀπίσω τοῦ βουνοῦ), слѣдовательно, судя по этому Захлумцы получили свое имя просто потому, что жили за горой или большимъ холмомъ, который находился, по свидѣтельству Константина же, въ той странѣ. И то, и другое объясненіе можетъ имѣть свое основаніе. Весьма возможно, что первоначально это племя было такъ названо дѣйствительно только потому, что поселилось за хребтомъ горъ, проходящихъ черезъ эту страну [1]), но вскорѣ затѣмъ нарицательное имя *холмъ* (сербскій хумъ) [2]) могло обратиться въ собственное (Константиновъ „Хлумъ“), будучи отнесено къ какой-либо опредѣленной горѣ или холму. Что въ дѣйствительности *Холмъ*, вѣроятно, сталъ собственнымъ именемъ, на это указываетъ упоминаемый Константиномъ городъ (не деревня ли?) Хлумъ, расположенный будто бы на этой горѣ, также рѣка Захлума, теченіе которой Константинъ болѣе точно не опредѣляетъ, и наконецъ, то обстоятельство, что древніе памятники представляютъ намъ такія выраженія, какъ Chulmiae ducatus Chulmorum dux [3]) и т. д. Да и теперь встрѣчается въ той странѣ названіе Хумъ (Хлумъ) [4]). Что касается рѣки Захлумы (Загумшти-

---

[1]) Вѣроятно, они были названы такъ своими сѣверными сосѣдями (Неречанами), ибо горы, о которыхъ идетъ рѣчь, идутъ кажется вдоль р. Неретвы, а на сѣверъ отъ нихъ уже начинаются предѣлы Неречанъ. Надо имѣть въ виду, что безымянный Дуклянецъ знаетъ Заклумье подъ именемъ Подгорья.

[2]) Форма „Хлумъ“ у Константина доказываетъ, что въ то время *л* еще, произносилось (теперь *хумъ*).

[3]) *Dümmler*, 377, прим. 4.

[4]) *Новаковичъ* (ibid, 34—40) подробно изслѣдуетъ вопросъ, гдѣ находился Константиновъ Χλοὺμ. Нынѣшній Хумъ повыше Мостара, на правомъ берегу Неретвы, онъ не считаетъ ему тожественнымъ—по разнымъ основательнымъ причинамъ. По всѣмъ признакамъ всего болѣе подходитъ подъ описаніе Χλοὺμ'а Константина г. *Благай* на горѣ, съ которой течетъ рѣка по имени Буна; это, какъ говоритъ Новаковичъ,—старый и еще

ца?), то Шафарикъ говоритъ [1]), что по нѣкоторымъ извѣстіямъ эта рѣка протекаетъ долиной, называемой Попово, и теряется въ р. Требинштицѣ. Константинъ упоминаетъ еще о рѣкѣ *Бонѣ* (Βόνα) и городѣ (опять не селеніе ли?) того же имени на горѣ Хлумѣ. И теперь есть рѣка Буна, притокъ Неретвы съ лѣвой стороны, впадающая въ нее пониже г. Мостара. На этой рѣкѣ недалеко отъ ея устья есть мѣстечко Буна, но конечно, еще вопросъ, можно ли его отожествлять съ городомъ, упоминаемымъ Константиномъ [2]). Этимологія имени Бона, предлагаемая нашимъ историкомъ, очевидно невѣрна. По вѣроятному предположенію Шафарика, имя Буны происходитъ отъ слова *бунъ*, что̀ значитъ известь.

О происхожденіи рода Захлумскихъ князей съ р. Вислы или Дицики (Дичицы) [3]), то-есть, изъ Бѣлосербіи уже было говорено въ своемъ мѣстѣ.

Города, называемые Константиномъ въ Захлумской области, суть слѣдующіе:

Σταγνόν [4]), Стагнонъ, по итал. Stagno, сл. Стонъ, лежитъ у самаго начала полуострова Sabbioncello. Этотъ городъ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ у Захлумцевъ; теперь это небольшое мѣстечко.

Μοκρισκίκ, Мокрискикъ; его положенія точно опредѣлить не можемъ. Рачкій (Documenta, 415, пр. 64) полагаетъ, что настоящее сербское имя этого мѣста было *Мокрьско* (то же и Шафарикъ). Новаковичъ считаетъ возможнымъ отожествлять его съ нынѣшнею деревнею *Мокро*, на правомъ берегу Неретвы, на западъ отъ Мостара [5]).

незабытый центръ управленія всей области. Есть основаніе думать, что Благай въ старину назывался Хумомъ, и что то же имя носила гора, на которой онъ расположенъ (по показанію Юкича, она даже и теперь такъ называется). Касательно подробностей обращаемъ читателя къ самому изслѣдованію Новаковича.

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 435.

[2]) Сравн. *Новаковичъ*, ibid., 41.

[3]) О томъ, что слѣдуетъ читать Дичица, а не Тичица, см. *Шафарикъ* I, кн. 2, 357, пр. 39.

[4]) Названіе это дано вслѣдствіе болотистой мѣстности вокругъ города; болоты—причина дурного климата, см. *Petter*, II, 218.

[5]) *Новаковичъ*, ibid., 41—43.

Ἰοσλή, Іосли, по Шафарику и Новаковичу, слобода Осле (Ошле), на востокъ отъ Стона въ Герцеговинѣ [1]).

Γαλουμαήνικ, Галумайникъ (по Шафарику [2]) Глумникъ, Глумница), неизвѣстно гдѣ. Рачкій (Docum., 415, пр. 66) сближаетъ его съ Галичьникь, Новаковичъ съ мѣст. *Глумине* на сѣверъ отъ Ошла [3]).

Δοβρισκίκ, Добрискикъ (у пресвитера Дуклянскаго—Debro, можетъ быть, тоже, что̀ Добрискикъ), по мнѣнію Шафарика, прежде Дабрьскъ, нынѣ Дабаръ на сѣверо-востокъ отъ города Любины. Рачкій (Docum., 415, пр. 67) читаетъ дьбрьско, дьбрьскъ; однако Новаковичъ высказывается противъ этого предположенія о Дабарѣ, на томъ основаніи, что отъ корня дьбрь—нѣтъ ни одного названія, образованнаго посредствомъ суф. *скъ*, и что дь должно бы обратиться въ де и ди, а не въ до. Онъ упоминаетъ о мѣстечкѣ Добрича, близь впаденія Брегавы въ Неретву [4]).

Тервуняне (Τερβουνιῶται) или *Травуняне* (Τραβοῦνοι) и *Конавляне* (Καναλεῖται).

> „Отъ города Декатеръ (Котора) начинается княжество Тервунія (ἡ ἀρχοντία Τερβουνίας) и простирается до Рагузы, а въ своей горной части граничитъ съ Сербіей" (с. 30, р. 145). „У Тервуніатовъ (Τερβουνιάτοι) и Каналитовъ (Καναλιτοί) одна и та же земля. Тамошніе жители происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ и живутъ тамъ со времени того князя, который изъ некрещеной Сербіи обратился къ императору Ираклію и до Сербскаго князя Властиміра"... „Тервунія на славянскомъ языкѣ значитъ укрѣпленная мѣстность (ἰσχυρὸς τόπος), такъ какъ въ этой странѣ множество твердынь".
>
> „Возлѣ Тервунской земли есть и другая, называемая Конавлей (Καναλή). Канале по славянски значитъ торная (возовая) дорога (ἁμαξιά), такъ какъ жители, вслѣдствіе плоской мѣстности, совершаютъ всѣ свои работы на повозкахъ" [5]).

---

1) По картѣ Шпрунера—близь истоковъ р. Неретвы.

2) *Шафарикъ* II, кн. 1, 436.

3) Ibid., 43—44.

4) Ibid., 44—45.

5) Τὸ δὲ Καναλὴ ἑρμηνεύεται τῇ τῶν Σκλάβων διαλέκτῳ ἁμαξιά (via plaustri) ἐπειδή, διὰ τὸ εἶναι τὸν τόπον ἐπίπεδον, πάσας αὐτῶν τὰς δουλείας διὰ ἁμαξῶν ἐκτελοῦσιν. (c. 34, p. 161—162).

„Въ Тервуніи и Конавлѣ слѣдующіе населенные города: Тервунія (Τερβουνία), Ормъ (Ὅρμος), Рисена (Ῥίσενα). Лукавете (Λουκάβετε) и Зетлиба (Ζετλήβη)“ (с. 34, p. 161—162).

Здѣсь Константинъ говоритъ о Тервуніи и Конавлѣ, какъ о двухъ соединенныхъ областяхъ, составлявшихъ одно цѣлое и управлявшихся, по видимому, однимъ княземъ. Но въ другомъ его сочиненіи „О церемоніяхъ“ мы находимъ несогласное съ этимъ показаніе, гдѣ въ перечисленіи иллирскихъ подданныхъ имперіи упоминаются два отдѣльные князя Тервуніи и Конавли: ὁ ἄρχων τοῦ Κανάλη и рядомъ ὁ ἄρχων τῶν Τερβούνων [1]). Одни изслѣдователи считаютъ это послѣднее извѣстіе ошибочнымъ [2]), а другіе полагаютъ, что въ царствованіе Константина Конавляне имѣли одно время собственнаго князя, признаваемаго Византіей [3]). При отсутствіи всякихъ другихъ свидѣтельствъ невозможно рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе. Впрочемъ несовсѣмъ кажется вѣроятнымъ, чтобы такая маленькая область, какъ Конавля, могла имѣть своего отдѣльнаго князя [4]).

По Константину, Тервунія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Конавля, простиралась отъ Рагузы на югъ до г. Котора. Такимъ образомъ на сѣверо-западѣ она прилегала къ Захлумской области, а на юго-востокѣ—къ Дуклѣ. „Въ своей горной части“, говоритъ Константинъ,—„она граничила съ Сербіей“. Этими словами онъ, очевидно, разумѣлъ только хребетъ горъ, который тянется на сѣверо-востокѣ и дѣйствительно раздѣлялъ, хотя и на небольшомъ пространствѣ, собственную Сербію отъ Тервуніи [5]). На юго-западѣ къ Тервуніи примыкала Ко-

---

[1]) De Cerimon. Aul. Byz., II, c. 48, p. 691.

[2]) *Dümmler*, 377, прим. 5; Rački, Docum, 416; срв. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 448.

[3]) *Rambaud*, 453.

[4]) Можетъ быть даже, свидѣтельство Константина въ Cerim. A. B. показываетъ только, что князь соединенныхъ областей Тервуніи и Конавли носилъ два отдѣльные титула, соблюдавшіеся въ оффиціальныхъ актахъ Византійскаго двора. Впрочемъ *Новаковичъ* (Срп. Обл., 29) не считаетъ неестественнымъ существованія рядомъ двухъ особыхъ маленькихъ княжествъ, такъ какъ они были раздѣлены самою природой.

[5]) Точно также выражается Константинъ, какъ мы увидимъ, и о Дуклянской области (с. 30, p. 145). *Шафарикъ*, не совсѣмъ вѣрно толкуетъ это показаніе Константина; Сл. Др., II, кн. 1, 446.

навля, занимавшая на югъ отъ Рагузы весь выдающійся берегъ до самаго Которскаго залива. Точной границы между Тервуніей и Конавлей мы не знаемъ.

Посмотримъ теперь, какъ Константинъ объясняетъ происхожденіе названій этихъ двухъ областей.

Имя Тервуніи (Τερβουνία), названной такъ будтобы потому, что въ ней было много укрѣпленій, Константинъ, какъ видно, сближаетъ съ славянскими словами *твердь*, *твердый*, *твердыня* [1]). Но, какъ показалъ Шафарикъ [2]), это объясненіе не выдерживаетъ критики. Имя этого племени является у Константина въ двухъ видахъ: Τερβουνιῶται (тоже Τερβουνιάται) и Τραβοῦνοι. Нынѣ въ той странѣ есть извѣстный городъ Требинья на озерѣ того же имени. Естественно, и по нашему мнѣнію совершенно справедливо, ученые считаютъ имя нынѣшняго города Требинья тожественнымъ съ прежнимъ названіемъ области и города Тервуніи. Но Шафарикъ усумнился въ этомъ тожествѣ: онъ считалъ послѣднее имя, по происхожденію, иллиро-латинскимъ, составленнымъ изъ словъ trans и βουνός [3]) и сближалъ его съ именемъ Transmontani и Tramontani (у Птоломея) и съ слав. Захлумьемъ и Загорьемъ. Впрочемъ онъ не отрицалъ возможности, что форма Тервунія или Травунія есть то же самое, что̀ Требинья, но „заимствована Сербами изъ греческихъ сочиненій“. А въ другомъ мѣстѣ Шафарикъ производитъ названіе Требинья отъ слова „треба“, жертвоприношеніе за умершихъ, поминки, тризна [4]). Изъ этого противорѣчія видно, что онъ самъ колебался и не рѣшался произнести окончательное сужденіе по этому вопросу. Не отрицая совершенно возможности объясненія имени Тервунія иллирскимъ происхожденіемъ его (изъ trans и βουνός), какъ предполагаетъ Шафарикъ,—мы однако не можемъ рѣшительно склониться къ этому мнѣнію, такъ какъ нѣ-

---

[1]) Можно изъ этого заключить, что эти свѣдѣнія сообщалъ Константину кто-нибудь, знакомый со славянскимъ языкомъ, пытавшійся изъ того же славянскаго объяснить имя области *Конавли*. См. *Новаковичъ*, Срп. Обл., 19.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 445.

[3]) Хотя нѣсколько странно, почему бы одна часть слова была латинскаго происхожденія, а другая греческаго (срв. *Новаковичъ*, ibid. 20).

[4]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 160.

*

которыя соображенія увлекаютъ насъ въ другую сторону. Вопервыхъ, названіе нынѣшняго города Требинья положительно тожественно, по нашему убѣжденію, съ названіемъ Тервуніи, а вовторыхъ, есть основаніе утверждать, что это имя чисто славянское.

Противъ иллиро-латинскаго происхожденія этого имени можно прежде всего привести тотъ доводъ, что форма Травунцы, которая въ такомъ случаѣ не могла бы не считаться главною и первоначальною, есть позднѣйшая, и по видимому, искаженная [1]), ибо встрѣчается главнымъ образомъ въ грамотахъ XII и XIII вѣковъ. Даже и въ текстъ Константина она могла быть занесена позднѣе, такъ какъ извѣстно, что его сочиненіе „О Церемоніяхъ Византійскаго двора", гдѣ она только и встрѣчается, было отчасти исправлено, а отчасти даже и написано только въ XI вѣкѣ [2]). Такимъ образомъ первоначальною формой остается Τερβουνιάται, но и эта послѣдняя не представляетъ настоящаго народнаго имени и есть, кажется, греческая передѣлка славянскаго названія, въ основаніи котораго, по всей вѣроятности, лежитъ корень *треб* [3]), являющійся въ нынѣшнемъ „Требинье" и во многихъ другихъ славянскихъ племенныхъ и мѣстныхъ именахъ. Особенно обращаетъ вниманіе наше въ этомъ случаѣ то, что въ вѣтви Полабскихъ Сербовъ встрѣчается небольшое племя подъ именемъ Требованъ (Trebowane) [4]), жившее, какъ полагаютъ, въ Нижнихъ Лужицахъ, въ окрестностяхъ города Требуле (Trebule), вѣроятно—называвшагося по славянски Trebov или Trebovl [5]). Весьма возможно, что и разсматриваемое нами племя Иллирскихъ Сербовъ носило, если не то же самое, то по крайней мѣрѣ подобное ему имя, того же

---

[1]) Переходъ гласной е въ а довольно обыкновенно въ древне-сербскомъ нарѣчіи, особенно послѣ р (г), *Шафарикъ*, II, кн. 2, 446.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 354, прим. 56.

[3]) Перестановка гласной (е), то-есть, передѣлка treb въ terb понятны. Мы видѣли выше, что Константинъ (по замѣчанію Добровскаго) изъ τζρεβουλα сдѣлалъ τζερβουλα.

[4]) Въ грамотѣ, относящемся къ Пражскому епископству, 1086 г. у Козьмы Пражскаго, *Zeuss*, 610; *Шафарикъ*, II, кн. 3, 161.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 3, 161: срвн. у Лужичанъ г. Triebus, 1004, нынѣ Требачь, ibid., 157, также русск. Теребовль, Trembowl. Есть много другихъ названій мѣстностей того же корня.

самаго корня. Впрочемъ—повторяемъ—мы не хотимъ утверждать, что это объясненіе имени Тервуніи есть единственно возможное, хотя и считаемъ его болѣе подходящимъ. Что касается до значенія этого корня (*треб*), то, какъ мы видѣли, Шафарикъ въ одномъ мѣстѣ отожествляетъ его съ корнемъ слова *треба*; мы сами не беремся рѣшить, на сколько это вѣрно, но той же этимологіи держится и Новаковичъ (ibid., 20). Онъ не соглашается съ Миклошичемъ (Slav. Ortsnamen aus Appellativen, II, Wien, 1874), сближающимъ Требинье съ глаголомъ трѣбити въ значеніи purgare и extirpare, и самъ ставитъ въ связь съ этимъ именемъ слова, извѣстныя въ старомъ языкѣ: трѣба, sacrificium, трѣбиште, altare, delubrum. При такой этимологіи, по его мнѣнію, имя это всего легче объясняется тѣмъ, что Славяне застали на этомъ мѣстѣ слѣды римскаго храма. Дѣйствительно около Требинья (по разказу архим. Дучича) находятся кучи каменьевъ, нанесенныхъ человѣческими руками; о нихъ есть въ народѣ смутное преданіе, что они нѣкогда служили для религіозныхъ цѣлей, и подъ ними были найдены кости, вѣроятно, изъ гробницъ старожиловъ требинскихъ [1]).

Названіе другой области Канале (Καναλή) [2]), Конавля, Константинъ переводитъ словомъ ἁμαξία, via plaustri, то-есть, возовая дорога, производя его, слѣдовательно, отъ слова *кольница* и отъ *коло*, что̀ значитъ возъ [3]). Но и это объясненіе нашего писателя совершенно ошибочно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это имя не славянское. Однако были ученые [4]), которые стояли за этимологію Константина и ссылались на названіе мѣстности „via Carri Kolnich“, встрѣчающееся въ одной грамотѣ XII вѣка (у Люція). Слово kolnich читали *кольница*, что̀ совершенно ошибочно [5]). Канале есть очевидно ла-

---

[1]) *Новаковичъ*, Срп. Области, 20 — 21. Тутъ упоминается, что Плиній (Natur. Hist., III, 26) говоритъ о гор. Tribulium въ Далмаціи, но Миклошичъ и Роскевичъ напрасно сближали его съ Требиньемъ. Срв. сближеніе Иллирскаго племени Δερβανοὶ со звукомъ Требинья.

[2]) О сербскихъ формахъ этого имени Конавли и Конавле см. *Новаковичъ*, ibid., 28.

[3]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 160.

[4]) Такъ думалъ между прочимъ и Рамбо (стр. 76), но понятно, что онъ, какъ иностранецъ, могъ заблуждаться.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 446, прим.

тинское слово (canalis), и страна эта названа такъ отъ каналовъ и водопроводовъ, которыми она была изрѣзана [1]). Изъ городовъ въ Тервуніи и Конавлѣ Константинъ называетъ: Τερβουνία, Тервунія; это нынѣшній городъ Требинье или Требинья, расположенный на озерѣ того же имени, черезъ которое протекаетъ рѣка Требинштица.

Ὅρμος, Ормъ (Ormos), то же, что жупа Urmo у пресвитера Дуклянскаго. К. Іиречекъ, по признанію Новаковича, удачно отожествилъ этотъ городъ съ г. *Врм*'омъ около Требинья (Врьмь); нынѣ между Требиньемъ и Билечемъ, на правомъ берегу р. Требинштицы, находятся развалины города подъ названіемъ Vrono; это, безъ сомнѣнія, остатки древняго Врма [2]).

Ῥίσενα, Рисена, у пресвитера Дуклянскаго Ressena, нынѣ Рисанъ (Risan), у Которскаго залива. Это древній римскій городъ, называвшійся Rhisinium. Нынѣшній Рисанъ — небольшое мѣстечко 10 миль сѣвернѣе Котора [3]).

Λουκάβετε (Loukawete) (можетъ быть, Лукавица или Луговица?) [4]), по предположенію Шафарика, Лука, герцеговинское селеніе. Трудно сказать, та ли это Лука, о которой упоминаетъ архим. Дучичъ въ описаніи Требинской области, на югъ отъ Требинья, близъ австрійской границы. Эту послѣднюю Луку, по мнѣнію Новаковича, слѣдуетъ разумѣть въ Константиновой Λουκάβετε, ибо о племени *Луково* и горѣ *Лукавице* нельзя думать, какъ объ именахъ, встрѣчающихся внѣ предѣловъ Требинской области. Лука могла въ старину называться *Лукавацъ*, оттого у Константина и Λουκάβετε [5]).

Ζετλήβη (Zetliwi) напоминаетъ нѣсколько р. Зету въ одноименномъ краѣ (Шафарикъ), но послѣдняя принадлежала къ Дуклянской области. Рачкій предлагаетъ читать по славянски *Цвјетљиво* или *Цетолибо* (Documenta Hist. Chr., 415); Новаковичъ ука-

---

[1]) На это указалъ уже Lud. Tubero (Comm. de temp. s.), *Banduri*, ed. Bonn., 356 и *Stritter*, II, 409.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 22—23.

[3]) *Petter*, II, 260—261. По мнѣнію нѣкоторыхъ, было другое мѣсто Rhizona (у Птоломея) въ мѣстности г. Клобука, недалеко отъ Требинья.

[4]) *Шафарикъ* думалъ читать: τὸ Λουκάβε τε τὸ Ζετλήβη, но такое чтеніе сомнительно.

[5]) *Новаковичъ*, ibid , 23—24.

зываетъ на долину рѣки *Чепельице*, притока Требинштицы, на сел. *Жлиjебе* на сѣверъ отъ Castel-nuovo и наконецъ на м. Cilippi, на югъ отъ Цавтата (Ragusa vecchia) [1]; но вѣрна ли какая-либо изъ этихъ конъектуръ—сказать трудно.

Дукляне (Διοκλητιανοί).

„Діоклея (Διόκλητα) граничитъ съ городами (собственно укрѣпленія, καστέλλια) Диррахія (то-есть, темы Диррахія), а именно съ Элиссомъ (Ἑλισσόν), Элкиніемъ (Ἑλκύνιον) и Антибаромъ (Ἀντίβαριν), и простирается до города Котора, а въ горной своей части прилегаетъ къ Сербіи“ (c. 30, p. 145).

„Діоклеей называется эта страна отъ города, построеннаго императоромъ Діоклетіаномъ. Теперь это пустой городъ (ἐρημόκαστρον), до сихъ поръ называемый Діоклеей“.

„Въ Діоклейской землѣ лежатъ слѣдующіе населенные города: Градете (Γράδεται), Нуграде (Νουγράδε) и Лонтодокла (Λοντοδόκλα)“ (c. 35, p. 162).

О городѣ Діоклеѣ или Дуклѣ Константинъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ: „...Городъ Діоклею, населяемую Діоклетіанами, построилъ императоръ Діоклетіанъ, откуда и жители той страны получили названіе Діоклетіанъ (Дуклянъ)“ (c. 29, p. 126).

Границы Діоклейской области показываютъ, что она почти совершенно совпадала съ нынѣшнею Черногоріей; только на востокѣ въ нее входила еще узкая полоса нынѣшней турецкой Албаніи. Діоклея простиралась на сѣверъ до Котора и граничила съ Тервунскою областью; на юго-востокѣ она прилегала къ византійской провинціи Диррахія (Драча), гдѣ близь моря находились города (нынѣ албанскіе, но отчасти ославяненные): *Антибаръ* (Antivari), иначе Баръ; *Элкиній* (Helcynium), то-есть, Ульцина (Dulcigno) или слав. Ольгунъ, и *Эллисонъ* (Elissus), Lissus, нынѣ Лешъ (итал. Alessio). На юго-западѣ Дуклянскую землю омывало море, а на сѣверовостокъ она примыкала къ собственной Сербіи, отъ которой отдѣлялась горами. Болѣе точныхъ границъ ея, по Константину, опредѣлить не возможно [2]).

---

1) *Новаковичъ*, 24—25.

2) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 451.

Діоклейская земля, по свидѣтельству Константина, получила свое названіе „отъ города Діоклеи, построеннаго императоромъ Діоклетіаномъ". Невѣрность этого послѣдняго извѣстія, то-есть, построенія Діоклеи Діоклетіаномъ, какъ уже было однажды упомянуто, очевидна. Извѣстно, что этотъ императоръ былъ самъ родомъ изъ Діоклеи [1]), отъ которой и получилъ свое имя, и которая упоминается еще Птоломеемъ (Δόκλεα) и Плиніемъ [2]) (Docleates). Что касается извѣстія Константина, что въ его время Діоклея была пустымъ городомъ (ἐρημόκαστρον), то оно не подтверждается другими источниками, и мы ничего не знаемъ достовѣрнаго о томъ, была ли разрушена Діоклея до X в. Нѣкоторые предполагаютъ, что по разрушеніи Салоны Аварами Діоклея сдѣлалась метрополіей уцѣлѣвшихъ городовъ, а что потомъ она была разрушена Славянами [3]). Но опредѣленнаго извѣстія объ этомъ разрушеніи мы не имѣемъ, и потому ничего рѣшительнаго сказать не можемъ. Шафарикъ отвергаетъ показаніе Константина о Діоклеѣ, какъ объ опустѣломъ и безлюдномъ городѣ, и указываетъ на то, что Константинъ самъ въ числѣ городовъ Дуклянской области приводитъ Діоклею подъ именемъ Доклы (Δόκλα), которое по ошибкѣ соединено-де въ одно слово съ именемъ другого города Лонто (Λόντο). Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать не Λοντοδόκλα, а отдѣльно τὸ Λόντο и τὸ Δόκλα. Съ этимъ мнѣніемъ согласны и нѣкоторые другіе ученые, напримѣръ, Дюмлеръ [4]). Дѣйствительно, эта догадка очень похожа на правду [5]), хоть ее и отвергаетъ г. Новаковичъ (Срп. Обл., 17—18), ссылаясь именно на то, что Константинъ называетъ Діоклею— ἐρημόκαστρον.

Достовѣрно извѣстно, что Діоклея пострадала въ X в. отъ Болгаръ, и именно въ концѣ этого вѣка, то-есть, послѣ Константина,

---

[1]) По крайней мѣрѣ достовѣрно, что Діоклея была родиной его матери. Срвн. *Dümmler*, стр. 378.

[2]) *Banduri*, ed. Bonn., 356; срвн. *Шафарикъ*, ibid.; Rački, Ocjena, К. Р., 49; *Documenta*, 267.

[3]) Напр. *Krause*, Res Slavorum etc., p. 14.

[4]) *Dümmler*, 378, прим. 1; *Голубинскій* въ этомъ вопросѣ едва ли правъ (Очеркъ ист., 548—549).

[5]) Δόκλα есть нѣсколько измѣненная слав. Дукля, въ которой Константинъ не узналъ Діоклеи; оттуда и ошибка его.

а не при Симеонѣ Болгарскомъ, какъ думали нѣкоторые [1]). Но затѣмъ, въ XI и XII вв. Дукля опять является знаменитымъ городомъ, когда возвысилось Дуклянское княжество. Извѣстно, что область Діоклея называлась также Зетой или Зентой, отъ рѣки Зеты, протекающей въ томъ краѣ.

Въ Дуклянскомъ княжествѣ были слѣдующіе большіе населенные города:

Γράδεται, Gradetae, по мнѣнію Шафарика, есть нынѣшній Градиђ, повыше Скадра; Рачкій (Documenta Hist. Croat. стр. 415, пр. 79) указываетъ на *Градац* въ Черногоріи, но мѣстъ съ этимъ именемъ въ Черногоріи цѣлыхъ четыре. Новаковичъ (Срп. Обл., 17), имѣя въ виду форму имени Γράδεται, сближаетъ его съ именемъ цѣлаго племени Г р а ђ а н е въ нахіи *Рѣчкѣ*. Эго предположеніе самое вѣроятное.

Νουγράδε, вѣроятно *Нови град* (Рачкій: Νούιγράδε), но гдѣ онъ лежалъ, рѣшительно неизвѣстно. Новаковичъ видитъ въ немъ одинъ изъ четырехъ черногорскихъ Градцевъ (въ Лешанской нахіи и у Бѣлопавличей).

Λοντοδόκλα, по мнѣнію Шафарика, произошла изъ сліянія двухъ названій: Λόντο, древн. Lunta, по Шафарику, нынѣшняя Linda на сѣверо-востокъ отъ Скадра. Рачкій сопоставляетъ его еще съ мѣстностью Льута между Перастомъ и Добротой. Δόκλα (Дукля) лежала при впаденіи р. Зеты въ Морачу; около ея развалинъ, называемыхъ „Дуклянъ градъ“, нынѣ находится городъ Подгорица.

Изъ другихъ городовъ въ Дуклянской области мы уже упоминали о Которѣ, Будвѣ и Росѣ, которые по свидѣтельству Константина пострадали (въ 840 г.) отъ Сарациновъ.

Наронтаны или Паганы (Ἀρεντανοί, Παγανοί).

„Отъ р. Оронтія (Наренты) начинается Паганія (Παγανία) и простирается до р. Зентины (Цетиньи) и имѣетъ три жупы: Растоцу (Ῥάστωτζα), Мокронъ (Μοκρόν) и Даленъ (Δαλέν) [2]). Двѣ первыя изъ нихъ прилегаютъ къ морю и имѣютъ сагины. Жупа Даленъ отдалена отъ моря и жители ея живутъ земледѣльемъ. Вблизи находятся четыре острова—прекрасные и

[1]) *Шафарикъ* II, кн. 1, 450; срвн. *Banduri*, ed. Bonn., 356—357.

[2]) По вышепредложенному чтенію Новаковича „съ сѣвера Паганія граничитъ съ Хорватіей, со стороны горъ—съ Сербіей“.

плодороднѣйшіе: Мелета (Μέλετα), Куркура (Κούρκουρα), Барцо (Βάρτζω) и Фаръ (Φάρος); въ нихъ есть пустые города и много болотъ. Тамъ они (поселяне) живутъ, содержатъ скотъ и этимъ существуютъ" (с. 30, р. 145—146).

„Паганами называются они потому, что не приняли крещенія въ то время, когда всѣ Сербы крестились. Имя „Паганы" значитъ на славянскомъ языкѣ „некрещеные". На римскомъ языкѣ эта земля называется Арентой (Ἀρέντα), вслѣдствіе чего ея жителей Римляне (то-есть, Греки) называютъ Арентанами (Ἀρεντάνοι)... Въ Паганіи находятся обитаемые города: Мокронъ (Μόκρον), Берулліа (Βερούλλια), Острокъ (Ὄστρωκ) и Лабинеца (Λαβίνετζα). Они владѣютъ также слѣдующими островами: большой островъ Куркра (Κούρκρα) или Кикеръ (Κίκερ) съ городомъ. Другой большой островъ Мелета (Μέλετα) или Малозеата (Μαλοζεάται), о которомъ св. Лука упоминаетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, называя его Мелитой (Μελίτη), гдѣ эхидна ужалила палецъ св. Павлу, а онъ сжегъ ее въ огнѣ. Третій большой островъ Фаръ (Φάρα), а четвертый Брацъ (Βράτζης). Но есть и другіе острова, не принадлежащіе Паганамъ: Хоара (Χόαρα), Іесъ (Ἴης) и Ластобонъ (Λάστοβον)" (с. 36, р. 163—164).

Племя „Арентанъ" (Нарентанъ) или по сербски Неречанъ населяло самую сѣверную часть приморской Сербіи. Константинъ опредѣляетъ сѣверную и южную границы этой области рѣками Цетиньей и Нарентой (Ὀρόντιος), отъ которой ея жители и получили свое имя. На сѣверо-западѣ земля Неречанъ прилегала къ Хорватіи. Границей между ними была дѣйствительно р. Цетинья, но только ближе къ морю; далѣе же на востокъ земля Неречанъ граничила съ хорватскими жупами Хлѣвенской и съ жупой Имотскою, лежавшими по лѣвую сторону рѣки Цетиньи. Касалась ли Паганія собственной Сербіи—достовѣрно рѣшить нельзя. Утвердительно отвѣчать на это можно бы только въ томъ случаѣ, еслибы мы навѣрное знали, что Захлумье не соприкасалось вовсе съ Хорватіей. Восточную и юговосточную границы составляла рѣка Нарента [1]), а на самомъ югѣ,

[1]) Не принадлежалъ ли отчасти и лѣвый берегъ Наренты (въ среднемъ теченіи) Паганамъ? Тогда понятнѣе, что ихъ зовутъ Нарентанами, какъ жителей по р. Нарентѣ.

близь моря, Неречанамъ принадлежало, кажется, побережье и по лѣвую сторону Наренты, на западъ отъ Захлумцевъ, почти вплоть до г. Стона; это побережье лѣтописецъ Діоклейскій называетъ Крайной (Cherenania) [1]). Наконецъ, море омывало Паганію съ юго-западной стороны. Весь берегъ отъ устья Цетиньи до устья Наренты назывался „Приморьемъ", которое не должно быть смѣшиваемо съ хорватскимъ Приморьемъ на сѣверъ отъ Цетиньи (жупа Parathalassia). Паганамъ принадлежали и острова, расположенные вдоль ихъ береговъ.

Прежде чѣмъ мы обратимся къ остальнымъ свидѣтельствамъ Константина, относящимся къ топографіи этой области, скажемъ нѣсколько словъ о двоякомъ имени ея жителей.

Нарентанами, у Константина „Арентанами" (Ἀρεντανοί) [2]), по сербски Неречанами они называются по имени извѣстной намъ рѣки, которая въ древности называлось Naro (греч. Νάρων), у Константина Оронтій (Ὀρόντιος), у Италіанцевъ Narenta, у Сербовъ Неретва. Имя „Паганы" (или „Погане") было дано Неречанамъ, по словамъ Константина, за ихъ упорство въ язычествѣ: они не хотѣли креститься, когда всѣ Сербы крестились, и потому христіане ихъ прозвали Паганами, то-есть, погаными, некрещеными. Константинъ говоритъ, что *Паганами* они называются на славянскомъ языкѣ. Но противъ этого возражали многіе ученые, утверждая, что „paganus" и на латинскомъ языкѣ значитъ язычникъ (gentilis), и что Константинъ въ этомъ случаѣ ошибается [3]). Извѣстно, что почти на всѣхъ славянскихъ языкахъ язычниковъ называютъ „погаными" (чешск. pohané); это слово считаютъ обыкновенно заимствованнымъ изъ латинскаго языка (pagani — погане); [4]) но было ли оно въ употребленіи у Иллирскихъ Славянъ уже въ древности, при Константинѣ, еще вопросъ.

---

[1]) *Шафарикъ* II, к. 1, 437.

[2]) У Өеофана Продолжателя и Кедрина ошибочно Ῥεντανοί.

[3]) *Banduri* (Animadv., 337), замѣчаетъ, что его соотечественники не называютъ некрещеныхъ „паганами", что это слово у нихъ ничего не значитъ.

[4]) См. Slownik *Jungmana* подъ словомъ pohan; срвн. *Rambaud*, 76—77. Однако утверждать (какъ нѣкоторые дѣлаютъ), что въ славянскомъ словѣ pohane корень латинскій, а не славянскій, нѣтъ никакого основанія.

Константинъ дѣлитъ область Нарентанъ на три жупы. Двѣ изъ нихъ (Ῥάστωτζα и Μοκρόν) лежали у моря, и жители ихъ занимались мореплаваніемъ („имѣютъ сагины"); третья (Δαλέν) жупа занимала внутреннюю или восточную часть области, и населеніе ея, отдаленное отъ моря, занималось земледѣліемъ.

Ῥάστωτζα, Растоца (или Расточа), была южная приморская жупа близь рѣки Неретвы, гдѣ было озеро Растокъ на западъ отъ г. Макарски; отъ него, вѣроятно, жупа и получила свое названіе [1]).

Μοκρόν—жупа на сѣверо-западъ отъ Расточи, въ окрестностяхъ нынѣшній городъ Макарски (Константиновъ Mocro) [2]).

Δαλέν, по предположенію Новаковича, вм. Δαλμέν. Эта жупа простиралась на сѣверо-востокъ отъ предыдущихъ и занимала часть нынѣшней сѣверной Герцеговины. Теперь тамъ равнина Дувно или Думно, (Дльмьно), съ мѣстечкомъ того же имени, называвшаяся прежде Дълмно. Въ римское время здѣсь былъ извѣстный городъ Dalminium или Delminium, отъ котораго получила свое имя и вся Далмація. Нѣкоторые ученые (Момсенъ, Кипертъ и др.) оспаривали мнѣніе о мѣстоположеніи Delminium'а на нынѣшней равнинѣ Думно, однако Томашекъ и Новаковичъ рѣшительно отстаиваютъ его [3]). Города, перечисляемые Константиномъ въ Паганіи, суть слѣдующіе:

Μοκρόν, Мокро въ Мокрской жупѣ, приморскій городъ, нынѣ Макарска (Makarska), близь котораго сохранились развалины стараго города.

Βερούλλια, Vrullia, нынѣ Вруля [4]), городъ на берегу моря между Макарскою и Омишемъ (Almissa), теперь маленькое мѣстечко (Врулья, Brele) [5]).

---

[1]) Теперь тамъ есть равнина Rastoch (Campagne di Rastoch); см. *Petter*, II, 96.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 52.

[3]) Ibid., 53—55.

[4]) Врулей первоначально назывался заливъ на сѣверъ отъ Макарски; онъ получилъ это названіе (сербск. врулья — источникъ, отъ врети — кипѣть) оттого, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его существуютъ подводные ключи, производящіе какъ бы кипѣніе на поверхности воды. *Petter*, II, 102.

[5]) Относительно этого опредѣленія согласны съ Шафарикомъ и *Рачкій* (Docum.) и *Новаковичъ* (ibid., 56).

Ὄστρωκ, Острогъ, въ жупѣ Расточѣ; нынѣ существуетъ Заострогъ (Zaostrog), мѣстечко близь моря, на югъ отъ Макарски, въ старину, вѣроятно, находившееся за городомъ Острогомъ [1]).

Λαβίνετζα (Лабинецъ или Лабиница?). Что это за городъ, рѣшить очень трудно [2]). Новаковичъ, предлагающій читать Λαβρίνετζα, ищетъ его остатковъ близь нынѣшняго Ловреħа, расположеннаго на сѣверо-востокъ отъ вышеупомянутой Врули. Имя это произошло отъ латинскаго Laureatae. Однако Новаковичъ самъ не вполнѣ удовлетворенъ своею конъектурой. Предлагаются и другія чтенія (Бериновац, или Bilubium, или Лапчань, или Виньица?), но всѣ онѣ очень сомнительны [3]).

Неречанамъ принадлежали еще слѣдующіе острова:

Κούρκουρα, также Κούρκρα или Κίκερ (Куркука, Куркра, Кикеръ), lat. Corcira [4]), итал. Curzola, сербск. Курчола (или Корчула), прежде Каркаръ. Этотъ островъ расположенъ на западъ отъ полуострова Sabbioncello. На немъ, по свидѣтельству Константина, былъ городъ вѣроятно того же имени, какъ и теперь (г. Корчулъ).

Μέλετα (Мелета) или Μαλοζεάται (Malozeate), лат. Melita, итал. Meleda, сербск. Млитъ. Онъ находился собственно противъ Захлумской области, на юго-западъ отъ гор. Стона. Константинъ говоритъ, что о немъ св. Лука упоминаетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, называя Мелитой (Μελίτη); тамъ, по его словамъ, змѣя (випера) ужалила палецъ св. Павлу, который ее сжегъ на огнѣ. Относительно этого показанія между учеными было не мало споровъ. Дѣло въ томъ, что одни дѣйствительно разумѣютъ подъ Мелитой св. Луки далматинскій островъ Меледу или Млитъ, а другіе утверждаютъ, что подъ нею надо разумѣть о. Мальту. До сихъ поръ вопросъ не рѣшенъ, не смотря на то, что были написаны цѣлыя сочиненія pro и contra. Преданіе это всѣмъ извѣстно: корабль, везшій апостола Павла изъ Іерусалима въ Римъ, къ суду, былъ застигнутъ бурею у острова Мелиты, гдѣ высадившійся на берегъ апостолъ былъ гостепріимно встрѣченъ жителями. Но здѣсь его ужалила змѣя (ехидна),

---

[1]) *Новаковичъ*, 56.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 440.

[3]) *Новаковичъ*, 57—58.

[4]) Древн. греч. Corcyra Melana, лат. Corcira Nigra, вѣроятно—для отличія отъ острова того же имени, что̀ нынѣ Корфу.

которую онъ бросилъ въ огонь, послѣ чего всѣ змѣи острова потеряли свой ядъ. Оба острова, Меледа и Мальта, оспариваютъ другъ у друга это преданіе. Но большинство духовныхъ историческихъ писателей склоняются на сторону Мальты [1]). Защитники этого мнѣнія справедливо основываются на томъ, что точный разказъ св. Луки о мѣстности, гдѣ присталъ корабль св. Павла, совершенно соотвѣтствуетъ положенію этого острова въ дѣйствительности. То же подтверждается и прибытіемъ апостола вслѣдъ затѣмъ въ гг. Регій и Сиракузы.

Φάρος или Φάρα (Фаръ)), лат. Phara, сербск. Гваръ (или Хваръ) итал. Lesina (Lezina)—довольно большой островъ на сѣверъ отъ Курчолы. Теперь на немъ нѣсколько городовъ, изъ которыхъ важны—Хваръ (Lesina) въ западной оконечности острова и Стариградъ (Cittavecchia) на сѣверномъ берегу.

Βάρτζω или Βράτζης (Bartzo, Bratzis) лат. Brachia, сербск. Брачъ, итал. Brazza, лежитъ на сѣверъ отъ о. Хвара. Это самый большой и самый плодородный островъ изъ всего Далматинскаго архипелага [2]). Нынѣ на немъ нѣсколько населенныхъ городовъ (S. Pietri—Супетаръ, Neresi и т. д.).

На всѣхъ этихъ островахъ, по словамъ Константина, въ его время были пустые города (ἐρημόκαστρα) и множество болотъ. Жители преимущественно занимались скотоводствомъ.

Затѣмъ Константинъ называетъ еще три острова, не принадлежавшіе Паганамъ, слѣдовательно, подвластные Византіи.

Χόαρα (Хоара), Choara, достовѣрно неизвѣстенъ. Люцій [3]) и Бандури отожествляли его съ о. Corra въ Itiner. Anton., но какъ показалъ Шафарикъ [4]). Corra стоитъ просто ошибкою вмѣсто Cocyra. По предположенію послѣдняго, Χόαρα можетъ быть нынѣшняя Cazza (Кача) или Gaza, маленькій островъ на югозападъ отъ Курчолы. Того же мнѣнія Дюмлеръ и Рачкій [5]). Послѣдній въ Χόαρα предполагаетъ Χόαζα, то-есть, Χάζα, Caza. Нельзя не согласиться, что это объясненіе правдоподобно, но мы предложили бы еще дру-

---

[1]) *Petter*, II, 222, держится того же мнѣнія.

[2]) *Petter*, II, 135.

[3]) *Lucius*, l. I, c. XIV.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. I, 440, прим.

[5]) *Dümmler*, 377, прим. I; Rački, Documenta, 416.

гую конъектуру: нельзя ли видѣть въ этомъ Χόαρα славянскаго имени острова Фара, то-есть, Хвара, которое Константинъ по незнанію поставилъ отдѣльно?

Ἴης (Іесъ), Iis, сербск. Висъ, итал. Lissa (нѣкогда латинск. Issa), небольшой островъ нѣсколько на юго-западъ отъ о. Хвара.

Λάστοβον (Ластовонъ), Lastovon, итал. Lagosta, сербск. Ластово,— прямо къ югу отъ Курчолы. По латыни онъ назывался Laudestina, на Певтингеровой картѣ—Ladestris [1]). На востокъ отъ этого острова есть цѣлая группа маленькихъ острововъ, скалъ и рифовъ, называемыхъ Lagostini.

Мы видѣли, что эти три острова Константинъ считаетъ не принадлежащими Неречанамъ; но между тѣмъ есть извѣстія, что въ концѣ X в. острова Лисса и Лагоста были опустошены Венеціанцами, воевавшими противъ Хорватовъ и Неречанъ. Дюмлеръ, основываясь на этомъ, полагаетъ [2]), что и при Константинѣ этими островами владѣли Неречане.

О племени Нарентанъ или Пагановъ считаемъ не лишнимъ прибавить еще нѣсколько словъ. По своей исторіи и внутренней жизни это племя значительно выдѣляется изъ ряда другихъ сосѣднихъ сербскихъ племенъ. Мы не думаемъ, чтобы Сербы, поселившіеся въ этой области, уже тогда составляли особое племя; надо просто предположить, что вслѣдствіе территоріальныхъ и другихъ чисто мѣстныхъ условій, ихъ жизнь сложилась на свой особый ладъ и такимъ образомъ сообщила совершенно особый характеръ ихъ исторической дѣятельности. Съ самаго поселенія ихъ въ Далмаціи они пріобрѣли значительную самостоятельность и были de facto почти свободны, не смотря на то, что наравнѣ съ прочими Славянами считались подъ верховною властью Византіи. Живя близь моря и устья рѣки Неретвы, судоходной въ нижнемъ теченіи, и имѣя въ своемъ распоряженіи сосѣдніе острова, Неречане, благодаря такому выгодному положенію, рано стали отважными мореходами, образовали сильный флотъ и сдѣлались страшны для сосѣднихъ странъ. Многіе ихъ нихъ превратились просто въ морскихъ разбойниковъ, передъ которыми трепетали не только

---

[1]) *Lucius* l. I, c. XIV; *Banduri*, ed. Bonn., 367.

[2]) *Dümmler*, 377.

иноплеменники, но иногда и другіе Славяне. Мы видѣли, что римскіе поселенцы на Далматинскихъ островахъ должны были изъ-за нихъ искать убѣжища на материкѣ. Далѣе во время извѣстной намъ осады города Бара Франками и Греками съ помощью Далматинскихъ Славянъ, Неречане не только не участвовали въ этомъ предпріятіи, но даже воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы произвести опустошенія въ земляхъ прочихъ Сербовъ. Вообще случаи морскихъ разбоевъ Неречанъ, какъ напримѣръ, упомянутое плѣненіе посольства папы Адріана около 870 г., повторялись очень часто. Не смотря однако на это, торговыя сношенія Неречанъ съ сосѣдями не прекращались, и мы видѣли уже, что Хорваты, по свидѣтельству Константина, вели торговлю, „переходя изъ города въ городъ по землѣ Пагановъ“.

II.

Скудны и отрывочны извѣстія о первыхъ вѣкахъ исторической жизни Хорватовъ въ Иллирикѣ. Но и эти извѣстія должны показаться довольно полными въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ изъ исторіи Сербовъ за это время. Уже было выше замѣчено, что Сербы (разумѣю здѣсь жителей внутренней Сербіи), вслѣдствіе географическихъ условій земли своей, расположенной въ восточномъ Иллирикѣ, вдали отъ моря, слѣдовательно, не въ такомъ непосредственномъ общеніи съ западомъ, должны были довольствоваться нѣсколько второстепенною ролью въ древнѣйшій періодъ исторіи Иллирскихъ Славянъ, уступивъ первенство Хорватамъ, находившимся въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ вѣковъ слишкомъ (отъ VII до XI и даже XII) Сербы высказываютъ довольно мало политической самостоятельности и силы. Но чѣмъ медленнѣе совершалось развитіе ихъ внутреннихъ силъ, тѣмъ за то оно было тверже и прочнѣе, тѣмъ болѣе плодовъ оно обѣщало въ будущемъ. И дѣйствительно, послѣ такого продолжительнаго созрѣванія и развитія сербской народности—вопреки всѣмъ временнымъ бѣдствіямъ и превратностямъ судьбы, создалось мало по малу могущественное цѣлое, достигшее уже въ XII в. при Стефанѣ Неманѣ значительнаго блеска.

Какъ ни мало сообщаетъ Константинъ о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Сербовъ, все же онъ остается единственнымъ источникомъ для этого времени, слѣдовательно его извѣстія для насъ неоцѣненны. Западные источники, какъ мы видѣли, не мало содѣйствующіе разъясненію древности Хорватовъ, вовсе почти не касаются Сербовъ, которые не принимали дѣятельнаго участія въ церковныхъ и политическихъ сношеніяхъ Далмаціи съ западомъ, то-есть, съ папскимъ престоломъ и съ Франкскою державой. Точно также и отечественные сербскіе памятники не могутъ оказать намъ помощи въ этомъ случаѣ, потому что древнѣйшихъ вовсе нѣтъ, а имѣющіеся не восходятъ далѣе XII вѣка. Такимъ образомъ остаются только Византійцы, и изъ нихъ одинъ лишь Константинъ, которому Сербы обязаны всѣмъ, что̀ знаютъ о первыхъ трехъ вѣкахъ своей исторіи. Такъ какъ исторія приморскихъ сербскихъ княжествъ по большей части политически связана съ исторіей собственной Сербіи, а главное вниманіе Константина сосредоточено на этой послѣдней, то и мы не будемъ отдѣлять его свидѣтельствъ по исторіи этихъ сербскихъ областей, а будемъ разсматривать ихъ въ связи съ извѣстіями о собственной Сербіи.

Для удобства мы и здѣсь раздѣлимъ извѣстія Константина на два отдѣла:

1. До единовластія Сербскаго князя Мунтиміра (ок. 872), слѣдовательно, приблизительно до императора Василія Македонянина (съ 876 г.).

2. Съ единовластія Мунтиміра до конца, то-есть, до половины X вѣка.

1. Сербія до единовластія князя Мунтиміра (около 872 года).

Свидѣтельства Константина объ этой эпохѣ слѣдующія: Вслѣдъ за прибытіемъ Сербовъ въ Иллирикъ (около 638 г.)

> „Императоръ (то-есть, Ираклій), вызвавъ изъ Рима священниковъ, крестилъ Сербовъ, и научивъ дѣламъ благочестія, взялъ съ нихъ клятву въ постоянной вѣрности.“ [1] (с. 32, p. 153).

[1] Αὐτοῖς τῶν χρόνων πίστιν ἐξέθετο, c. 32, p. 153. Лат. переводъ: „antiqua fide accepta“ кажется намъ неподходящимъ.

„Со времени царствованія Римскаго императора Ираклія... Сербы, Захлумцы, Тервуняне, Каналиты, Дукляне и Арентаны, называемые также Паганами (были подвластны Римскому императору), но когда Римская имперія, вслѣдствіе бездѣйствія и нерадѣнія въ то время царствовавшихъ, едва не зачахла, въ особенности же при Михаилѣ Косноязычномъ, сынѣ Аморія... Сербы, Захлумцы и проч., отпавъ отъ Римской имперіи, сдѣлались самовластны и независимы" (с. 29, р. 128).

„Когда Болгарія была подвластна Римлянамъ, умеръ тотъ Сербскій князь, обратившійся къ Ираклію, и ему наслѣдовалъ сынъ его, потомъ внукъ, и такимъ образомъ всѣ князья изъ его рода по порядку. Нѣсколько лѣтъ спустя произошелъ отъ нихъ Вышеславъ (Βοισέσθλαβος), а отъ него Родославъ (Ῥοδόσθλαβος), послѣ него Просигой (Προσηγόης), потомъ Властиміръ (Βλαστήμερος); до этого Властиміра Болгаре жили въ мирѣ съ Сербами, любя другъ друга, какъ сосѣди, находясь въ рабствѣ и подчиненіи у Римскихъ императоровъ и благодѣтельствуемые ими. Въ правленіи же этого князя Властиміра пошелъ войною противъ Сербовъ Болгарскій князь Пресіамъ (Πρεσιάμ), желая подчинить ихъ; но послѣ трехлѣтней войны онъ не только ничего не сдѣлалъ, но даже потерялъ большую часть своего войска. По смерти князя Властиміра власть надъ Сербіей получили его три сына: Мунтиміръ (Μουντιμῆρος), Строиміръ (Στροήμερος) и Гоиникъ (Γοΐνικος), раздѣлившіе между собою землю. Между тѣмъ сдѣлался княземъ Болгаріи Михаилъ Борисъ (Μιχαὴλ ὁ Βορίσης), желавшій отомстить за пораженіе своего отца Пресіама. Когда онъ началъ войну, Сербы нанесли ему такое пораженіе, что даже взяли въ плѣнъ его сына Властиміра [1]) съ двѣнадцатью великими боярами [2]).

Тогда вслѣдствіе несчастія съ сыномъ и противъ желанія Борисъ заключилъ миръ съ Сербами. Намѣреваясь вернуться въ Болгарію и боясь, чтобы Сербы не устроили ему на пути засады, онъ выпросилъ себѣ для охраны сыновей Мунтиміра

[1]) Ошибка вмѣсто Владиміра, какъ увидимъ ниже.
[2]) μετὰ τῶν βολιάδων δώδεκα μεγάλων, с. 32, р. 154.

Борена (Βόρενα) и Стефана (Στέφανος); они же проводили его невредимо до границъ, именно до Расы (ἕως τῆς Ῥάσης), и за такое доброжелательство (благодѣяніе) [1]) Михаилъ Борисъ далъ князьямъ большіе подарки, а они въ свою очередь подарили ему, въ видѣ гостинца (χάριν ξενίων), двухъ рабовъ, пару соколовъ, пару собакъ и 90 гуней (шкуръ, γοῦναι), что Болгары считаютъ знакомъ договора" [2]) (с. 32, р. 153—155).

Въ повѣствованіи о Тервунянахъ Константинъ говоритъ о князѣ Властимірѣ:

„Этотъ князь Властиміръ выдалъ свою дочь за Краина (Κραΐνα, можетъ быть—Краянъ), сына Белы (Βελάης), жупана Тервуніи. Желая почтить своего собственнаго зятя, онъ назвалъ его княземъ и сдѣлалъ его самостоятельнымъ; отъ него (Краина) произошелъ Хвалиміръ (Φαλιμέρης), а отъ этого Цуциміръ (Τζουτζημέρης). Князья Тервуніи были всегда въ подчиненіи у князей Сербіи" (с. 34, р. 161).

Итакъ, Константинъ сообщаетъ прежде всего о томъ, что по распоряженію императора Ираклія прибывшіе изъ Рима священники крестили Сербовъ. Безъ сомнѣнія, это происходило одновременно съ крещеніемъ Хорватовъ, при томъ же Иракліи, можетъ быть даже нѣсколько позже этого крещенія, но во всякомъ случаѣ стараніями того же самаго римскаго духовенства, слѣдовательно, это было около 640 года [3]). Въ отдѣлѣ о Хорватахъ мы уже подробно говорили о достовѣрности этихъ событій. Относительно Сербовъ прибавимъ только, что они, какъ видно, не получили отъ папы особаго епископа, а были причислены къ епархіи какого-то сосѣдняго епископства, но не извѣстно какого именно; весьма возможно, что Салонскаго (то-есть, собственно Сплѣтскаго). Вѣроятно, эта отдаленность отъ своей митрополіи была отчасти причиною того,

---

[1]) ὑπὲρ τῆς τοιαύτης χάριτος..."

[2]) ὅπερ λέγουσιν οἱ Βούλγαροι εἶναι πάκτον.

[3]) Слова Константина αὐτοῖς τῶν χρόνων πίστιν ἐξέθετο (с. 32, 153) мы переводимъ: „взялъ съ нихъ (то-есть, съ Сербовъ) клятву въ постоянной вѣрности". Эта клятва въ вѣрности, данная Сербами императору Ираклію, напоминаетъ нѣсколько извѣстный намъ договоръ Хорватовъ съ Римскимъ папой.

*

что христіанство у Сербовъ было очень непрочно, и многіе Сербы, по свидѣтельству самого Константина, оставались вовсе некрещеными, а многіе, вѣроятно, скоро отпали отъ христіанской вѣры, такъ что окончательное крещеніе Сербскаго народа произошло не ранѣе царствованія Василія Македонянина (867 г.). Со времени императора Ираклія всѣ Сербы, подобно своимъ сосѣдямъ Хорватамъ, находились подъ верховною властью Византіи. Такъ надо понимать, какъ мы видѣли, извѣстное свидѣтельство Константина [1]. Эта зависимость продолжалась до тѣхъ поръ, пока на византійскомъ престолѣ сидѣли императоры, которые умѣли поддержать авторитетъ имперіи. Но какъ скоро престолъ стали занимать одинъ за другимъ слабые и безпечные государи, естественно власть Византіи у подвластныхъ народовъ, между прочимъ и у Славянъ, стала ослабѣвать, и такой ходъ событій кончился наконецъ полнымъ освобожденіемъ какъ Сербовъ, такъ и другихъ Иллирскихъ Славянъ, отъ господства Византіи. Только положеніе Нарентанъ или Неречанъ не могло измѣниться, такъ какъ они и безъ того пользовались почти неограниченною свободою, добытой отважными предпріятіями и частными разбоями на морѣ. Отпаденіе Сербовъ (какъ и Хорватовъ) Константинъ относитъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ еще къ царствованію императора Михаила II Косноязычнаго (820—829 гг.), что̀ однако не совсѣмъ вѣрно; мы уже говорили въ главѣ о Хорватахъ, что окончательно отпаденіе Далматинскихъ Славянъ слѣдуетъ относить къ царствованію Михаила III [2]. Возвращеніе ихъ къ Византіи произошло, какъ извѣстно, при Василіи Македонянинѣ. Итакъ, только эти два событія, то-есть, крещеніе Сербовъ при Ираклія и отпаденіе ихъ отъ Византіи, извѣстны намъ изъ исторіи Сербовъ въ первые два вѣка по ихъ переселеніи. О князьяхъ Сербскихъ въ это время Константинъ не сообщаетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, ограничиваясь переименованіемъ нѣсколькихъ

---

[1] Мы уже выше показали, почему прежнее объясненіе этого мѣста, по нашему мнѣнію, оказывается несостоятельнымъ. *Шафарикъ*, основываясь на этомъ ложномъ пониманіи, говоритъ, что Сербы по смерти Ираклія тотчасъ отпали отъ власти Грековъ, что̀ совершенно невѣрно. Сл. Др., II, кн. 1, 412.

[2] Vita Basil., c. 52.

князей, предшествовавшихъ Властиміру, о которомъ мы знаемъ сравнительно больше.

Константинъ говоритъ, что „когда Болгарія была подвластна Римлянамъ, умеръ Сербскій князь, обратившійся къ императору Ираклію...“ Выраженіе „когда Болгарія была подвластна Римлянамъ“ значитъ: когда земля Болгарскихъ Славянъ еще принадлежала Византійской имперіи, иначе до вторженія и поселенія Болгарской орды на Балканскій полуостровъ, то-есть, до 678 г.; слѣдовательно, первый Сербскій князь, приведшій Сербовъ въ Иллирикъ, умеръ не позже 678 г., но такъ какъ Сербы поселились тутъ окола 640 г., то по всей вѣроятности, этотъ князь умеръ гораздо ранѣе 678 года. Ему наслѣдовалъ сынъ его, разказываетъ Константинъ,—затѣмъ внукъ и т. д. по порядку; скоро изъ этого рода произошелъ князь Βοισέσθλαβος [1]). Подъ этимъ именемъ нельзя не разумѣть Вышеслава [2]). Ему наслѣдовали другъ за другомъ, по свидѣтельству Константина, Ῥοδόσθλαβος,—Родославъ, Προσηγόης—Просигой, и наконецъ Βλαστήμερος—Властиміръ.

Ни объ этихъ князьяхъ, ни о послѣдующихъ событіяхъ мы не имѣемъ, кромѣ Константина, никакихъ другихъ извѣстій, которыми могли-бы провѣрить нашего историка. Такъ какъ впрочемъ разказы его не заключаютъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго или противорѣчиваго, то нѣтъ основаній не принимать его свидѣтельствъ, по крайней мѣрѣ относительно общаго хода событій. До Властиміра, говоритъ Константинъ,—Сербы и Болгары, какъ сосѣди, жили въ мирѣ и дружбѣ между собою. Миръ этотъ, конечно, не былъ слѣдствіемъ какого-нибудь особеннаго, дружественнаго расположенія между ними, а объясняется просто тѣмъ, что интересы ихъ еще не приходили въ столкновеніе: Сербы въ то время не проявляли воинственныхъ стремленій и спокойно относились къ поли-

---

1) *Шафарикъ* (II, 1, к. 412) предположительно относитъ его правленіе ко времени около 780 г., но мы не знаемъ, на чемъ основано это предположеніе.

2) Здѣсь греч. β соотвѣтствуетъ нашему *в*, далѣе двоегласная οι могла бы очень легко быть употреблена вм. *ы*, наконецъ вставка ϑ между σ и λ весьма обыкновенна не только въ греческомъ, но и латинскомъ языкахъ (какъ и вставка ϰ и τ). Примѣровъ такой вставки множество. У Константина: Ῥοδόσθλαβος, Πριβέσθλαβος, Τζεέσθλαβος. и въ им. Σθλαβησιανοί. Объ этомъ см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 59—62.

тическому усиленію своихъ сосѣдей, а интересы Болгаръ были направлены въ другую сторону: въ продолженіе всего VIII вѣка и начала IX ихъ силы сосредоточивались въ безпрерывной борьбѣ съ Византіей, а затѣмъ (при князѣ Мортагонѣ) они обратились къ сѣверу и вступили въ борьбу съ Франками, съ которыми были сосѣди на Дунаѣ; тутъ они успѣли овладѣть частью Панноніи, а именно Посавской Хорватіей (между прочимъ и Сремомъ). Утвердившись такимъ образомъ на среднемъ Дунаѣ, Болгары, для упроченія своей власти, не могли не имѣть притязаній и на Сербію, раздѣлявшую теперь ихъ владѣнія. И вотъ дѣйствительно, по свидѣтельству Константина, при Сербскомъ князѣ Властимірѣ пошелъ противъ Сербовъ войною Болгарскій князь Пресіамъ, желавшій подчинить ихъ. Это было, кажется, около 840 г., ибо приблизительно къ этому времени относится правленіе обоихъ воевавшихъ князей [1]. Война была неудачна для Болгаръ. Черезъ три года (приблизительно 836—839 гг.) Пресіамъ, потерявъ большую часть войска, долженъ былъ вернуться домой. Это былъ первый извѣстный намъ успѣхъ Сербовъ на военномъ поприщѣ. О князѣ Властимірѣ мы знаемъ еще изъ Константина, что онъ выдалъ дочь свою за жупана Тервуніи Краина, котораго по особенному расположенію сдѣлалъ независимымъ. Властиміру, продолжаетъ Константинъ,—наслѣдовали три сына: Μουντιμῆρος, Мунтиміръ, Мутиміръ (Мѫтимиръ), Строиміръ—Στροήμερος и Гоиникъ (или Гойникъ)—Γοΐνικος [2], подѣлившіе между собою Сербскую землю. Болгары однако не оставили своихъ завоевательныхъ притязаній и вступившій между тѣмъ (около 845) на болгарскій престолъ Борисъ, въ крещеніи Михаилъ (Μιχαὴλ ὁ Βορίσης), хотѣлъ отомстить за пораженіе своего отца Пресіама и предпринялъ походъ противъ Сербовъ. Но и это предпріятіе кончилось полнымъ пораженіемъ Болгаръ [3]. Сербы такъ разбили войско Бо-

---

[1]) *Шафарикъ* (II, кн. 1, 413) помѣщаетъ царствованіе Властиміра между 836 и 843 гг.

[2]) Срвн. Gojen, Gojak, Gojko (*Miclosich.*, Bild. d. Slav. Personennam., nr. 74); Rački, Docum., 359.

[3]) При этомъ то случаѣ, какъ предполагаютъ многіе, Сербы возвратили себѣ Босну или отъ Болгаръ, которымъ она могла достаться въ бывшую передъ тѣмъ войну съ Хорватами, или отъ самихъ Хорватовъ, ослабленныхъ междоусобицей.

риса, „что даже взяли въ плѣнъ его сына Властиміра съ двѣнадцатью великими боярами“ (μετὰ καὶ βολιάδων δώδεκα μεγάλων). Что касается сына Бориса, взятаго въ плѣнъ Сербами, то ученые единогласно признаютъ, что онъ названъ Константиномъ невѣрно, и что вмѣсто Βλαστήμερον надо читать Βλαδήμερον, то-есть, Владиміръ, ибо такъ звали старшаго сына Бориса [1]). Далѣе по разказу Константина, Борисъ изъ заботы о сынѣ заключилъ миръ съ Сербами. Такимъ образомъ Сербы опять торжествовали. О возвращеніи Бориса съ похода Константинъ сообщаетъ намъ довольно любопытное извѣстіе. Боясь, чтобы Сербы не устроили ему засады, Борисъ выпросилъ себѣ въ проводники двухъ сыновей Мунтиміра, Борена и Стефана, которые и проводили его невредимо до границы, а именно „до Расы“. По всей вѣроятности, это былъ городъ Раса (Рась, Раса), нынѣ Нови-Пазаръ, а можетъ быть, и рѣчка, нынѣшняя Рашка, на которой расположенъ этотъ городъ. О важности этого свидѣтельства для опредѣленія южной границы Сербіи была уже рѣчь. За оказанную услугу Борисъ поднесъ сыновьямъ Сербскаго князя богатые дары, за что и они отдарили его. Перечисленіе подарковъ, поднесенныхъ Борису, весьма любопытно и характеризуетъ народные обычаи того времени; эти подарки состояли изъ двухъ рабовъ, пары собакъ, пары соколовъ и 90 шкуръ (или мѣховъ). Изъ словъ Константина, что „Болгары считаютъ это знакомъ договора“, можно, кажется, заключить, что дарить названные предметы при договорахъ было болгарскимъ обычаемъ. Опредѣлить время этого похода Болгаръ на Сербію весьма трудно. Шафарикъ относитъ [2]) его приблизительно къ 843—860 годамъ, а нѣ-

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 289, прим.; *Dümmler*, 397, Anm. 3; R a č k i, Docum., 359. Что касается „великихъ бояръ“ болгарскихъ, взятыхъ въ плѣнъ Сербами, въ латинскомъ переводѣ: una cum machinis grandibus duodecim, разумѣющемъ подъ μεγάλοι βολιάδες – большія военныя машины, сдѣлана очевидная ошибка. Въ ту же ошибку впалъ и *Рамбо* (р. 327 и 462), основывающій между прочимъ на этомъ свидѣтельствѣ свое мнѣніе о степени развитія военнаго искусства у Болгаръ того времени, тогда какъ онъ же въ другомъ мѣстѣ (р. 322) говоритъ о великихъ боярахъ болгарскихъ (Les grands boliades, βολιάδες οἱ μεγάλοι), къ которымъ относились вопросы, предлагавшіеся по извѣстнымъ формуламъ византійскимъ Логоѳетомъ болгарскимъ посламъ (De cerimon., II, c. 47, p. 681).

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 413.

которые другіе ученые полагаютъ, что онъ былъ гораздо позже [1]. Но кажется то вѣрно, что онъ былъ еще до единовластія Мунтиміра, а такъ какъ устраненіе Мунтиміромъ своихъ братьевъ отъ власти относится приблизительно къ 872 г. [2]), то слѣдовательно, надо полагать, что война съ Болгарами была до этого года, вѣроятно— между 860—870 г., то-есть, около вступленія на византійскій престолъ Василія Македонянина (867 г.) [3]. Вскорѣ затѣмъ начались въ Сербіи несогласія между князьями. Мунтиміръ, устранивъ братьевъ, остался самодержавнымъ правителемъ, и съ этой минуты начинается въ Сербіи рядъ безпрерывныхъ пагубныхъ для Сербской земли междоусобій, разказъ о которыхъ сохранился только у одного Константина.

Что касается приморской Сербіи, то-есть, отдѣльныхъ областей сербскихъ, то исторія ихъ въ этотъ періодъ времени очень темна и мало выясняется изъ Константина. Сербскій князь назывался великимъ жупаномъ, и жупаны остальныхъ племенъ были, кажется, подвластны ему; дѣйствительно, эти племена въ первое время подчинялись князьямъ Сербскимъ—за исключеніемъ Нарентанъ (Неречанъ), которые, какъ мы видѣли, почти всегда были свободны; но впослѣдствіи то тотъ, то другой жупанъ пріобрѣталъ независимость, а временами даже значительное политическое вліяніе и силу. Въ разбираемую нами эпоху пріобрѣлъ самостоятельность жупанъ Тервуніи (въ первой половинѣ IX в.), какъ сообщаетъ Константинъ. Сербскій князь Властиміръ, по его словамъ, выдалъ дочь свою (имени ея не знаемъ) за Краина (или Краяна, Κραΐνα), сына Белы [4], жупана Тервунскаго. По особенному расположенію къ своему зятю, онъ провозгласилъ его княземъ, и притомъ самостоятельнымъ. Затѣмъ Константинъ называетъ преемниковъ этого Краина, бывшихъ, по всей вѣроятности, также независимыми [5].

---

[1]) *Rambaud* (p. 462) помѣщаетъ его около 887 г.

[2]) *Dümmler*, 430; Rački, Ocjena etc., 76.

[3]) Обѣ войны Бориса и съ Сербами и съ Хорватами должны быть помѣщены, по мнѣнію *Рачкаго* (Docum., 360), между 854 и 864 гг.

[4]) Κραΐνα, сравн. Kraja. Krajin, Krajko, Krajmir; Βελάη—Bêla, Belja (*Miklosich*, Bild. d. slav. Personennamen, nr. 174, 27); Rački, Docum. 359.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 422.

Это были Φαλιμέρης, очевидно Хвалиміръ, и Τζουτζημέρης, Цуциміръ (?), можетъ быть—Цвѣтиміръ [1]). Выраженіе „князья Тервуніи были всегда въ подчиненіи у князя Сербіи“ не вяжется съ предыдущимъ извѣстіемъ Константина. Вѣроятно, во времена нашего историка верховная власть надъ этою областью опять досталась Сербскому великому жупану [2]).

2. Сербія съ единовластія Мунтиміра до 949 года.

Объ этой эпохѣ сербской исторіи Константинъ сообщаетъ намъ гораздо болѣе, а особенно начиная съ X в. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже большею частью съ показаніями современника, который притомъ долженъ былъ хорошо знать то, о чемъ онъ повѣствовалъ, такъ какъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сербіи не мало интересовало Византію и императорскій дворъ, а въ источникахъ, изъ которыхъ Константинъ могъ почерпать свои свѣдѣнія о событіяхъ въ Сербіи, не было конечно недостатка. Причины непосредственнаго вмѣшательства Византіи въ судьбы этого народа извѣстны. То было время ожесточенной борьбы ея съ Болгарами, можно сказать—борьбы за существованіе, ибо стремленія царя Симеона были очень опредѣленны, а сила и энергія его внушали серіозныя опасенія. Византія сознавала свое критическое положеніе, и естественно, искала опоры вокругъ себя; при этомъ взоры ея съ особенными надеждами останавливались на Сербіи. Это была страна, на которую можно было опереться, расположивъ ее къ себѣ и вооруживъ противъ Болгаріи: для Византіи это былъ выгодный союзникъ въ тылу у врага, и вотъ дѣйствительно мы видимъ, что она въ этотъ періодъ времени не разъ вмѣшивалась въ дѣла Сербіи и покровительствовала ей, поддерживая однихъ претендентовъ на сербскій престолъ противъ другихъ, выставляемыхъ Болгарами.

Константинъ разказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: Въ гл. 29-й говорится, что собственные Сербы, Захлумцы, Тервуняне

---

1) Rački, ibid., 415.

2) Впрочемъ Rački (Ocjena, 77) предполагаетъ, что современникъ Константина былъ Цуциміръ.

и Каналиты участвовали въ походѣ противъ Сарацинъ и осадѣ г. Бара (с. 29, р. 131). Тамъ же Константинъ разказываетъ о томъ, какъ Сербы вмѣстѣ съ прочими Иллирскими Славянами обратились къ императору Василію, прося крестить некрещеныхъ между ними и принять ихъ подъ свою верховную власть, и какъ императоръ исполнилъ ихъ просьбу, крестивъ ихъ и назначивъ имъ князей, которыхъ они сами желали (подлинныя слова Константина были приведены нами въ отдѣлѣ о Хорватахъ).

„Паганы же", продолжаетъ нашъ авторъ,—которые на римскомъ (то-есть, греческомъ) языкѣ называются Арентанами, оставались некрещеными въ неприступныхъ и скалистыхъ мѣстностяхъ; вѣдь Паганы на славянскомъ языкѣ и значитъ *некрещеные*. Но послѣ того и они обратились къ славному императору, прося крестить ихъ. Онъ же послалъ къ нимъ (священниковъ) и крестилъ ихъ" (с. 29, р. 129).

Въ главѣ 32-й послѣ разказа о войнѣ Сербовъ съ Болгарскимъ княземъ Борисомъ слѣдуетъ:

„Вскорѣ затѣмъ возстали другъ противъ друга три брата—князья Сербскіе. Побѣдителемъ остался одинъ изъ нихъ, Мунтиміръ; желая управлять одинъ, онъ схватилъ и выслалъ обоихъ (братьевъ) въ Болгарію; только сына одного изъ братьевъ Гоиника, по имени Петра, онъ удержалъ при себѣ и заботился о немъ, а этотъ бѣжалъ въ Хорватію. Но о немъ скоро будетъ рѣчь. Вышеупомянутый братъ Строиміръ—въ Болгаріи имѣлъ сына Клониміра (Κλονίμερος), котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ; у него родился въ Болгаріи Чеславъ (Τζεέσθλαβος). Мунтиміръ же, изгнавъ двухъ братьевъ и принявъ правленіе, имѣлъ трехъ сыновей: Прибеслава (Πριβέσθλαβος), Брана (Βράνος) и Стефана (Στέφανος). По смерти его наслѣдовалъ престолъ старшій изъ нихъ Прибеславъ. На слѣдующій годъ вышеупомянутый Петръ, сынъ Гоиника, выступивъ изъ Хорватіи, свергнулъ съ престола своего двоюроднаго брата Прибеслава съ его двумя братьями и самъ захватилъ власть; а тѣ бѣжали въ Хорватію. Три года спустя Бранъ пошелъ войною противъ Петра, но побѣжденный и взятый въ плѣнъ, былъ имъ ослѣпленъ. Черезъ два года и Клониміръ, отецъ Чеслава, бѣжавъ изъ Болгаріи, двинулся

въ походъ и вступилъ съ войскомъ въ городъ Сербіи Достиниву (Δοστινίκα) съ цѣлью захватить власть. Петръ, одержавъ побѣду, убилъ его и правилъ еще 20 лѣтъ—въ царствованіе блаженнѣйшаго и святаго императора Льва, находясь подъ его властью. Онъ былъ въ мирѣ съ Болгарскимъ княземъ Симеономъ, который покумился съ нимъ (σύντεκνον αὐτὸν ἐποίησε). Послѣ царствованія властителя Льва тогдашній стратегъ въ Диррахіи, протоспаѳарій Левъ Рабдухъ (Λέων ὁ Ῥαβδοῦχος), сдѣланный впослѣдствіи магистромъ и логоѳетомъ бѣга, явился въ Паганію, подвластную въ то время князю Сербіи, чтобы повидаться и посовѣтываться съ княземъ Петромъ о какомъ-то подчиненіи и предпріятіи (περί τινος δουλώσεως καὶ ὑποθέσεως). Въ негодованіи за это Михаилъ, князь Захлумскій, далъ знать Симеону Болгарскому, что Римскій императоръ подкупаетъ князя Петра подарками, чтобъ онъ, соединившись съ Турками (то-есть, Мадьярами), пошелъ противъ Болгаріи; въ то время была война между Римлянами и Болгарами при Ахелоѣ (εἰς Ἀχελῶν). Разгнѣванный этимъ Симеонъ послалъ противъ Сербскаго князя Петра—Ѳеодора Сигрицу (τὸν Σιγρίτζη Θεόδωρον) и Мармаиса (Μαρμαήν) съ войскомъ и съ князькомъ Павломъ, сыномъ Брана, ослѣпленнаго Сербскимъ княземъ Петромъ. Болгаре, обманомъ добравшись до Сербскаго князя, покумившись съ нимъ и удостовѣривъ его клятвою, что они не причинятъ ему никакого зла, хитростью убѣдили его войдти и тогда, заключивъ въ оковы, увели въ Болгарію, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ. Вмѣсто него вступилъ на престолъ Павелъ, сынъ Брана, и правилъ три года. Императоръ же Романъ, имѣвшій при себѣ князька Захарія (Ζαχαρία), сына Сербскаго князя Прибеслава, послалъ его, чтобъ онъ сдѣлался сербскимъ княземъ. Но этотъ, отправившись и начавъ войну, былъ побѣжденъ Павломъ. Захвативъ его въ плѣнъ, Павелъ выдалъ его Болгарамъ, которые содержали его въ оковахъ. Три года спустя, когда Павелъ сталъ во враждебныя отношенія къ Болгарамъ, они отправили Захарія, посланнаго раньше императоромъ Романомъ. Захарій, прогнавъ Павла, самъ захватилъ власть въ Сербіи, и вспомнивъ благодѣянія Римскаго

императора, сталъ тотчасъ противъ Болгаръ, вовсе не желая имъ подчиняться, а предпочитая быть подвластнымъ Римлянамъ. Поэтому, когда Симеонъ послалъ противъ него войско подъ начальствомъ Мармаиса и Θеодора Сигрицы, то онъ въ видѣ военныхъ трофеевъ отослалъ ихъ головы и оружіе Римскому императору (ибо еще продолжалась война между Римлянами и Болгарами), и какъ предшествовавшіе князья посылали посольства къ Римскимъ императорамъ, такъ и онъ никогда не переставалъ быть подчиненнымъ и слушаться ихъ. А Симеонъ послалъ второе войско подъ начальствомъ Книна (Κνῆνος), Имника (Ἡμνῆκος) и Ицбоклія (Ἡτζβόκλια) противъ князя Захарія, а вмѣстѣ съ ними и Чеслава. Тогда Захарій, испугавшись бѣжалъ въ Хорватію. Болгаре же, давъ знать жупанамъ, чтобъ явились къ нимъ и приняли къ себѣ князя Чеслава, но помощью клятвы обманувъ ихъ и доведя до перваго мѣстечка, тотчасъ надѣли на нихъ оковы, и вступивъ въ Сербію, захватили все населеніе отъ мала до велика и увели въ Болгарію. Около этого времени тѣ же Болгаре, подъ предводительствомъ Алогоботура (Ἀλογοβότουρ), отправились съ цѣлью войны въ Хорватію и тамъ были всѣ истреблены Хорватами. Черезъ семь лѣтъ Чеславъ, бѣжавъ отъ Болгаръ вмѣстѣ съ другими четырьмя изъ Прѣславы (ἀπὸ Πρεσθλάβου), вступилъ въ Сербію, но не нашелъ въ этой землѣ никого, кромѣ 50 мужчинъ, безъ женъ и дѣтей, промышляющихъ охотой (κυνηγοῦντες καὶ διατρεφομένους). Вмѣстѣ съ ними завладѣвъ страной, онъ извѣстилъ Римскаго императора, прося у него участія и помощи, обѣщая слушаться и подчиняться его постановленіямъ, какъ и предшественники его. И съ тѣхъ поръ Римскій императоръ не переставалъ ему благодѣтельствовать, такъ что Сербы, жившіе въ Хорватіи, Болгаріи и остальныхъ земляхъ, которыхъ Симеонъ разсѣялъ, услышавъ объ этомъ, сбирались къ нему. Но и въ Константинополь собрались многіе бѣглецы изъ Болгаріи, которыхъ Римскій императоръ, снабдивъ одеждами и облагодѣтельствовавъ (ἐνδύσας καὶ εὐεργετήσας), отправилъ къ Чеславу. Поддержанный богатыми подарками Римскаго императора и заселивъ землю, какъ въ прежнее время, онъ

сталъ послушнымъ слугою Римскаго императора послѣ того, какъ упрочилъ за собою съ помощью послѣдняго и его благодѣяній ту землю и былъ въ ней утвержденъ княземъ. Сербскій князь съ самаго начала, то-есть, съ царствованія Ираклія, былъ подвластенъ Римскому императору, а никогда не подчинялся Болгарскому князю“ (с. 32, 155—159).

Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Василія Македонянина, то-есть, вскорѣ послѣ 867 г., произошла важная перемѣна въ политическихъ и церковныхъ отношеніяхъ Иллирскихъ Славянъ: признаніе верховной власти Византійскаго императора послѣ довольно продолжительной независимости при его слабыхъ предшественникахъ, и особенно при Михаилѣ III, и одновременно съ этимъ переходъ къ Восточной церкви, находившейся въ то время уже въ разрывѣ съ Западною. Въ этотъ разъ произошло окончательное крещеніе Сербовъ, которые отчасти оставались еще не крещеными, а отчасти успѣли уже отпасть отъ христіанства. Константинъ не опредѣляетъ точно времени этихъ событій, и потому оно остается темнымъ. Въ 871 г. была извѣстная осада Бара, занятаго Сарацинами; участіе Сербовъ въ этомъ предпріятіи, кажется, доказываетъ, что они уже признавали надъ собою власть Греческаго императора; если такъ, то значитъ это признаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крещеніе Сербовъ по восточному обряду произошло до 871 года [1]), вѣроятно, вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Болгарами, когда на сербскомъ престолѣ находились еще всѣ три Властиміровича [2]).

Неречане, по свидѣтельству Константина, въ своей недоступной гористой странѣ долго уклонялись отъ принятія христіанства, но наконецъ и они, увлеченные общимъ примѣромъ, обратились къ истинной вѣрѣ, и тотъ же императоръ Василій, отправивъ священниковъ, крестилъ ихъ [3]). Вспомнимъ здѣсь то, что̀ уже было выше замѣчено относительно обращенія всѣхъ Иллирскихъ Славянъ къ Восточной церкви, именно—необходимость признать, что тутъ не могла не имѣть своего вліянія близкая сердцу всѣхъ Славянъ дѣятельность великихъ просвятителей Кирилла и

[1]) *Голубинскій* (тамъ же, стр. 446) относитъ эти событія къ 868—870 гг.

[2]) Примѣру Сербовъ, какъ мы знаемъ, послѣдовали и Хорваты, но кажется, нѣсколько позже (при Седеславѣ).

[3]) Объ этомъ крещеніи сравн. *Lucius*, I, II, c. III.

Меѳодія; это соображеніе относится особенно къ Сербамъ, которые, какъ сосѣди Болгаръ, должны были слышать объ успѣхахъ славянскаго богослуженія и естественно желали его распространенія у себя. По всей вѣроятности, и упорные язычники Неречане руководствовались въ обращеніи къ христіанству тѣмъ же побужденіемъ; латинскій обрядъ и латинскій языкъ не могли ихъ до сихъ поръ помирить съ христіанскою религіей [1]).

Мы обратимся теперь къ свидѣтельствамъ Константина, описывающимъ эпоху внутреннихъ междоусобій въ Сербіи и борьбы съ Болгарами, сопровождавшей эти смуты.

Надо замѣтить, что почти все, что мы знаемъ о Болгарахъ изъ Константина, заключается именно въ этихъ его свидѣтельствахъ, ибо Болгарамъ онъ не посвятилъ особаго повѣствованія. Вскорѣ послѣ войны съ Болгарами князья Сербскіе, три брата Властиміровича, возстали другъ противъ друга и одинъ изъ нихъ (старшій), Мунтиміръ, побѣдивъ братьевъ (Строиміра и Гоиника), выслалъ ихъ въ Болгарію и сталъ управлять одинъ. Таковъ разказъ Константина. Хотя онъ и не представляетъ ничего неправдоподобнаго, однако намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить, что виной этой смуты былъ одинъ Мунтиміръ, стремившійся къ единодержавію. А такъ какъ братья, вѣроятно, не хотѣли безъ сопротивленія уступить ему своихъ правъ, то онъ прибѣгнулъ къ силѣ и успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Это событіе обыкновенно относятъ приблизительно къ 872 г. Затѣмъ возбуждаетъ въ насъ нѣкоторое сомнѣніе извѣстіе, будто бы Мунтиміръ выслалъ своихъ братьевъ въ Болгарію. Какую цѣль могъ онъ имѣть отправлять обиженныхъ имъ князей въ страну, во всякомъ случаѣ враждебно расположенную къ Сербіи? Гораздо правдоподобнѣе, что Мунтиміръ просто изгналъ своихъ братьевъ изъ предѣловъ Сербіи, а они сами удалились въ Болгарію, надѣясь вѣроятно найдти тамъ поддержку противъ обидчика.

Но изгоняя братьевъ, Мунтиміръ изъ предосторожности оставилъ у себя въ видѣ заложника своего племянника Петра Гойниковича, можетъ быть—отчасти по той причинѣ, что этотъ князь своимъ энергическимъ характеромъ, выказавшемся впослѣдствіи, возбуждалъ въ немъ нѣкоторыя опасенія. Но Петру, который, вѣ-

[1]) *Гильфердингъ*, Письма, I, стр. 69.

роятно, былъ возмущенъ поступкомъ дяди съ своимъ отцомъ, удалось таки бѣжать и онъ укрылся въ Хорватіи, гдѣ, какъ мы увидимъ, находили убѣжище вообще всѣ сербскіе князья, лишенные власти.

Далѣе Константинъ разказываетъ, что Строимиръ, жившій въ Болгаріи, имѣлъ сына Клонимира (Κλονίμηρος), котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ. Это участіе Бориса въ судьбѣ Сербскаго князя-изгоя весьма знаменательно и открываетъ намъ его планы. Очевидно, Борисъ хотѣлъ этимъ путемъ приготовить Сербскому князю соперника, который съ одной стороны имѣлъ бы право на сербскій престолъ, а съ другой—былъ бы на половину Болгариномъ, и такимъ образомъ служилъ бы болгарскимъ интересамъ. Дѣйствительно, у Клонимира былъ сынъ Чеславъ (Τζεέσθλαβος), котораго впослѣдствіи Симеонъ прочилъ въ князья Сербскіе, но который однако, въ своихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ, не оправдалъ надеждъ этихъ послѣднихъ.

Мунтимиръ, сдѣлавшись самодержавнымъ княземъ Сербіи, имѣлъ трехъ сыновей: Прибислава, или по Константину, Прибеслава — Πριβέσθλαβος [1]), Брана—Βράνος [2]) и Стефана—Στέφανος. Смерть Мунтиміра относится къ 890—891 годамъ: точно опредѣлить годъ — трудно [3]). Старшій сынъ его Прибиславъ сдѣлался княземъ, но не надолго.

На слѣдующій же годъ (891 или 892) его двоюродный братъ, уже знакомый намъ Петръ Гойниковичъ, явился изъ Хорватіи и свергъ Прибислава; изгнанные Прибиславъ и его братья въ свою очередь бѣжали въ Хорватію. Но Петру предстояло еще два раза отстаивать свой престолъ. Черезъ три года (около 895) пошелъ противъ него его двоюродный братъ Бранъ (Боренъ?) Мунтиміровичъ, но былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, а еще черезъ два года (около 897) другой его двоюродный братъ Клонимиръ Строи-

---

[1]) *Голубинскій* (тамъ же, 426) передяетъ это имя въ формѣ Первославъ, но кажется, безъ достаточнаго основанія.

[2]) Мы видѣли ранѣе, что Бориса провожали два сына Мунтиміра: Боренъ и Стефанъ. Вѣроятно, Боренъ и Бранъ (искаженное) одно и то же лицо, Сравн. Rački, Ocjena etc., 76.

[3]) По *Шафарику* (II, кн. 2, 414) это было около 890 г., по другимъ (*Dümmler*, Rački, *Гильфердингъ*)—около 891.

міровичъ вздумалъ также попытаться овладѣть престоломъ и бѣжавъ изъ Болгаріи [1]), вступилъ съ войскомъ въ сербскую столицу Достинику (Δοστινίκα, въ другомъ мѣстѣ—Дестиника), но Петръ одержалъ и надъ нимъ побѣду и даже убилъ его, то-есть, вѣроятно, по его приказанію Клонимиръ былъ умерщвленъ. Послѣ этого Петръ царствовалъ еще 20 лѣтъ, т. е. до 917, былъ современникомъ императора Льва Мудраго (886—912 гг.) и признавалъ его верховную власть. Впрочемъ послѣднее не достовѣрно [2]). Во все это время онъ жилъ въ мирѣ съ Болгарскимъ княземъ Симеономъ, который даже покумился съ нимъ [3]), но около 917 г. случилось обстоятельство, нарушившее миръ между ними. Въ то время война Симеона съ Греками была въ полномъ разгарѣ, и обѣ стороны, пользуясь небольшимъ перемиріемъ, готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, разказываетъ Константинъ, — послѣ царствованія Льва († 912 г.) стратигъ провинціи Диррахія, Левъ Рабдухъ, Λέων Ῥαβδοῦχος [4]), протоспаѳарій, а впослѣдствіи магистръ и логоѳетъ, прибылъ въ Паганію, подвластную тогда Сербскому князю, чтобы посовѣтоваться съ княземъ Петромъ о какихъ-то тайныхъ дѣлахъ. Тогда князь Захлумскій Михаилъ, прійдя въ негодованіе за это, донесъ Симеону о томъ, что Римскій императоръ [5]) подкупаетъ Сербскаго князя подарками, чтобъ онъ вмѣстѣ съ Уграми пошелъ войною противъ Болгаріи. Дѣйствительно, Византія старалась поднять Петра противъ Симеона и, по всей вѣроятности, Петръ былъ

---

[1]) Судя по этому, Клонимиръ находился подъ присмотромъ въ Болгаріи. Но возможно, что Константинъ тутъ ошибается. Клонимиръ могъ искать сербскаго престола тоже при содѣйствіи Болгаръ.

[2]) Это признаніе Петромъ верховной власти Византіи сомнительно въ виду того, что въ такомъ случаѣ были бы немыслимы дружественныя отношенія Петра съ Симеономъ Болгарскимъ. На это справедливо указываетъ *Дриновъ* (тамъ же, стр. 48). Петръ могъ признавать только верховное покровительство Византіи. Дриновъ полагаетъ, что Сербія, какъ и Захлумцы, была въ то время въ зависимости отъ Симеона, но это мнѣніе кажется намъ совершенно произвольнымъ.

[3]) σύντεκνον αὐτόν ἐποίησε.

[4]) Названіе какой-то должности; Meurseus переводитъ lictor. См. *Banduri*, Anim., 354.

[5]) Греческимъ императоромъ былъ тогда собственно уже Константинъ, но вслѣдствіе несовершеннолѣтія управляли опекуны и мать его Зоя.

не прочь послѣдовать совѣту Грековъ, потому что Симеонъ тогда же рѣшилъ войну съ Сербами.

Тутъ заслуживаетъ вниманія поступокъ Захлумскаго князя Михаила, державшагося, какъ видно, стороны Болгаръ. Изъ его поведенія можно заключить, что онъ не только былъ совершенно независимъ отъ князя Сербіи, но даже былъ на столько силенъ, что рѣшался дѣйствовать противъ него и противъ самихъ Грековъ, заодно съ ихъ врагами.

Тотчасъ послѣ знаменитой битвы при р. Ахелоѣ (917 г.) Симеонъ, возбужденный своими успѣхами, отправилъ противъ Петра войско подъ начальствомъ Θеодора Сигрицы или Сигрича (Σιγρίτζη) и Мармаиса или Мармая (Μαρμαῆς) [1]), съ Павломъ Брановичемъ, котораго Симеонъ хотѣлъ посадить на сербскій престолъ [2]). Болгаре вступили въ переговоры съ Петромъ, поклялись, что не злоумышляютъ противъ него, даже покумились съ нимъ—все для того, чтобъ онъ довѣрился имъ. А когда онъ дѣйствительно рѣшился на личное свиданіе съ ними, то они измѣннически схватили его, плѣнникомъ отвели въ Болгарію и заключили въ темницу, гдѣ онъ вскорѣ и кончилъ жизнь. На престолъ сербскій былъ ими посаженъ Павелъ Брановичъ. Такимъ образомъ Симеонъ на первый случай достигъ своей цѣли, такъ какъ Павелъ былъ вполнѣ преданъ Болгарамъ и могъ быть только полезенъ имъ въ войнѣ съ Греками. Но Византія хорошо понимала, что такое положеніе вещей было для нея весьма опасно, и императоръ Романъ рѣшился принять мѣры противъ пагубнаго для него союза Сербіи съ Болгаріей. Онъ, по словамъ Константина, имѣлъ при себѣ князька Захарію, сына Прибислава [3]), котораго и послалъ въ Сербію съ тѣмъ, чтобъ онъ

---

[1]) Эти имена очевидно не славянскія, и подобно другимъ именамъ вождей болгарскихъ, упоминаемымъ Константиномъ, обличаютъ ихъ восточное происхожденіе.

[2]) *Гильфердингъ* (Письма, 139, 146), не совсѣмъ вникнувъ въ текстъ Константина, говоритъ о слѣпотѣ Павла, тогда какъ это относится вовсе не къ Павлу, а къ отцу его Брану, ослѣпленному, какъ извѣстно, Петромъ.

[3]) Какъ попалъ Захарія въ Византію—намъ не извѣстно: можетъ быть, онъ самъ, какъ сынъ и наслѣдникъ законнаго князя, искалъ покровительства и помощи у Византійскаго императора, а можетъ быть, послѣдній вызвалъ его болѣе для собственныхъ цѣлей.

отнялъ престолъ у Павла. Вѣроятно, Романъ далъ ему и средства для этого предпріятія. Но Захаріи не посчастливилось. Павелъ одолѣлъ его, взялъ въ плѣнъ и выдалъ Болгарамъ, которымъ продолжалъ усердно служить.

По словамъ Константина, Павелъ правилъ три года. По истеченіи этого времени (920 г.) онъ внезапно перемѣнилъ свой образъ дѣйствія и изъ покорнаго слуги Симеона сдѣлался его врагомъ. Вѣроятно, это было отчасти слѣдствіемъ происковъ Византіи.

Тогда Болгаре, не долго думая, отправили Захарію противъ Павла; безъ сомнѣнія, они дали ему и войско, съ уговоромъ, что онъ будетъ держать сторону Болгаръ. На этотъ разъ Захаріи удалось побѣдить Павла и овладѣть сербскимъ престоломъ. Но обѣщанія, даннаго Симеону, онъ и не думалъ исполнять; онъ не забылъ того благодѣянія, которое первоначально оказалъ ему Греческій императоръ, и потому открыто перешелъ на его сторону, „предпочитая быть подвластнымъ Римлянамъ, чѣмъ подчиняться Болгарамъ". Разгнѣванный Симеонъ послалъ противъ Захаріи войско подъ предводительствомъ уже знакомыхъ намъ Ѳеодора Сигрицы и Мармаиса. Однако оно было разбито Сербскимъ княземъ, и головы взятыхъ въ плѣнъ предводителей вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ, въ видѣ трофеевъ, посланы Византійскому императору. Это было около 923 г., въ то время, когда Симеонъ возобновлялъ войну съ Византіей и предпринималъ грозный походъ противъ нея. Неудача въ Сербіи привела его въ сильное негодованіе, и желаніе во чтò бы то ни стало отомстить Сербамъ и наконецъ подчинить ихъ было, можетъ быть, причиною того, что онъ, не смотря на свои блестящія дѣла въ войнѣ съ Греками, не воспользовался выгоднымъ положеніемъ для дальнѣйшей борьбы и удовольствовался унизительнымъ для Византіи миромъ. Итакъ, вернувшись въ Болгарію, онъ снарядилъ большое войско и отправилъ его противъ Захаріи подъ начальствомъ трехъ вождей: Книна (Κνῆνος), Имника (Ἡμνηκος) и Ицвоклія (Ἡτζβόκλια) [1]) вмѣстѣ съ новымъ претенден-

---

[1]) Имена, по видимому, восточнаго склада: Имникъ можетъ быть Миникъ (*Гильфердингъ*, Письма, 148). Г. *Куникъ* справедливо полагаетъ, что тутъ за имена (Κνῆνος и Ἥμνηκος) приняты можетъ быть *званія* (какъ и у Кедрина однажды являются именами Χαγάκος и Μινικὸς), и сопоставляетъ съ

томъ на сербскій престолъ Чеславомъ [1]) Клониміровичемъ, правнукомъ Властиміра, который, какъ мы видѣли, родился и провелъ всю молодость въ Болгаріи, и у котораго даже мать была Болгарка.

Походъ Болгаръ былъ направленъ на этотъ разъ не противъ одного князя, а противъ всего Сербскаго народа; Симеонъ хотѣлъ жестоко наказать его. Чеславъ былъ взятъ, по видимому, только для того, чтобы не возбудить подозрѣнія въ народѣ. Князь Захарія, узнавъ о приближеніи сильнаго болгарскаго войска и предчувствуя, что ему не сдобровать, поспѣшилъ укрыться въ Хорватію. Тогда Болгаре побѣдоносно вступили въ предѣлы Сербіи, и созвавъ сербскихъ жупановъ, какъ бы для того, чтобы представить имъ ихъ новаго князя (Чеслава), клятвой увѣрили ихъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и пригласили на свиданіе. Жупаны довѣрчиво явились на зовъ, но были схвачены и въ оковахъ уведены въ плѣнъ. Послѣ того болгарское войско стало жестоко опустошать Сербскую землю, уводя въ неволю весь народъ „отъ мала до велика". Успѣвшіе спастись бѣжали въ сосѣднія земли, преимущественно въ Хорватію [2]). Сербія совершенно опустѣла (924—925 гг.).

Затѣмъ Константинъ сообщаетъ извѣстіе о походѣ Болгаръ въ Хорватію. Болгарское войско подъ начальствомъ Алогоботура (Ἀλογοβότουρ) [3]) вторглось въ Хорватію, но, по словамъ нашего историка, было все истреблено. Вѣроятно, этотъ походъ былъ предпринятъ Болгарами частью для того, чтобы наказать Хорватовъ за то, что они давали у себя убѣжище

этимъ мѣста изъ продолжателя Ѳеофана (Theoph. Cont., VI, 8, p. 401): ἅμα καὶ Χαγάνῳ καὶ Μηνικῷ и продолжателя Георгія Амартола (ed. Bonn., p. 893; *Muralt* 819): ἅμα Καυχάνῳ καὶ Μηνικῷ. Г. Куникъ считаетъ второе имя безспорно „меникъ", а первое—извращеннымъ именемъ *Кавкана*. „О родствѣ Болгаръ"—Извѣстія Ал. Бекри, С.-Пб. 1878, стр. 152.

[1]) Τζεέσθλαβος, Чеславъ, первоначально Чаславъ. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 264.

[2]) Многіе Сербы бѣжали и въ Византію: императоръ Романъ, по водвореніи Чеслава въ Сербіи, отсылалъ ихъ къ нему.

[3]) Это имя чисто татарское; доказательствомъ служитъ послѣдняя его часть „ботуръ", то-есть, „батырь", довольно обыкновенная приставка въ именахъ татарскихъ. См. *Гильфердингъ*, Письма, в. I, 148.

Сербамъ, а частью для того, чтобы расширить свои владѣнія до Адріатическаго моря. Это было около 927 г.; но въ этомъ же году Симеонъ умеръ [1]), и съ нимъ, можно сказать, окончилась славная эпоха болгарской исторіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что по смерти Симеона Хорваты, Мадьяры и часть Сербовъ хотѣли воевать съ Болгаріей, но предпріятіе это не состоялось [2]).

Чеславъ, конечно, не могъ забыть той глупой и смѣшной роли, какую ему пришлось играть при разгромѣ Сербіи, когда Симеонъ бралъ его съ собою подъ предлогомъ возведенія на сербскій престолъ. Чувство мести и обманутой надежды побудило его къ осуществленію важнаго замысла [3]). Семь лѣтъ спустя послѣ опустошенія Сербіи онъ, по свидѣтельству Константина, бѣжалъ съ другими четырьмя изъ Прѣславы (Прѣслава), явился въ Сербію, но не нашелъ въ ней никого, кромѣ 50 мужчинъ, промышлявшихъ охотой; съ ними не было ни женъ, ни дѣтей.

Судя по показанію Константина, бѣгство Чеслава изъ Болгаріи было въ 931 или 932 г., такъ какъ разгромъ Сербіи долженъ быть отнесенъ къ 924—925 году. Чеславъ бѣжалъ изъ Прѣславы [4]), то-есть, столицы Болгаріи, „съ другими четырьмя". Кого разумѣлъ Константинъ подъ этими другими? По всей вѣроятности — иначе и нельзя себѣ представить — тутъ разумѣются тѣ жупаны, которые при вторженіи Болгаръ были ими вѣроломно захвачены въ плѣнъ. Желая возвратиться на родину и

---

[1]) По Өеофанову Продолжателю (l. VI, c. 20), Симеонъ самъ, 27-го мая, предводительствовалъ въ походѣ въ Хорватію и былъ побѣжденъ; другіе относятъ къ этому дню смерть Симеона. *Дюмлеръ* (423—424, пр. 4) полагаетъ, что, можетъ быть, въ одно и то же время войско Симеона было разбито въ Хорватіи, а онъ умеръ въ Болгаріи. Нѣкоторые заключаютъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что Симеонъ погибъ въ войнѣ съ Хорватами; *Rambaud*, 418. Однако вѣроятнѣе, что война съ Хорватами была очень скоро послѣ разгрома Сербіи (925 г.), то-есть, года за два до смерти Симеона. См. *Дриновъ*, тамъ же, 54, 58.

[2]) *Dümmler*, 424.

[3]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 137.

[4]) Πρέσθλαβον, Presthlavon, другія формы у Византійцевъ: Presthlawa, Persthlawa, Peristhlawa и т. д. У Нестора—Переяславецъ, древній Маркіанополь, столица Болгаріи; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 359; срвн. *Banduri*, ed. Bonn., 368—369.

вновь пріобрѣсти свое прежнее положеніе, они соединились съ Чеславомъ и сдѣлались его сподвижниками въ возстановленіи Сербіи. Что касается числа четырехъ, то Гильфердингъ полагаетъ [1]), что оно имѣетъ историческое значеніе, относясь „къ тѣмъ четыремъ главнымъ жупанствамъ, на которыя, по его замѣчанію, всегда болѣе или менѣе рѣзко дѣлилась земля Сербская, то-есть, на жупанства собственной Сербіи, Боснійское, Діоклейское (Зетское) и Рашское"..... Намъ кажется, что нѣтъ достаточнаго основанія придавать такое опредѣленное значепіе этому числу четырехъ; оно могло быть и совершенно случайно. Притомъ сомнительно, чтобы тутъ же былъ и Діоклейскій жупанъ: разореніе Сербіи Болгарами врядъ ли простиралось и на эту область. Константинъ сообщаетъ, что Чеславъ, прибывъ въ Сербію, нашелъ тутъ только 50 мужчинъ безъ женъ и дѣтей; нельзя не сознаться, что это показаніе объ опустошеніи Сербіи представляется слишкомъ преувеличенымъ [2]). Безъ всякаго сомнѣнія, часть населенія покидала свои жилища только временно и въ ту пору уже возвратилась на родину.

Устроивъ нѣсколько свои дѣла и принявъ княжескую власть (ок. 934 г.), Чеславъ извѣстилъ Византійскаго императора о своемъ водвореніи на сербскомъ престолѣ, прося участія и обѣщая покорность императорской власти; Романъ съ большою радостью принялъ подъ свое покровительство и князя, и народъ его: онъ всячески содѣйствовалъ возстановленію Сербскаго княжества. Очень можетъ быть, что это извѣстіе Константина не совсѣмъ точно. Предположеніе г. Дринова, что переговоры Чеслава съ Византіей начались еще тогда, когда этотъ князь былъ въ Прѣславѣ, и что безъ обѣщанія содѣйствія со стороны Византіи онъ не могъ расчитывать на успѣхъ предпріятія,—весьма правдоподобно [3]). Масса Сербовъ отовсюду, въ особенности изъ Хорватіи, стала стекаться въ прежнія жилища свои, и мало по малу Сербія опять вся заселилась. И въ Константинополѣ также были многіе сербскіе бѣглецы, говоритъ Константинъ. Императоръ Романъ, снабдивъ ихъ одеждами и облагодѣтельствовавъ, отпустилъ на родину. Чеславъ

[1]) *Гильфердингъ*, Письма, I, 231—232.
[2]) *Dümmler*, 423, прим. 3; *Дриновъ*, стр. 136.
[3]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 138.

не только былъ утвержденъ княземъ, но даже получилъ отъ императора богатые подарки, за что и самъ ему вполнѣ подчинился.

Этимъ и кончаются свидѣтельства Константина о современной ему Сербіи. Надо думать, что Чеславъ еще былъ княземъ Сербіи, когда Константинъ писалъ свое сочиненіе (ок. 950 г.) [1]). Благодаря особенной поддержкѣ Византіи, легко объяснимой желаніемъ создать противовѣсъ могуществу Болгаръ, Сербія очень скоро не только оправилась, но и достигла довольно виднаго политическаго значенія [2]).

О судьбѣ приморскихъ жупанствъ сербскихъ Константинъ почти ничего не сообщаетъ: встрѣчаются только случайныя упоминанія о нихъ. Такъ мы видѣли, что въ княженіе Петра стратигъ Диррахія явился для переговоровъ съ нимъ „въ Паганію, бывшую въ то время подвластною Сербскому князю". Изъ этого можно заключить, что при князѣ Петрѣ, около 917 г., Неречане или Паганы не пользовались безграничною свободой—по крайней мѣрѣ въ землѣ своей, такъ какъ на морѣ они, по всей вѣроятности, безпрепятственно продолжали свою буйную дѣятельность. Но если ихъ область была въ ту пору въ зависимости отъ Сербскаго князя, за то жупанство Захлумское было совершенно независимо, что видно по доносу Захолмскаго князя Михаила Болгарскому князю Симеону о переговорахъ Петра съ Греками относительно войны съ Болгарами. Такой фактъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ не только о самостоятельности, но и о могуществѣ этого князя Михаила, котораго Константинъ называетъ въ другомъ мѣстѣ сыномъ князя Βουσεβούτζη [3]). Это послѣднее имя такъ искажено, что нѣтъ почти никакой возможности возстановить его. Шафарикъ читаетъ „Вышевить" (то-есть, Вышевичъ) и полагаетъ [4]), что это, можетъ быть,

---

[1]) *Banduri*, Anim., 354. Константинъ называетъ его самымъ послушнымъ подданнымъ Византіи (ἐστὶν ὑποτεταγμένος δουλοπρέπως). Сар. 32, стр. 159.

[2]) На положеніе Сербіи въ то время бросаетъ свѣтъ слѣдующее свидѣтельство арабскаго писателя Масуди (писавшаго между 930—950 гг.): „Это славянское племя (то-есть, Сербы) грозно (своимъ противникамъ) по причинамъ, упоминаніе коихъ было бы длинно, по качествамъ, изложеніе которыхъ было бы пространно, и по отсутствію вблизи ихъ государства, которому они подчинялись бы". *Гаркави*, Сказанія мусульм. писателей, стр. 136, прим. 12; срвн. *Дриновъ*, тамъ же, 139.

[3]) Сар. 33, р. 160.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 422.

то же, что̀ Вышеславичъ, то-есть, сынъ Вышеслава, прозывавшагося сокращенно „Выша“. Но это объясненіе, конечно, не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ [1]). Князь Михаилъ названъ у Константина также проконсуломъ и патриціемъ. На этомъ основаніи можно думать, что онъ былъ когда-нибудь—раньше или позже—въ хорошихъ отношеніяхъ съ Византійскимъ императоромъ, ибо упомянутыя званія раздавались только тѣмъ князьямъ, которые признавали верховную власть Византіи [2]).

---

[1]) Нѣкоторые читаютъ первую половину имени (Βουσε)=Все, какъ въ именахъ Всеволодъ, Всеславъ и т. д., но вторая половина остается совершенно непонятною.

[2]) *Дриновъ* (тамъ же, стр. 51) полагаетъ, что этотъ переходъ Михаила на сторону Византіи совершился уже позже, когда съ Византіей сблизилась и Хорватія (послѣ 920 г.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О Болгарахъ.

Константинъ особо не говоритъ о Болгарахъ, а сообщаетъ извѣстія о нихъ только мимоходомъ, кстати, когда того требуетъ его повѣствованіе о другихъ племенахъ и странахъ. Почти всѣ его свидѣтельства объ этомъ племени заключаются въ главахъ его сочиненія „Объ управленіи имперіей“, описывающихъ событія въ Хорватіи и Сербіи (то-есть, въ гл. 31-й и 32-й). Кромѣ того, есть у него и еще кое-какія упоминанія о Болгарахъ, но большая часть ихъ такъ отрывочны и несущественны, что не имѣютъ первостепеннаго значенія [1]). Такъ какъ мы уже разсмотрѣли тѣ извѣстія о нихъ, которыя связаны съ повѣствованіемъ Константина о Хорватахъ и Сербахъ, то и ограничимся здѣсь тѣмъ, что приведемъ ихъ только въ связь и порядокъ и прибавимъ къ нимъ еще то, что̀ сверхъ того упоминаетъ Константинъ о Болгарахъ. Нельзя не задать себѣ вопроса, почему Константинъ не распространяется болѣе подробно о Болгарахъ, почему онъ не посвятилъ имъ особой главы своего сочиненія, когда онъ это сдѣлалъ относительно всѣхъ другихъ племенъ, занимавшихъ земли не только въ предѣлахъ Византійской имперіи, но и внѣ ея [2])? Быть можетъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что Болгарія, въ своихъ отношеніяхъ и дѣлахъ, какъ ближайшая сосѣдка Византіи, съ которою послѣдней такъ много пришлось считаться, была на столько извѣстна Византійцамъ, а тѣмъ болѣе царскому сыну, что Багрянородный не счелъ

[1]) Вотъ, напримѣръ, мѣста, гдѣ встрѣчаются подобныя упоминанія: De adm. imp., c. VIII, p. 73; c. XXII, 103; c. XXXVII, 166—167; c. XL, p. 174.

[2]) Константинъ подробно говоритъ о Печенѣгахъ и Мадьярахъ и останавливается даже на Великой Моравіи, державѣ Святополка.

нужнымъ говорить о ней особо. А возможно и то, что Константинъ имѣлъ тутъ въ виду политическія соображенія. Въ то время Византія держалась относительно Болгаріи коварной политики: открыто — она не упускала случая заявлять Петру свою дружбу и выставляла себя союзницею Болгаръ, тайно же — она строила противъ нея козни и подкапывалась подъ основанія ея могущества [1]). Поэтому Константинъ считалъ, вѣроятно, болѣе благоразумнымъ не вдаваться въ подробности относительно Болгаръ. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство заслуживаетъ вниманія [2]).

Прежде чѣмъ мы обратимся къ изложенію извѣстій Константина, необходимо еще замѣтить, что Константинъ подъ Болгарами разумѣетъ *собственно Болгарскій* народъ, какъ пришлую съ востока орду, а не Славянъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, которые впослѣдствіи, благодаря своему несравненному численному превосходству и высшей степени культуры, поглотили пришлый тюркскій элементъ, совершенно ославянивъ его. Это ославяненіе, безъ сомнѣнія, достигло значительныхъ результатовъ уже и во времена Константина, то-есть, въ X вѣкѣ, но элементъ собственно болгаро-тюркскій еще преобладалъ политически и былъ довольно силенъ, особенно въ высшихъ классахъ населенія, а потому современники-Византійцы не замѣчали его постепеннаго ослабленія [3]).

О жилищахъ Болгаръ Константинъ не сообщаетъ почти ровно никакихъ свѣдѣній [4]); поэтому мы перейдемъ прямо къ его свидѣтельствамъ, касающимся исторической жизни этого народа.

---

[1]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 69—70 и далѣе.

[2]) Слѣдуетъ имѣть въ виду также и то, что Константинъ долженъ былъ бы, говоря отдѣльно о Болгарахъ, описывать и недавнее торжество ихъ и униженіе Византіи. Онъ не могъ бы умолчать объ этихъ важныхъ событіяхъ, какъ и не могъ бы, по своей правдивости, извратить ихъ, а разказать ихъ такъ, какъ они совершились, ему не позволяло его самолюбіе Грека, и притомъ императора. Оттого-то, можетъ быть, онъ и предпочелъ совсѣмъ умолчать о нихъ.

[3]) Онъ сохранялся и въ царствующей династіи, и особенно въ высшемъ сословіи; имена болгарскихъ вождей, упоминаемыхъ Константиномъ, отчасти могутъ служить тому доказательствомъ. О продолжительности существованія болгарскаго элемента на полуостровѣ срвн. *М. Соколовъ*, Изъ древней исторіи Болгаръ. С.-Пб., 1879, стр. 93—94.

[4]) Онъ упоминаетъ два-три мѣстныя имени, да и то совершенно случайно. Такъ, описывая путешествіе Руссовъ въ Византію (с. 9, р. 79), онъ

Здѣсь кстати вспомнить, что одно выраженіе Константина ка сается состоянія страны, завоеванной потомъ Болгарами, еще д ихъ вторженія. Въ 32-й главѣ (р. 153) онъ говоритъ, что первы Сербскій князь умеръ въ то время, „когда Болгарія еще была под властна Грекамъ" [1]). На это свидѣтельство опираются нѣкоторы изъ ученыхъ, желающіе доказать, что Славяне въ Мизіи перво начально (то-есть, еще въ VI и началѣ VII в.) были вполнѣ поддан ными Грековъ, тогда какъ другія свидѣтельства доказываютъ, чт эти Славяне имѣли даже собственныхъ князей и признавали тольк верховное покровительство Византіи. Намъ кажется, что свидѣ тельство Константина можетъ быть понимаемо именно въ смыслѣ та кого покровительства, и слѣдовательно, нисколько не противорѣчит другимъ извѣстіямъ, напримѣръ, тому, что Болгаре въ 678 г. нашл здѣсь семь отдѣльныхъ (самостоятельныхъ) славянскихъ племенъ [2])

Первыя свидѣтельства Константина о дѣлахъ болгарскихъ отно сятся приблизительно только къ половинѣ IX вѣка. Мы переда димъ разказы Константина, не придерживаясь однако его собствен ныхъ словъ, которыя уже были приведены нами выше.

Болгаре находились до тѣхъ поръ (то-есть, до половины IX вѣка) въ мирныхъ отношеніяхъ съ Сербами. Князь Пресіамъ желая подчинить ихъ, началъ войну, но былъ побѣжденъ, и боль шая часть его войска была истреблена. Сынъ Пресіама [3]), Ми-

---

называетъ въ Болгаріи р. Варну (Βάρνας) и р. Дичину (Διτζίνα). Послѣднюю *Шафарикъ* (II. кн. 1, 358 – 359) невѣрно отожествляетъ съ Тичей (нынѣ Девна). У Анны Комниной она называется Βιτζίνα; это — Бичина, нынѣ Буюкъ-Камчикъ. См. *Пальмовъ*, Вѣкъ ц. Симеона. 32. Затѣмъ Константинъ, описывая (c. 40, p. 172) войну Симеона съ Мадьярами, упоминаетъ о какомъ-то городѣ Мундрагѣ (Μουνδράγα), въ которомъ заперся Симеонъ. Наконецъ, мы уже видѣли, что онъ не разъ упоминаетъ о столицѣ Прѣславѣ.

[1]) Г. *Дриновъ* невѣрно понимаетъ это выраженіе, разумѣя подъ Болгаріей самихъ Болгаръ, тогда какъ тутъ явно Константинъ говоритъ собственно *о странѣ*, занятой Болгарами. *Дриновъ*, тамъ же, стр. 48.

[2]) Срав. *Шафарикъ*, II. кн. 1. 259 – 260.

[3]) Это свидѣтельство служитъ прямымъ опроверженіемъ невѣрнаго извѣстія Льва Грамматика и Георгія Монаха, которые называютъ предшественника Михаила-Бориса Владиміромъ и считаютъ его внукомъ Крума и отцемъ Симеона. Отецъ Бориса былъ положительно Пресіамъ. См. *Шафарика*, II. кн. 1, 257, пр. 92; срав. *Пальмовъ*, Вѣкъ ц. Симеона, стр. 16 – 17, прим. 17.

хаилъ-Борисъ, хотѣлъ отомстить за пораженіе отца, но былъ также побѣжденъ, и сынъ его Владиміръ [1]), съ 12 боярами, взятъ въ плѣнъ. Озабоченный судьбою сына, Борисъ поспѣшилъ заключить миръ съ Сербами. Получивъ плѣнныхъ, онъ собрался въ обратный путь, но боялся засады и потому выпросилъ у князя Мунтиміра его двухъ сыновей, Борена и Стефана, себѣ въ проводники. На границѣ, у Расы, онъ простился съ ними, богато одаривъ ихъ. Сербскіе князья подарили ему двухъ рабовъ, пару соколовъ, пару собакъ и 90 шкуръ; Болгары считали это знакомъ договора. Около того же времени была война Бориса съ Хорватами, которая также, по показанію Константина, окончилась для него неудачно [2]). Однако, какъ мы высказали выше предположеніе, это свидѣтельство Константина подлежитъ сомнѣнію; другія соображенія побуждаютъ насъ думать, что побѣдителями въ этой войнѣ остались Болгаре. [3]) Во время междоусобій въ Сербіи многіе недовольные или обиженные князья Сербскіе были охотно принимаемы Болгарами, которые потомъ пользовались ими въ войнахъ съ Сербами и доставляли имъ престолъ, разчитывая на ихъ покорность, но большею частью ошибались въ разчетѣ. Такъ братья Мунтиміра, Строиміръ и Гоникъ, по своемъ изгнаніи, поселились въ Болгаріи. У Строиміра былъ сынъ Клониміръ, котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ; у нихъ родился сынъ Чеславъ, который до самаго своего княженія жилъ въ Болгаріи.

Симеонъ, сынъ и преемникъ Бориса [4]), жилъ долго въ мирѣ и въ кумовствѣ съ Сербскимъ княземъ Петромъ. Но когда Захлумскій князь Михаилъ донесъ Симеону о тайныхъ переговорахъ Петра съ Греками относительно войны съ нимъ, то Симеонъ рѣшилъ отомстить Петру. Въ то время онъ воевалъ съ Греками и нанесъ имъ извѣстное пораженіе при Ахелоѣ (917 г.). Въ Сербію онъ послалъ войско подъ начальствомъ Ѳеодора Сигрицы и Мармаиса, и съ нимъ Павла Брановича, внука Мунтиміра. Болгарскіе вожди обма-

---

[1]) Константинъ, какъ мы видѣли, называетъ его ошибочно Властиміромъ.

[2]) С. 31, p. 150 (всѣ остальныя свидѣтельства заключаются въ 32-й главѣ, 152—159).

[3]) См. выше, стр. 127—128.

[4]) Какъ извѣстно, короткое время былъ на болгарскомъ престолѣ старшій сынъ Бориса, Владиміръ.

номъ заманили къ себѣ князя Петра, и затѣмъ, схвативъ его, увели въ Болгарію, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ. На его мѣсто они посадили Павла. Этотъ князь сначала признавалъ ихъ верховную власть и выдалъ имъ своего двоюроднаго брата Захарію Прибиславича, который, будучи уполномоченъ Византійскимъ императоромъ Романомъ, хотѣлъ завладѣть сербскимъ престоломъ, но былъ побѣжденъ Павломъ. Однако и Павелъ скоро сдѣлался врагомъ Болгаръ (920 г.), и тогда Симеонъ помогъ Захаріи прогнать Павла и сдѣлаться княземъ. Захарія однако не хотѣлъ подчиняться Болгарамъ и разбилъ посланное противъ него болгарское войско, а головы вождей Сигрицы и Марманса отослалъ Римскому императору. Симеонъ былъ въ то время занятъ войною съ Греками. Сильно разгнѣванный поступкомъ Захаріи, онъ рѣшилъ жестоко наказать Сербовъ, и заключивъ миръ съ Греками, послалъ въ Сербію огромное войско подъ начальствомъ *Книна, Имника* и *Ицвоклія*, а съ нимъ и Чеслава Клониміровича. Захарій бѣжалъ въ Хорватію, а Болгаре, хитростью захвативъ въ плѣнъ Сербскихъ жупановъ, произвели страшное опустошеніе въ Сербіи и увели въ неволю множество народу. На нѣкоторое время они сдѣлались полными хозяевами въ Сербіи (приблизительно 924—932 гг.). Около того же времени Симеонъ послалъ войско съ *Алогоботуромъ* противъ Хорватовъ, но этотъ походъ былъ совершенно неудаченъ, и по выраженію Константина, „всѣ Болгаре были истреблены Хорватами".

Вотъ собственно все, что̀ мы узнаемъ изъ Константина объ этой блистательной эпохѣ исторіи Болгарской державы. Вообще въ исторіи Болгаръ эти извѣстія, по своей отрывочности, не могутъ, конечно, занимать особенно виднаго мѣста, но они для насъ чрезвычайно важны, ибо характеризуютъ политическія отношенія Болгаръ къ славянскимъ сосѣдямъ и къ Византіи, и особенно ту роль, которую играла Болгарія въ исторіи Сербіи того времени. Здѣсь мы укажемъ еще на одно свидѣтельство Константина о Болгарахъ, которое, не смотря на свою отрывочность, заслуживаетъ упоминанія.

Въ гл. 40-й (о *Туркахъ*, то-есть, Мадьярахъ) Константинъ разказываетъ слѣдующее:

„Мадьяры, призванные христолюбивымъ и славнымъ императоромъ Львомъ, перешли черезъ Дунай и пошли войною про-

тивъ Симеона; побѣдивъ и преслѣдуя его, они дошли до г. Прѣславы (Предславы), и заперевъ его въ городѣ, такъ называемомъ Мундрагѣ (Μουνδράγα), возвратились домой....... Послѣ того Симеонъ, примирившись съ Греческимъ императоромъ и пользуясь безопаснымъ временемъ, снесся съ Печенѣгами и условился съ ними напасть на Мадьяръ и истребить ихъ. Когда же Мадьяры находились въ походѣ, Симеонъ и Печенѣги вторглись въ ихъ землю, совершенно истребили ихъ семейства и жестоко преслѣдовали тѣхъ, которые охраняли страну"..... (с. 40, р. 172—173).

Этотъ походъ Мадьяръ относится къ послѣднему десятилѣтію IX вѣка. О переправѣ ихъ на греческихъ судахъ черезъ Дунай Константинъ говоритъ съ другомъ мѣстѣ [1]): онъ разказываетъ слѣдующее про подвигъ одного Грека Баркаласа (Μιχαὴλ ὁ Βαρκαλᾶς):

„Симеонъ, узнавъ о прибытіи флота, который собирается переправить Мадьяръ черезъ Дунай, употребилъ въ дѣло канаты и крѣпкія цѣпи, чтобы помѣшать имъ переправиться; Мадьяры вслѣдствіе того не могли ничего сдѣлать; тогда Михаилъ Баркаласъ съ двумя другими, взявъ щиты и мечи, храбро выскочилъ изъ „хеландій", и, перерубивъ канаты и цѣпи, открылъ Мадьярамъ переправу".

Симеону, какъ извѣстно, наслѣдовалъ его сынъ Петръ (927 г.). О немъ Константинъ упоминаетъ только разъ, говоря о женитьбѣ его на внукѣ императора Романа Маріи [2]). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что въ сочиненіи Константина „О церемоніяхъ" приводятся нѣкоторыя формулы, употреблявшіяся въ грамотахъ Византійскаго императора къ Болгарскому князю или при пріемѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи. Эти формулы любопытны, характеризуя внѣшнія политическія отношенія того времени между Болгарскимъ „ца-

---

[1]) С. 51, р. 238—39.

[2]) С. 13, р. 87—88. Тутъ Константинъ даетъ совѣты сыну о томъ, какъ отвѣчать на незаконныя требованія варварскихъ государей; онъ говоритъ, что Византійскій императоръ никакимъ образомъ не долженъ вступать въ родственныя связи съ ними. Императоръ Романъ, нарушившій этотъ священный законъ и выдавшій свою внуку за Болгарскаго князя Петра, былъ наказанъ Богомъ.

ремъ" и Византійскимъ императоромъ; однако размѣры и задачи нашего труда не позволяютъ намъ остановиться на нихъ долѣе [1]).

II. О Пелопоннисскихъ Славянахъ.

Поселенія Славянъ въ Пелопоннисѣ, на сколько это видно изъ греческихъ источниковъ, начались еще въ половинѣ VI вѣка [2]). Съ тѣхъ поръ приливъ Славянъ въ южную Грецію, все усиливаясь, продолжается до IX вѣка. Въ половинѣ VIII в. при Греческомъ императорѣ Константинѣ Копронимѣ Славяне въ Пелопоннисѣ и другихъ частяхъ Греціи были такъ многочисленны, что приводили въ смущеніе Византійское правительство. Всѣмъ извѣстна фраза Константина Багрянороднаго о томъ времени: „Ославянилась вся земля (то-есть, Эллада и Пелопоннисъ) и сдѣлалась варварскою" [3]). Но о томъ, какъ и когда именно Славяне поселились въ Пелопоннисѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Весьма скудны также свидѣтельства о судьбахъ и исторической жизни этихъ Славянъ; то, что̀ сообщаетъ о нихъ Константинъ, занимаетъ весьма видное мѣсто въ ряду этихъ свидѣтельствъ. Мы приведемъ его показанія цѣликомъ, а затѣмъ должны будемъ ограничиться только немногими замѣчаніями относительно ихъ содержанія, такъ какъ въ настоящемъ сочиненіи не имѣемъ воз-

---

[1]) Объ этихъ формулахъ см. *Гильфердингъ*, Письма I, 159—162; *Rambaud*, 340—345. Константинъ упоминаетъ въ соч. De adm imp. о *Черной Болгаріи*, ἡ μαύρη Βουλγαρία, с. 12, p. 81; с. 42 p. 180. Относительно положенія ея не всѣ согласны; одни помѣщаютъ ее на Волгѣ (что̀ совершенно несправедливо), другіе—у Чернаго моря, на югъ отъ Дуная (древняя Scythia Minor), третьи—на Кубани, что̀ кажется вѣрнѣе. О Черныхъ Болгарахъ говорится еще въ договорѣ Олега, что они „воюютъ въ странѣ Корсунстѣй". *Гедеоновъ* того мнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о народѣ, обитавшемъ вблизи отъ Чернаго и Азовскаго морей, быть можетъ, о Половцахъ. См. Отр. о Вар. вопр.—*Зап. Ак. Н.*, т. III, кн. 2, стр. 66.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 315, 376—377; *Дриновъ*, Засел. Балк. пол., 133—134. Никто почти не сомнѣвается, что подъ «Аварами», которые будто бы около 590 г. вторглись въ Пелопоннисъ и держались тамъ 218 лѣтъ, надо разумѣть Славянъ, ибо объ Аварахъ въ Пелопоннисѣ нѣтъ и не было никакихъ слѣдовъ; см. *Шафарикъ,* тамъ же; *Zeuss*, 625.

[3]) Ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος. De Them., II, 6, p. 53. Это свидѣтельство въ высшей степени важно, и совершенно напрасно старается умалить его значеніе *Дриновъ*, тамъ же, 134.

можности остановиться на нихъ долѣе и разсмотрѣть этотъ вопросъ такъ, какъ того требовала бы его важность и интересъ [1]).

Свидѣтельства Константина о Пелопоннисскихъ Славянахъ заключаются въ гл. 49-й и 50-й его сочиненія „Объ управленіи имперіей“:

„Римскимъ императоромъ былъ Никифоръ. Славяне въ Пелопоннисѣ, задумавъ отпасть, опустошили жилища сосѣдей Грековъ и предались грабежу, а затѣмъ, напавъ на жителей города Патръ (τῶν Πατρῶν πόλις), овладѣли полями вокругъ стѣнъ города и осадили его вмѣстѣ съ африканскими Арабами („съ Африканами и Арабами“). Черезъ нѣсколько времени, когда у осажденныхъ начался недостатокъ въ необходимыхъ припасахъ, то-есть, въ водѣ и пищѣ, они рѣшились войти въ переговоры о мирѣ и сдачѣ города непріятелю. Такъ какъ стратигъ находился въ то время въ мѣстной крѣпости, именно въ Коринѳѣ, и была надежда, что онъ явится и нападетъ на Славянъ, о предпріятіи которыхъ онъ былъ ранѣе извѣщенъ правителями, то жители города рѣшили прежде послать развѣдчика въ восточную часть горъ, чтобы развѣдать и узнать, приближается ли стратигъ; они условились съ нимъ относительно сигнала, что если онъ увидитъ идущаго стратига, то при возвращеніи будетъ держать знамя опущеннымъ, чтобъ они знали о приближеніи помощи; а въ противномъ случаѣ онъ подниметъ его, чтобъ они не надѣялись на прибытіе (помощь) стратига. Развѣдчикъ отправился и

[1]) Вопросъ о *славянизаціи Пелопонниса* и о происхожденіи его нынѣшняго населенія былъ, какъ извѣстно, предметомъ самыхъ оживленныхъ и ожесточенныхъ споровъ въ западной исторической литературѣ нынѣшняго вѣка. Надѣлавшее столько шуму сочиненіе *Фалмерайера* подало поводъ къ другимъ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ въ этой области, но и до сихъ поръ этотъ вопросъ возбуждаетъ живой интересъ и ждетъ новыхъ изысканій. Главныя сочиненія суть слѣдующія:

Falmerayer, Gesch. d. Halbins. Morea, Stuttg. und Tübing. 1830. Entst. d. heut. Griechen, и др.; *Zinkeisen*, Gesch. Griechenlands, Leipz. 1832; *Kiepert* (1848); *Paparrigopulo*, Περί τῆς ἐποικήσεως Σλαβικῶν τινῶν, 1843; Ἱστορικαὶ πραγματεῖαι, 1858; *Hopf*, Griech. Gesch.; *Miklosich*, Die Slavischen Elemente ina Neugriechischen, 1869. и многія другія; срвн. *Jung*, Roemer und Romanen in den Donaulaendern, Innsbr., 1877, S. XVI—VLI. Французскіе ученые: *Buchon, Mézières, Deville* (см. *Rambaud*, 210).

узнавъ, что стратига нѣтъ, возвратился съ поднятымъ знаменемъ. Но по волѣ Божіей, черезъ посредство св. апостола Андрея, случилось, что лошадь вѣстника споткнулась, и онъ при толчкѣ невольно наклонилъ знамя. Жители же, замѣтивъ сигналъ и будучи совершенно увѣрены, что приближается стратигъ, отворили городскіе вороты и мужественно бросились на Славянъ, при чемъ увидѣли явственно названнаго апостола, сидящаго на конѣ и скачущаго прямо на варваровъ. Обративъ ихъ въ бѣгство, онъ разсѣялъ и прогналъ ихъ далеко отъ города. А варвары, увидя это, пораженные и испуганные неожиданнымъ нападеніемъ на нихъ непобѣдимаго и неодолимаго воителя и полководца, побѣдоноснаго апостола Андрея, пришли въ ужасъ и смятеніе и искали убѣжища въ его почитаемомъ храмѣ. Когда же три дня спустя явился стратигъ и узналъ о побѣдѣ апостола, онъ извѣстилъ императора Никифора о нашествіи Славянъ, ихъ опустошеніяхъ, порабощеніи, грабежѣ и остальномъ вредѣ, причиненномъ ими Ахайской землѣ, также о продолжительной осадѣ и бѣдствіяхъ осажденныхъ, наконецъ о помощи апостола, его побѣдѣ и о томъ, какъ онъ, въ виду всѣхъ, напалъ на враговъ, преслѣдовалъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, такъ что даже сами варвары, видя его заступничество (Грекамъ), искали убѣжища въ его святомъ храмѣ. Императоръ, услышавъ это, отдалъ слѣдующее приказаніе: „Такъ какъ побѣда одержана апостоломъ, то слѣдуетъ все войско непріятельское и всю добычу посвятить ему“. Онъ постановилъ какъ самихъ враговъ, со всѣми ихъ семействами, родными и близкими, такъ и все ихъ имущество предоставить храму апостола въ митрополію Патръ, гдѣ вышеназванный ученикъ Христа одержалъ эту побѣду...“

Затѣмъ Константинъ разказываетъ о томъ, какого рода дань должны были платить приписанные къ Патрской митрополіи Славяне [1]) (с. 49, p. 217—220):

„Пелопоннискіе Славяне (οἱ θέματος Πελοποννήσου Σκλάβοι)

---

[1]) Они должны были заботиться о прокормленіи греческихъ начальниковъ, пословъ императора и т. д. Императоръ Левъ издалъ грамоту, гдѣ подробно перечислены всѣ обязанности этихъ Славянъ.

въ царствованіе императора Θеофила и его сына Михаила, отложившись, сдѣлались самостоятельны и производили опустошенія, порабощенія, грабежи, поджигательства и воровства. Въ царствованіе императора Михаила, Θеофилова сына, протоспаθарій Θеоктистъ, по прозванію Броенійскій (ὁ τῶν Βροιενίων) былъ посланъ стратигомъ въ провинцію Пелопоннисъ съ большимъ войскомъ и силою, состоявшею изъ Θракійцевъ и Македонянъ и изъ жителей другихъ западныхъ провинцій для войны и для покоренія ихъ (Славянъ). Всѣхъ Славянъ и остальныхъ еще не покоренныхъ въ Пелопоннисѣ онъ побѣдилъ и покорилъ. Одни только *Езерцы* (Ἐζερῖται) и *Милинги* (Μιληγγοὶ) остались (свободными) въ Лакедемоніи и Элосѣ (τὸ Ἕλος). Тамъ находится высокая и очень значительная гора, называемая Пентадактиломъ (Πενταδάκτυλος) и на далекое пространство, въ видѣ шеи, вдающаяся въ море; вслѣдствіе неудобства почвы (вокругъ) Славяне живутъ на склонахъ этой горы: съ одной стороны—Милинги, а съ другой—Езерцы. Упомянутый протоспаθарій и стратигъ Пелопонниса Θеоктистъ могъ и ихъ покорить, однако онъ только наложилъ на нихъ дань: на Милинговъ—60 золотыхъ, а на Езерцевъ—300, и они ее заплатили тому же стратигу, о чемъ молва (преданіе) и донынѣ сохраняется между жителями. Въ царствованіе императора Романа стратигъ той же провинціи протоспаθарій Іоаннъ Протейскій (ὁ Πρωτεύων) извѣстилъ этого императора о томъ, что Милинги и Езериты отложились и не слушаются ни стратига, ни императорскихъ приказаній, а дѣйствуютъ самостоятельно и самовольно, и не только не принимаютъ князя отъ стратига (то-есть, по назначенію стратига), но и не хотятъ идти съ нимъ въ походъ или исполнить какую бы то ни было другую обязанность. Пока шло это извѣстіе, былъ назначенъ стратигомъ въ Пелопоннисъ протоспаθарій Кринитъ Аротрасъ (Κρινίτης ὁ Ἀροτρᾶς). Когда же было доставлено и прочтено въ присутствіи императора Романа извѣщеніе протоспаθарія Іоанна, что упомянутые Славяне отпали и вовсе не исполняютъ или дурно исполняютъ императорскія постановленія, то Криниту было приказано, въ случаѣ ихъ упорства, взяться за оружіе, предпринять походъ, покорить и истребить ихъ.

„Начавъ войну въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ сжегъ ихъ хлѣба и опустошилъ всю ихъ землю; они же оказывали сопротивленіе до ноября. Но съ тѣхъ поръ, предчувствуя свою гибель, они начали переговоры о подчиненіи и просили прощенія въ прежнихъ поступкахъ. Упомянутый протоспаѳарій Кринитъ наложилъ на нихъ дань, большую, чѣмъ они платили, а именно на Милинговъ сверхъ 60-ти золотыхъ, которые они вносили раньше, еще 540, слѣдовательно, всего 600, а на Езерцевъ—сверхъ 300 золотыхъ прежней дани, еще 300, итого 600 золотыхъ, которые самъ Кринитъ вытребовалъ и внесъ въ священный покой (то-есть, казну императора). Но когда протоспаѳарій Кринитъ былъ переведенъ въ провинцію Элладу, а протоспаѳарій Варда Платиподъ (Βάρδα ὁ Πλατυπόδης) былъ сдѣланъ стратигомъ Пелопонниса, когда произошли безпорядки и возмущенія этого Варды и другихъ ему сочувствовавшихъ протоспаѳаріевъ и начальниковъ, изгонявшихъ изъ провинцій протоспаѳарія Льва Агеласта (Λέων ὁ Ἀγέλαστος), когда, наконецъ, неожиданно произошло вторженіе Славизіанъ (οἱ Σκλαβησιανοί) въ эту страну, то тѣ самые Славяне, Милинги и Езерцы, отправили пословъ къ императору Роману съ просьбой и мольбой сбавить имъ увеличенную подать и позволить платить то, чтò они прежде платили. Такъ какъ Славизіане, какъ было упомянуто, вступили въ Пелопоннисъ, то императоръ, боясь, чтобъ они не соединились со Славянами и не причинили бы окончательной гибели провинціи, далъ имъ золотую буллу, чтобъ они платили ту же дань, что и прежде, то-есть, Милинги — 60 золотыхъ, а Езерцы—300 золотыхъ. Таковы были, слѣдовательно, причины набавки и потомъ опять уменьшенія подати Милинговъ и Езерцевъ“ (c. 50, p. 220—224).

Затѣмъ въ той же главѣ Константинъ отъ Милинговъ и Езерцевъ переходитъ къ жителямъ г. Маины (οἱ τοῦ κάστρου Μαΐνης οἰκήτορες), коихъ нѣкоторые ученые считаютъ также Славянами, но о которыхъ нашъ историкъ положительно утверждаетъ, что „они по происхожденію своему не Славяне, а ведутъ начало отъ древнихъ Грековъ и до сихъ поръ тамошними жителями называются Эллинами“.

Итакъ, въ первомъ изъ этихъ разказовъ Константинъ повѣст-

вуетъ о томъ, какъ въ царствованіе императора Никифора (802—811 гг.) Пелопонниcкіе Славяне, а именно жившіе въ области Ахаіи, пытались свергнуть съ себя иго Грековъ: они произвели возстаніе, предались страшному грабежу и опустошеніямъ, и наконецъ, осадили греческій городъ Патры. Любопытно извѣстіе, что союзниками ихъ были Арабы (африканскіе) [1]). Безъ сомнѣнія, Славяне видѣли, что имъ не взять города безъ морскихъ силъ, и потому пригласили Арабовъ осаждать Патры съ моря [2]). Жители города были приведены въ такую крайность, что намѣревались уже сдаться, но неожиданно счастливый случай, а по убѣжденію самихъ Грековъ—чудо и заступничество св. Андрея, патрона города Патръ, спасли ихъ и доставили имъ полную побѣду. Они увѣряли, что видѣли самого апостола Андрея на конѣ, поражающаго и преслѣдующаго враговъ [3]), Славяне были совершенно разбиты и покорены; вся добыча была отдана церкви св. Андрея, а сами они были приписаны къ его митрополіи и должны были платить дань (807 г.). По всей вѣроятности, въ то время возстали и были покорены не одни только Славяне Ахайскіе, но и въ другихъ частяхъ Пелопонниса; этому не противорѣчитъ и Константинъ; напротивъ, словами, что „Славяне въ Пелопоннисѣ возстали и опустошили жилища Грековъ и т. д.“, онъ скорѣе подверждаетъ это предположеніе, хотя и разказываетъ только объ осадѣ города Патръ, какъ о событіи, произведшемъ особенно сильное впечатлѣніе на Грековъ своимъ чудеснымъ въ ихъ глазахъ исходомъ [4]). Къ сожалѣнію, въ этомъ разказѣ Константинъ не сообщаетъ намъ названія племени возставшихъ Славянъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ другомъ своемъ разказѣ — о позднѣйшихъ возмущеніяхъ Пелопонниcкихъ Славянъ. Подчиненіе ихъ при императорѣ Никифорѣ было весьма непрочно; возможно впрочемъ, что нѣкоторыя племена, жившія въ недо-

---

[1]) Это не первый примѣръ союза Славянъ съ Арабами. Впрочемъ особенно такими союзами и дружбою съ Арабами отличались Славяне Малоазійскіе; см. *В. Ламанскій*, О Слав. въ Мал. Азіи, стр. 4, 15.

[2]) О судьбѣ этого арабскаго флота мы далѣе ничего не знаемъ.

[3]) Извѣстно, что при знаменитомъ нападеніи Славянъ на Солунь въ VII в. побѣда также приписывалась чуду, въ которомъ игралъ роль св. Димитрій Солунскій; см. *Rambaud*, 230.

[4]) Срвн. *Fallmerayer,* Gesch. der Halbins. Morea, 221—222.

*

ступныхъ мѣстахъ, не были въ то время покорены и остались свободными [1]). О вторичномъ возмущеніи Константинъ разказываетъ такъ: Въ царствованіе императора Ѳеофила и его сына Михаила III (то-есть, между 829 и 867 гг.) Пелопоннискіе Славяне отложились отъ Грековъ и обратились къ жестокимъ опустошеніямъ и грабежу. При императорѣ Михаилѣ былъ посланъ противъ нихъ съ большимъ войскомъ полководецъ Ѳеоктистъ. Ему удалось покорить всѣхъ возставшихъ Славянъ, кромѣ двухъ племенъ въ южномъ Пелопоннисѣ—Милинговъ (Μιλήγγοι) и Езерцевъ (Ἐζερῖται), жившихъ близь Лакедемона и Элоса, на склонахъ горнаго хребта Пентадактила (древняго Тайгета). Изъ словъ Константина заключали многіе, что Милинги жили съ одной стороны хребта, а Езерцы—съ другой [2]), но вѣроятнѣе, что и тѣ, и другіе жили съ одной стороны, именно съ восточной: Милинги—сѣвернѣе, въ отрогахъ Пентадактила, недалеко отъ древней Спарты, а Езерцы—южнѣе, въ окрестностяхъ города Элоса, нынѣ Езера (Ezeron) [3]). Милинги жили болѣе въ горахъ, а Езерцы, по крайней мѣрѣ часть ихъ, въ низменной, болотистой мѣстности нижняго Эврота, вслѣдствіе чего и получили свое имя. Надо замѣтить, что славянское имя *Езеро* есть собственно переводъ первоначальнаго греческаго названія Элоса (Ἕλος), значущаго именно озеро, прудъ, болото [4]). Свидѣтельство Константина о Милингахъ [5]) и Езерцахъ въ высшей степени важно, ибо это—единственныя дошедшія до насъ названія вѣтвей Морейскихъ Славянъ того времени.

Полководецъ Ѳеоктистъ, продолжаетъ Константинъ,—могъ бы

---

[1]) На это указываютъ слова Константина (с. 50, р. 221), что Ѳеоктистъ покорилъ всѣхъ возставшихъ и „остальныхъ, еще до тѣхъ поръ не покоренныхъ".

[2]) Такъ *Шафарикъ*, (II, кн. 1, 378) предполагаетъ, что Милинги жили на восточной сторонѣ, а Езерцы на западной; а на картѣ *Шпрунера* (Das Byzantinische Reich bis in das XI Jahrh.) жилища ихъ означены совершенно обратно: Езерцы—на востокъ, а Милинги—на западъ.

[3]) *Rambaud*, 229.

[4]) *Fallmerayer*, ibid., 273; срвн. *Zeuss*, Die Deutch., 634, прим.; *Гильфердингъ*, Письма, II, 17, пр. 2.

[5]) Милинги, по всей вѣроятности, есть искаженное имя, первоначально тожественное съ именемъ извѣстной вѣтви Полабскихъ Славянъ *Мильчанъ* и *Мильцевъ*; см. *Шафарикъ*, II, кн. 3, 163.

покорить и эти два племени, но онъ довольствовался тѣмъ, что наложилъ на нихъ подать: на Милинговъ—60 золотыхъ, а на Езерцевъ—300. Причиной этой разницы было вѣроятно то, что первые, какъ мы видѣли, жили въ неприступныхъ горахъ, и справиться съ ними было гораздо труднѣе [1]), а вторые обитали отчасти на равнинѣ. Во всякомъ случаѣ и та, и другая дань поразительно малы и доказываютъ, что подчиненіе этихъ Славянъ было просто только формальностью, и византійскія войска не были въ состояніи дѣйствительно покорить ихъ [2]). Въ такомъ полузависимомъ положеніи оставались эти Пелопоннисскіе Славяне до X вѣка. Въ царствованіе императора Романа (ок. 940 г.) пелопоннисскій стратигъ Іоаннъ извѣстилъ императора о томъ, что Милинги и Езерцы вновь возстали и не хотятъ слушать императорскихъ повелѣній. Вѣроятно этотъ стратигъ былъ неопытенъ и неэнергиченъ, ибо на его мѣсто былъ немедленно отправленъ другой—Кринитъ, которому, вслѣдствіе полученныхъ неутѣшительныхъ вѣстей, было приказано употрѣбить строжайшія мѣры къ подавленію возстанія. Однако Славяне, несмотря на жестокое опустошеніе ихъ страны, упорно сопротивлялись съ марта мѣсяца до ноября 940 г. Наконецъ нужда заставила ихъ смириться; они согласились на подчиненье и на увеличенную подать. Милинги должны были платить, кромѣ 60 золотыхъ еще 540, итого 600, Езерцы— еще 300, слѣдовательно, также 600. Затѣмъ Кринитъ былъ переведенъ стратигомъ въ Элладу; можетъ быть, это было повышеніе за удачное подавленіе возстанія [3]). Въ Пелопоннисъ между тѣмъ былъ назначенъ Варда, и онъ съ остальными начальниками произвелъ какое-то возмущеніе и безпорядки; въ то же время произошло вторженіе въ Пелопоннисъ Славизіанъ (Σκλαβησιανοὶ) [4]), которыхъ

---

[1]) Возможно, что, какъ горные жители, они были и бѣднѣе.

[2]) *Fallmerayer*, ibid., 223—224; срвн. *Rambaud*, 269.

[3]) *Rambaud*, 270.

[4]) Славизіане, по Гильфердингу (Письма, в. II, 18), *Славишане;* Юстиніанъ II Ринотметъ (687 г.), побѣдивъ Славянъ въ Македонія, вывелъ откуда огромное множество ихъ, и переправивъ черезъ Геллеспонтъ, поселилъ въ Малой Азіи, въ области Опсикіи (Opsikion thema, Opsicium), то-есть, въ окрестностяхъ Никеи и Апамеи; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 44, 327, 382—383; срвн. *В. Ламанскій*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д., стр. 2—3, 8. *Rambaud*, 218, 249 и т. д. Въ Пелопоннисѣ были эти Славизіане, можетъ быть, по дорогѣ въ Италію (*Rambaud*, 251).

считаютъ славянскими поселенцами провинціи Опсикія въ Малой Азіи. Этимъ замѣшательствомъ воспользовались Милинги и Езерцы и обратились къ императору Роману съ просьбой о сбавкѣ подати. Императоръ, сознавая опасность, которой подвергалась его власть въ Пелопоннисѣ и боясь, чтобы къ Славизіанамъ не присоединились прочіе Славяне полуострова и не произвели общаго возстанія, которое, можетъ быть, повело бы за собою отторженіе всего Пелопонниса отъ имперіи, рѣшился исполнить просьбу Милинговъ и Езерцевъ, позволивъ имъ платить прежнюю подать. Мы упомяпули, что въ той же главѣ Константинъ говоритъ о жителяхъ города Маины, (οἱ τοῦ κ. Μαΐνης οἰκήτορες), [1]) находившагося на южной оконечности мыса, по которому тянулся хребетъ Пентадактила. Константинъ отстаиваетъ [2]) *греческое* происхожденіе Майнотовъ или Маніотовъ, обнаруживая этимъ самымъ, что нѣкоторые считали ихъ Славянами, Относительно этого вопроса, то-есть, національности Майнотовъ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Шафарикъ считаетъ ихъ смѣсью Славянъ съ Греками [3]). Фалмерайеръ тоже отвергаетъ чистоту ихъ греческаго происхожденія, сближая ихъ съ извѣстными Мардаитами [4]). Однако многіе [5]) считаютъ напротивъ свидѣтельство Константина вполнѣ справедливымъ. Кажется, надо признать вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что эти Маиноты заключаютъ въ себѣ и славянскую примѣсь, если судить по нѣкоторымъ особенностямъ ихъ быта.

III. О бытѣ Иллирскихъ Славянъ.

Намъ остается еще, ради полноты нашего сочиненія, обратить вниманіе на тѣ немногія свидѣтельства Константина, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на внутреннюю жизнь Иллирскихъ Славянъ, на ихъ бытъ и внутреннее политическое устройство.

Эти свидѣтельства встрѣчаются въ разказахъ Константина совершенно случайно, а потому они отрывочны и чрезвычайно скудны; но тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе въ виду вообще большого недостатка въ подобныхъ извѣстіяхъ о древнихъ Балканскихъ Славянахъ.

---

[1]) *Banduri*, Anim., ed. Bonn., 375.

[2]) Cap. 50, p. 224; срвн. *Rambaud*, 239—240.

[3]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 379.

[4]) *Fallmerayer*, ibid., 294—304.

[5]) *Гильфердингъ* (Письма, в. II, 12), *Цинкейзенъ*, *Курціусъ* и другіе.

Въ нашъ планъ вовсе не входитъ подробный разборъ этихъ свидѣтельствъ, ихъ провѣрка и сопоставленіе съ другими дошедшими до насъ извѣстіями о томъ же предметѣ, но намъ кажется небезполезнымъ привести здѣсь главнѣйшія изъ нихъ—въ связи, такъ какъ иначе они теряются въ массѣ другихъ свидѣтельствъ.

1. Объ *образѣ жизни* Иллирскихъ Славянъ мы узнаемъ изъ Константина весьма немногое: Славяне, прибывъ въ Иллирикъ, нашли опустошенную землю и разоренные города; въ такое положеніе привели эту страну Авары [1]), которые незадолго до Славянъ вторглись въ Иллирикъ, но были почти всѣ вытѣснены послѣдними. Константинъ, какъ мы видѣли, называетъ у Хорватовъ и Сербовъ довольно много городовъ [2]). Спрашивается: были ли это дѣйствительно *города* въ общепринятомъ (для того времени) значеніи этого слова? Константинъ и другіе Византійцы, говоря о нихъ, употребляютъ слово τὸ κάστρον, вполнѣ кажется соотвѣтствующее понятію „городъ“, въ смыслѣ огороженнаго мѣста; это заставляетъ насъ думать, что по крайней мѣрѣ при Константинѣ Славяне уже жили въ мѣстахъ, имѣвшихъ подобіе если не настоящихъ городовъ (въ какихъ жили Греки и Римляне), то можетъ быть, большихъ селъ, обведенныхъ валомъ и рвомъ или деревянною стѣной. Еслибъ это были настоящіе города съ преимущественно каменными строеніями и такими же стѣнами, то безъ сомнѣнія, отъ нихъ осталось бы болѣе слѣдовъ, и легче было бы опредѣлять ихъ положеніе. Во всякомъ случаѣ въ Хорватіи — благодаря сосѣдству богатыхъ и оживленныхъ Далматинскихъ городовъ—развитіе городской жизни шло, вѣроятно, быстрѣе, чѣмъ во внутренней Сербіи, гдѣ, по видимому, городовъ было меньше.

Что касается самаго образа жизни и видовъ промысла, то они у Хорватовъ и Сербовъ естественно должны были, по переселеніи ихъ въ Далмацію, отчасти измѣниться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. По свидѣтельству Константина, Неречане, жившіе въ приморской жупѣ, занимались преимущественно *мореплаваніемъ* [3]), а жившіе въ отдаленныхъ отъ моря мѣстно-

---

[1]) De adm. imp., c. 32, p. 153; c. 33, p. 160; c. 35, p. 162; c. 36, p. 163.

[2]) У Пресвитера Дуклянскаго и въ другихъ древнихъ источникахъ названія городовъ приводятся еще во множествѣ (см. *Шафарикъ*).

[3]) У многихъ изъ нихъ страсть къ мореплаванію находила себѣ исходъ даже въ занятіи морскимъ разбоемъ.

стяхъ — *земледѣліемъ*, наконецъ, жители острововъ — *скотоводствомъ* [1]). Кромѣ того, безъ сомнѣнія, береговые жители занимались *рыболовствомъ*. Но такъ какъ все-таки сравнительно небольшая часть Хорватовъ и Сербовъ обитала непосредственно у моря, главная же масса — въ долинахъ и горахъ Иллирика, то конечно, земледѣльческія занятія, а равно и скотоводство, преобладали; особенно распространено было, кажется, овцеводство. Константинъ упоминаетъ также о *винодѣліи* [2]). Съ мореплаваніемъ была связана и *торговля*. „Хорваты“, по словамъ нашего историка, — „на своихъ сагинахъ и кондурахъ посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по Паганіи и Далматинскому заливу (то-есть, Адріатическому морю) до самой Венеціи“ [3]). Хорваты въ этомъ случаѣ слѣдовали примѣру промышленныхъ римскихъ городовъ Далмаціи, изъ которыхъ особенно славилась своею обширною торговлею Рагуза или Дубровникъ [4]).

По свидѣтельству Константина, *военныя силы* Хорватовъ одно время были въ блестящемъ положеніи; сухопутное войско состояло изъ 100,000 пѣхоты и 60,000 конницы [5]). Однако ошибочно было бы думать, что Хорваты и Сербы были особенно воинственны и гонялись за военною славой и добычей. Войско содержалось преимущественно для того, чтобы защищать родину и отстаивать независимость народа. Для военныхъ цѣлей служило отчасти и судоходство. Хорваты въ эпоху своего могущества содержали до 80 сагинъ, по 40 человѣкъ въ каждой, и до 100 кондуръ, по 20 и 10 человѣкъ. Такое количество сухопутныхъ и морскихъ силъ предполагаетъ, по вычисленію одного ученаго, болѣе чѣмъ $1^1/_2$ милліонное населеніе [6]).

---

[1]) De adm. imp., c. 30, p. 146.

[2]) De adm. imp. c. 30, p. 147. Вѣроятно, и *пчеловодство* было однимъ изъ занятій Иллирскихъ Славянъ.

[3]) C. 31, p. 150; срвн. *Rambaud*, 460.

[4]) О морскихъ силахъ этого города упоминаетъ Константинъ, разказывая, что Рагузинцы во время войны съ Сарацинами переправляли на своихъ судахъ славянскихъ князей въ Италію, Cap. 29, p. 131.

[5]) Cap. 31, p. 151.

[6]) Ibid. ср. *Rambaud*, 458.

II. Что касается внутренняго *политическаго устройства*, то Константинъ даетъ намъ довольно ясное понятіе только объ его основномъ принципѣ у Иллирскихъ Славянъ [1]). Онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: „Эти племена (славянскія), какъ говорятъ, не имѣютъ иныхъ правителей (ἄρχοντες), кромѣ *жупановъ-старостъ* (πλὴν ζουπάνους γέροντας), какъ это въ обычаѣ и у прочихъ Славянъ“ [2]). Въ той же главѣ, нѣсколько дальше, въ разказѣ о томъ, какъ Хорваты и Сербы просили императора Василія принять ихъ подъ свою власть, мы читаемъ: „Онъ (Василій) назначилъ имъ князей (ἄρχοντες), которыхъ они желали и избрали изъ наиболѣе почитаемаго и любимаго ими рода“ [3]). Князей Хорватскихъ и Сербскихъ Константинъ постоянно называетъ ἄρχοντες [4]). Изъ другихъ правителей онъ говоритъ о жупанахъ (ζουπάνοι) и банахъ (ὁ βοάνος). Хорватія, по его свидѣтельству, дѣлилась на 11 жупъ (ζουπανία), во главѣ которыхъ стояли жупаны; другими тремя жупами управлялъ „банъ“ [5]).

На основаніи этихъ свидѣтельствъ можно прійдти къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: Хорваты и Сербы, явившись въ земли Византійской имперіи подъ предводительствомъ князей, съ самаго начала, какъ видно, уже имѣли болѣе или менѣе правильную внутреннюю *организацію*, хотя она и отличалась первое время военно-дружиннымъ характеромъ. Основанныя ими княжества были во времена Константина уже раздѣлены на от-

---

[1]) Этотъ вопросъ подробно разобранъ у *Mikoczi*, 331—357; затѣмъ у Rački, Odlomci iz državn. prava hrv., начиная съ стр. 40; срвн. также *Гильфердингъ*, Письма I, 17—19.

[2]) Cap. 29, p. 128.

[3]) Ibid., p. 129.

[4]) Въ сочиненіи De Cerim. (II, 48, 691) Константинъ приводитъ слѣдующія формулы, употреблявшіяся въ грамотахъ Византійскаго двора: Εἰς τὸν ἄρχοντα Χρωβατίας. εἰς τόν ἄρχοντα Σέρβλων. εἰς τὸν ἄρχοντα Ζαχλούμων. εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Κανάλη. εἰς τόν ἄρχοντα τῶν Τραβούνων. εἰς τόν ἄρχοντα Διοκλείας. Только о князѣ Неречанъ нѣтъ нигдѣ упоминанія, и надо предположить, что у этого племени былъ другой родъ управленія, который они, можетъ быть, заимствовали у сосѣднихъ римскихъ муниципій. Вообще это племя во всемъ рѣзко отличалось отъ другихъ и дѣйствовало совершенно независимо, такъ что Византія, такъ сказать, махнула рукой на нихъ и не требовала подчиненія.

[5]) Cap. 30, p. 145.

дѣльныя области или жупы [1]), управляемыя *жупанами*; иногда *нѣсколько жупъ* соединялись въ одно и составляли большую область, управленіе которою поручалось *бану* [2]), стоявшему такимъ образомъ нѣсколько выше жупана. А во главѣ всего племени находился *князь*, носившій также титулъ „великаго жупана" (князь, ἄρχων) [3]). Но этотъ великій жупанъ отнюдь не пользовался неограниченною властью. Духу славянскаго народа, по его врожденной любви къ свободѣ, было всегда чуждо безграничное самовластіе правителей; власть князя ограничивалась волею всего племени, точно также какъ власть жупана—волею его жупы. Вотъ почему Константинъ говоритъ, что „Славяне не имѣютъ другихъ правителей, кромѣ жупановъ-старостъ...." Византійцы хорошо понимали разницу между значеніемъ Греческаго императора въ имперіи и значеніемъ какого-либо Славянскаго князя въ его области.

Княжеская власть у Хорватовъ и Сербовъ была съ самаго начала наслѣдственна. Это слѣдуетъ изъ самаго повѣствованія Константина о ихъ князьяхъ. О Сербахъ Константинъ говоритъ: „Когда умеръ князь, который привелъ Сербовъ въ Иллирикъ, наслѣдовалъ ему сынъ его, потомъ внукъ и т. д. по порядку" [4]). Однако никакихъ подробностей объ этомъ наслѣдственномъ правѣ мы не знаемъ [5]). Что касается отношенія Византійскаго императора къ власти княжеской то по видимому, императоръ не вмѣшивался въ дѣла престолонаслѣдія. Императоръ Василій, какъ мы видѣли, принимая Иллирскихъ Славянъ подъ свою верховную власть, не нарушилъ правъ наслѣдственности ихъ князей и только утвердилъ тѣхъ, которыхъ они сами желали изъ стараго княжескаго рода, пользовавшагося всегда ихъ любовью и почтеніемъ [6]).

---

[1]) Нѣм. Gau, лат. Comitatus. Жупа, какъ полагаютъ, значитъ: связь, союзъ; см. *Гильфердингъ*, Письма, I, 18, пр.

[2]) Такой банъ, какъ мы видѣли, упоминается Константиномъ въ Хорватіи; въ Сербіи, кажется, подъ властью бана находилась Босна. Слѣдуетъ замѣтить, что власть бана впослѣдствіи увеличилась въ ущербъ и безъ того слабой власти великаго жупана. Баны часто достигали полной независимости въ своихъ областяхъ. Они вступали иногда въ соперничество съ князьями (банъ Прибунія, убившій князя Мирослава).

[3]) Ἀρχιζουπάνος, μέγας ζουπάνος.

[4]) Cap. 32, p. 153.

[5]) Срвн. R a č k i, Odlomci, etc. 83, 84 и далѣе.

[6]) Ibid., 87—88.

Перечни князей Хорватскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.

Князья Хорватскіе по Константину Багрянородному:

N.—первый князь (мож. быть Клукасъ).

Порга (Πоργὰ).

Поринъ (Πορίνος).

Терпиміръ (Τερπιμέρη).

Красиміръ (Κρασημέρη).

Мирославъ (Μιρόσθλαβος).

Прибунія (Πριβουνία).

Родословная.

Терпиміръ.

Красиміръ.

Мирославъ.

Седеславъ

(его нѣтъ у Константина).

Князья Хорватскіе по разнымъ источникамъ:

Порга.

Поринъ (Боренъ, Борна?), Borna (818—821 гг.).

Владиславъ, Ladasclavus (821 г.).

Миславъ, Mislaus (ок. 839 г.).

Терпиміръ, Tirpimirus (ок. 852 г.).

Красиміръ (Кресиміръ, Крашиміръ).

Мирославъ.

Прибунія.

Демогой, Domogous (ок. 865—876 гг.).

Сыновья его (877 г.).

Седеславъ (Сдеславъ), Sedeslaus (878—879 гг.).

Браниміръ, Branimir (879—880 гг.).

Мутиміръ, Muncimirus (ок. 882 г.).

Томиславъ, Tamislaus (ок. 915 г.)

(современникъ Константина).

Князья Сербскіе по Константину Багрянородному:

N.—первый князь, приведшій Сербовъ.

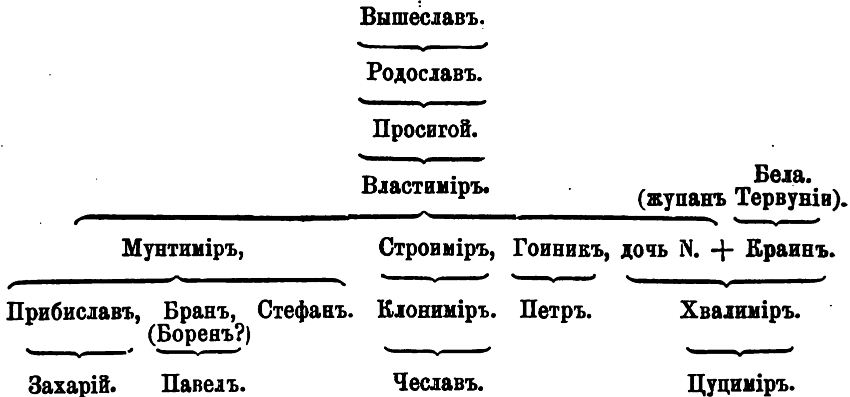
1. Вышеславъ, Βοισέσθλαβος.
2. Родославъ, Ῥοδόσθλαβος.
3. Просигой, Προσηγόης.
4. Властиміръ, Βλαστήμερος.
5. Мунтиміръ, Строиміръ, Гоиникъ, Μουντιμῆρος. Στροήμερος. Γοΐνικος.
6. Мунтиміръ (единовластный ок. 872—891 гг.).
7. Прибиславъ, Πριβέσθλαβος (891 г.).
8. Петръ, Πέτρος (892—917 гг.).
9. Павелъ, Παύλος (ок. 917—920 гг.).
10. Захарій, Ζαχαρίας (ок. 920—924 гг.).

Сербія—опустошенная Болгарами (925—932 гг.).

11. Чеславъ, Τζεέσθλαβος (ок. 934 г.).

Родословная Сербскихъ князей.

N.—первый князь.

Князья Болгарскіе по Константину Багрянородному:

Пресіамъ, Πρεσιάμ (ок. 840 г.).

Борисъ-Михаилъ, Μιχαὴλ ὁ Βορίσης (Βορώσης) (844—889 гг.).

Симеонъ, Συμεών (893—927 гг.).

Петръ, Πέτρος (съ 927 г., современникъ Константина).

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ [1]).

А.

Б.

[1]) Курсивомъ печатаются всѣ имена, встрѣчающіяся въ разбираемыхъ извѣстіяхъ Константина; звѣздочкой (*) означены тѣ изъ нихъ, которыя являются у него въ особой, по видимому, имъ самимъ искаженной или вообще измѣненной формѣ.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

Л.

М.

Р.

С.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

